

ЛОБСАНГ РАМПА

ТРИНАДЦАТАЯ СВЕЧА

Лобсанг Рампа. Тринадцатая свеча.

На многочисленные просьбы о переиздании предыдущих томов Лобсанга Рампы, исходящие от широчайшего круга читателей — от духовных учителей до офицеров ФСБ, «София» отвечает просто изданием *новой книги*.

Не удивляйтесь, если через месяц ее не будет в продаже. Это одна из немногих книг, заказы на тираж которой поступили еще до окончания ее перевода.

К тому же — это очень хорошая книга. Мы рады, что появился четырнадцатый том Лобсанга Рампы. Тринадцать — какое-то неуютное число.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Объяснение

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ОБЪЯСНЕНИЕ

Тринадцатая свеча? Ну что ж, мне это название кажется вполне логичным. Я пытаюсь «зажечь свечу», а это значительно лучше, чем «проклинать тьму». Перед вами моя тринадцатая книга, которая, я надеюсь, станет моей тринадцатой свечой.

Вы можете считать ее совсем маленькой свечкой, возможно, даже одной из тех, какими украшают именинный пирог. Но у меня никогда не было никакого пирога со свечами — даже именинного! — ну а теперь, при строгой диете без сахара, позволяющей мне не более тысячи калорий в день, уже слишком поздно об этом думать.

Так будьте же ко мне снисходительны. Давайте считать это тринадцатой свечой, пусть даже такой крохотной, как на именинном пироге для куклы.

ГЛАВА 1

Миссис Марта Мак-Гухугли решительно направилась к дверям кухни, зажав в руке, цветом напоминавшей ветчину, измятую газетную вырезку. Выйдя из кухни на высокий заросший сорняками участок земли, который исполнял роль «садика» позади дома, она остановилась и оглянулась по сторонам, словно разъяренный бык в брачный период в ожидании соперников. Испытав удовлетворение — или разочарование — оттого, что соперников поблизости нет, она поспешила к поломанной садовой ограде.

С благодарностью водрузив свой более чем пышный бюст на изъеденный жуками столб, она закрыла глаза и открыла рот.

— Эй, Мод! — взревела она, и ее голос, пролетев по соседним садикам, отразился эхом от ближайшей фабричной стены. — Эй, Мод, ты где?

Она закрыла рот, открыла глаза и стала ждать ответа.

Из дома, расположенного за соседним пустующим домом, раздался звук упавшей и разбившейся тарелки, затем кухонная дверь в доме отворилась и из него подпрыгивающей походкой вышла маленькая тощая женщина, яростно вытирая руки о выдавший виды передник.

— Ну, — недовольно буркнула она, — чиво тебе надобно?

— Эй, Мод, ты это видала? — завопила в ответ Марта, помахивая над головой смятым куском газеты.

— Как я могу знать, видала или нет, пока не посмотрю? — фыркнула Мод. — Может и видала, а там — кто его знает, может и нет. А что это такое, еще один скандал на почве секса?

Миссис Марта Мак-Гухугли порылась у себя в кармане передника и вытащила оттуда огромные очки в розовой оправе вместе с пригоршней пыли и мелких камешков. Она тщательно протерла очки подолом юбки, прежде чем водрузить их на нос и заправить волосы за уши. Потом, громко высморкавшись в рукав, она заорала:

— Это из Доминиона, племянник прислал.

— Доминиона? Это что, магазин? У них там что, распродажа по сниженным ценам? — впервые заинтересовалась Мод.

Марта презрительно и злобно фыркнула.

— Да нет! — завопила она в отчаянии. — Ты что, вообще ничего не знаешь? Да, Доминион, ну, в Канаде. Канадский Доминион. Это мне племянник прислал. Подожди минутку, я сейчас подойду.

Оторвав бюст от забора и засунув очки обратно в карман передника, она поспешила через запущенный сад к соседке. Мод покорно вздохнула и медленно направилась ей навстречу.

— Ты только посмотри! — взвизгнула Марта, когда они встретились на полпути у выходивших на улочку ворот пустующего соседнего дома. — Посмотри, какую они чушь пишат. Душа? Такой штуки не бывает. Если уж помер, то мертв, пуф! — и все!

Ее лицо пылало, она помахала куском бумаги у самого носа тощей Мод и злобно сказала:

— Я никогда не понимала, что они тут крутят. Когда человек помирает, это как свечу задули, и ничегошеньки от него не остается. Мой бедный муженек, упокой Господи его душу, говаривал перед тем, как умер: «Какое это счастье знать, что никогда больше не встретишь тех, с кем был знаком».

Она фыркнула при одной мысли о такой возможности. Мод О'Хаггис свела глаза на кончике своего длинного носа и терпеливо ждала, пока ее соседка выговорится. Наконец ей удалось спросить:

— Так что это за статья, которая тебя так расстроила? Марта Мак-Гухугли молча протянула ей измятый клочок бумаги, спровоцировавший такой переполох.

— Нет, дорогая, — вдруг сказала она, когда к ней снова вернулся дар речи, — ты

не на той стороне читаешь.

Мод повернула лист и начала сначала, беззвучно шевеля губами, чтобы помочь чтению.

— Ну и ну! — воскликнула она. — Да ни за что!

Марта торжествующе улыбнулась. Она была удовлетворена.

— Ну, — сказала она, — странно, правда, что такую чушь могли напечатать. Ты что об этом думаешь?

Мод несколько раз перевернула листок, снова начала читать не с той стороны, а потом сказала:

— Ой! Я знаю! Хелен Хенсбаум нам скажет что почем. Она все знает про эти штуки. Она книжки читает.

— Та ну ее! Терпеть не могу эту бабу, — ответила Марта, — ты знаешь, что она мне на днях сказала? Она сказала: «Чтоб у тебя свекла в животе выросла — проста Господи, миссис Мак-Гухугли». Вот что она мне сказала, можешь себе представить? Мерзавка! Пф!

— Но она знает, она понимает в этих вещах, и, если мы хотим докопаться до сути ЭТОГО, — она яростно помахала бедным незадачливым клочком газетной бумаги, — мы должны ей подыграть и подлизаться к ней. Пойми!

Марта посмотрела вдоль улицы.

— А вот и она, развешивает свои трусишки, видеть не могу, шлюха, вот она кто, скажу я тебе. У нее их целый ворох, небось подрабатывает где-то на стороне. А как по мне, добротные старые панталоны меня вполне устраивают, — она подняла юбку в подтверждение того, о чем говорила, — в них и тепло, когда мужика нет рядом, а?

Она хрипло засмеялась, и подружки неспеша направились к Хелен Хенсбаум, развешивавшей белье.

Когда они уже почти заворачивали в сад к Хенсбаум, их остановил стук хлопающей двери. Из соседнего сада появилась пара наимоднейших штанов хот-пэнтс. Женщины остановились, как замороженные. Их взгляд медленно полз вверх, фиксируя прозрачную блузу и тупое разукрашенное лицо.

— Клянусь всеми святыми! — пробормотала Мод О'Хаггис. — Есть еще жизнь в нашем дряхлом городишке!

Они стояли, молча уставившись на девушку в хот-пэнтс, раскачивающейся походкой проходившей мимо них на каблуках, которые своей непомерной высотой компенсировали низкий уровень ее моральных принципов.

— Чувствуешь себя старой, когда видишь такое, правда? — заметила Марта Мак-Гухугли.

Без единого слова они направились к миссис Хенсбаум, которая тоже не сводила глаз с девицы.

— Добрейшего вам утра, миссис Хенсбаум, — сказала Марта. — Я вижу, вам тут есть на что посмотреть, а?

Она захихикала. Хелен Хенсбаум нахмурилась еще больше, хотя и до слов соседки ее лицо было мрачнее тучи.

— *Ach! Her!* — воскликнула она. — Лучше б она умереть в утроба своей матери. — Она вздохнула и потянулась к высоко висевшей бельевой веревке, продемонстрировав, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** носит трусики в обтяжку.

— Миссис Хенсбаум, — начала Мод, — мы знаем, что вы такая начитанная и все знаете про эти вещи, вот мы и пришли к вам за советом. Она умолкла, а Хелен Хенсбаум, улыбнувшись, сказала:

— Ну что ж, дамы, входите, а я приготовлю нам по чашке чая в это холодное утро. Нам всем не помешает немного отдохнуть.

Она первой вошла в свой ухоженный дом, который соседи прозвали «Маленькой Германией» за его чистоту и опрятность.

Чайник вскипел. Чай был заварен. Миссис Хенсбаум предложила гостям печенье, а потом спросила:

— Так чем же я могу вам помочь? Мод кивнула на Марту.

— Она получила очень странную историю из Канады или еще какого-то чужеземного края. И не знаю, что про это думать. Она вам сейчас расскажет.

Марта выпрямилась и сказала:

— Вот, гляньте-ка, мне это племянник прислал. Вляпался когда-то в историю с замужней женщиной, да, было, да и удрал в город под названием Монреаль, в Доминионе. Иногда пишет. Вот прислал в письме. Не верю я в эти штуки.

Она протянула смятый листок газеты, выглядевший теперь значительно хуже от непочтительного отношения.

Миссис Хелен Хенсбаум осторожно взяла обрывок и расстелила его на чистом листе бумаге.

— *Ach*, так! — взвизгнула она возбужденно, забыв о своем всегда безупречном английском. — *Ist gut*, нет?

— Прочли бы нам это четко и сказали, что вы об этом думаете, — попросила Мод.

Итак, миссис Хенсбаум прочистила горло, отхлебнула чаю из чашечки и начала:

— Из Монреаль Стар, я вижу. Понедельник, 31 мая 1971. Хм-м-м... ИНТЕРЕСНО. Да, я бываю этот город. После короткой паузы она прочла:

«Сам видел, как выходил из тела. Сердечник описывает ощущение умирания. Канадиан Пресс-Торонто. Некий житель Торонто, переживший в прошлом году сердечный приступ, заявил, что сам видел, как вышел из тела и испытал странное ощущение покоя во время критического периода, когда у него остановилось сердце. Б. Лесли Шарп шестидесяти восьми лет говорит, что, пока его сердце не билось, он наблюдал себя «лицом к лицу».

М-р Шарп описывает свой опыт в последнем выпуске журнала Канадской Медицинской Ассоциации в докладе д-ра Р. Л. Мак-Миллана и д-ра К. В. Г. Брауна, заведующих коронарным отделением в главной больнице Торонто.

В своем докладе доктора пишут: «Это мог быть опыт души, покидающей тело». М-ра Шарпа привезли в больницу после того, как его домашний врач диагностировал боль в левой руке как сердечный приступ. По словам м-ра Шарпа, он запомнил, как на следующее утро посмотрел на часы, когда лежал в постели, подключенный к кардиографическому аппарату проводами и внутривенными трубками.

— Именно в тот момент я очень глубоко вдохнул, и моя голова запрокинулась направо. Я подумал: «Почему у меня голова запрокинулась? Я ею не шевелил, наверное, я засыпаю». В следующую минуту я смотрел на свое тело от пояса вверх, лицом к лицу, словно в зеркало, где, по ощущению, я находился в левом нижнем углу. Почти мгновенно я увидел, как покидаю тело, выходя из головы и плеч. Я не видел нижней части своего тела. Не могу сказать, чтобы тело, выходящее из меня, было газообразным, однако оно стало медленно расширяться, когда совсем из меня вышло, — говорит м-р Шарп.

— Внезапно я ощутил, что сижу на очень маленьком предмете, несущемся с огромной скоростью вверх, в унылое серо-голубое небо, под углом 45 градусов. Внизу слева я увидел чистое белое вещество, похожее на облако, тоже двигавшееся вверх по траектории, которая вскоре должна была пересечься с моей. Оно было правильной прямоугольной формы, но испещренное дырками, как губка.

Следующим моим ощущением было парение в ярком нежно-желтом свете — это восхитительное чувство. Я продолжал парить, наслаждаясь прекрасным чувством покоя.

Потом слева на меня обрушились удары кузнечного молота. Фактически, они не

причиняли физической боли, но так сильно меня раздражали, что мне стоило больших усилий сохранять равновесие. Я начал считать удары и, дойдя до шести, сказал вслух: «Что за... вы со мной делаете?» — и открыл глаза.

«Он говорит, что узнал докторов и сестер, стоявших у его постели. Они сообщили, что он пережил остановку сердца и ему делали дефибриляцию — воздействовали электрическим током, чтобы сердце снова обрело нормальный ритм.

Врачи считают очень необычным для больного с сердечным приступом помнить сопутствующие ему события, поскольку обычно такие больные находятся в беспомощности на протяжении нескольких часов до и после приступа».

— Ну и ну!!! — воскликнула Хелен Хенсбаум.

Она закончила чтение и, откинувшись назад, пристально глядела на сидящих перед ней женщин.

— Как очень интересно! — повторяла она снова и снова. Марта Мак-Гухугли самодовольно ухмыльнулась от сознания того, что показала «этой иностранке» нечто такое, чего та не ждала.

— Неплохо, э? — улыбнулась она. — Типичная болтовня и оригинальничанье, ведь так?

Хелен Хенсбаум загадочно улыбнулась и спросила:

— Так вам кажется это странным, да? Вы думаете это — как вы сказали — болтовня? Нет, сударыни, такое бывает. Сейчас я вам покажу!

Она вскочила на ноги и побежала в другую комнату. Там в очень элегантном шкафу стояли книги. Больше книг, чем Марта когда-либо видела в своей жизни. Хелен Хенсбаум выбрала несколько книг.

— Посмотрите, — воскликнула она, перелистывая страницы так, словно ласкала старых и любимых друзей. — Посмотрите. Тут все об этом, и еще больше печатается. Истина. Истина, которую принес нам один человек, за что его преследовали и подвергли наказанию. А теперь только потому, что какой-то случайный газетчик пишет об этом статейку, люди могут поверить, что это правда.

Миссис Марта Мак-Гухугли с интересом посмотрела на названия «Третий глаз» и «Доктор из Лхасы».

— Это что такое? — пробормотала она, прежде чем перейти к следующим заголовкам. Потом, обернувшись к хозяйке, она воскликнула:

— Но вы ведь тоже не верите в ЭТУ чушь, ведь нет? Лопни мои глаза, это все выдумки!

Хелен Хенсбаум громко засмеялась.

— Выдумки, — выдохнула она наконец, — выдумки? Я изучала эти книги и ЗНАЮ, что это правда. Прочитав «Ты вечен», я тоже могу путешествовать в астрале.

Марта сникла. «Бедная кукла путает немецкий с английским, — подумала она. — Путешествовать в астрале? Что это такое? Новая авиакомпания или еще что-то?» У Мод рот открылся от удивления. Все это было намного выше ее разума. Ей самой нравилось читать только «Воскресный выпуск» с сообщениями о последних преступлениях на сексуальной почве.

— Эти путешествия в устрале или астрале или как там его, что это такое? — спросила Марта. — Неужели что-то такое в самом деле существует? И мой старик, который недавно умер, упокой, Господи, его душу, мог бы прийти ко мне и сказать, где он припрятал свои денежки перед тем, как окочурился?

— Да, уверяю вас. Да, это могло бы произойти, если бы для этого существовала достойная причина. Если бы это было во благо другим, то могло бы произойти.

— Фу ты, ну ты, ножки гнуты, — выпалила Марта возбужденно. — Теперь я не смогу уснуть от страха, что мой примется за свои старые штучки. — Она покачала

головой и с грустью добавила: — Что он вытворял в постели!

Хелен Хенсбаум подлила гостям чаю. Марта Мак-Гухугли ткнула пальцем в книги.

— Послушайте, миссис Хенсбаум, одолжите мне какую-нибудь, — попросила она.

Миссис Хенсбаум, улыбнувшись, ответила:

— Нет, я никогда не одалживаю своих книг, потому что автор вынужден жить на жалкую сумму, которая называется «авторский гонорар», мне кажется, это 7%. Если я одалживаю книги, то лишаю автора средств к существованию.

Она на секунду задумалась, а потом воскликнула:

— Знаете что, я лучше куплю вам подарок, и вы сами сможете читать Истину.

Идет?

Марта в сомнении покачала головой:

— Ну нет, — ответила она, — уж я-то не буду этого делать. Мне совсем не нравятся даже мысли о том, что после того, как мы помыли и аккуратненько упрятали тело — заколотили его в ящик и засыпали землей, что он будет приходить эдаким привидением и пугать нас так, что мы и света Божьего не взвидим.

Мод было явно не по себе, она почувствовала, что настало время для ее коронного замечания «гроша ломаного не стоит».

— Да — сказала она нерешительно, — после того, как мы отправили его в трубу крематория облаком дыма, ну что ж, это должен быть конец ВСЕМУ!

— Но послушайте, — перебила Марта, сердито глядя на Мод, — если, как вы говорите, существует жизнь после смерти, тогда почему нет ДОКАЗАТЕЛЬСТВ? Они уходят, и только мы о них и слышали. Уходят — если бы они продолжали жить, то обязательно дали бы нам знать, спаси Господи!

Миссис Хенсбаум помолчала, а затем встала и подошла к маленькому письменному столику.

— Посмотрите, — сказала она, вернувшись с фотографией в руке, — посмотрите вот на это. Он в плену у русских, в Сибири. Мы знаем, что он жив. Нам сообщил об этом Швейцарский Красный Крест. Но мы не можем получить от него никаких вестей. Мы близнецы, и я знаю, что он жив. Марта уставилась на фотографию, теребя рамку в руках.

— Моя мать живет в Германии, Восточной Германии. Она тоже жива, но мы не можем общаться. Хотя эти два человека все еще на Земле, по-прежнему с нами! Или предположим, что у вас есть друг, ну, скажем, в Австралии, которому вы хотите позвонить. Даже если у вас есть номер телефона, вам нужно учитывать разницу во времени, воспользоваться каким-нибудь механическим и электрическим приспособлением. И даже в этом случае, вы, возможно, не сможете поговорить с вашим другом. Он может быть на работе или в гостях. А это всего лишь с другой стороны земного шара. Так подумайте, как сложно позвонить по ту сторону этой жизни.

Марта рассмеялась.

— Ой, не могу! Миссис Хенсбаум, ну вы и чудачка! — ликовала она. — Телефон, говорит, в потустороннюю жизнь.

— Эй, минуточку! — вдруг воскликнула Мод в сильнейшем возбуждении. — Да, конечно, в этом несомненно кое-что есть! Мой сын — электронщик на Би-Би-Си, и он рассказывал — вы знаете, как мальчишки рассказывают, — о каком-то старом ученом, который изобрел такой телефон, и тот действовал. Микрочастоты или что-то такое, а потом все это замяли. Я думаю, церковь вмешалась.

Миссис Хенсбаум одобрительно улыбнулась Мод и прибавила:

— Совершенно верно. Этот писатель, о котором я вам говорила, очень много об этом знает. Дело застопорилось из-за нехватки денег, мне кажется. Однако в любом случае известия действительно доходят. Смерти не существует

— Ну так докажите это, — сказала Марта грубо.

— Я не могу так просто вам это доказать, — мягко ответила миссис Хенсбаум, —

но попробуйте взглянуть на дело следующим образом. Возьмем кусок льда. Пусть он будет символом тела. Лед тает, что соответствует разложению тела, и получается вода, что соответствует выходу души.

— Чушь! — воскликнула Марта. — Мы можем видеть воду, а покажите-ка мне душу!

— Вы меня перебили, миссис Мак-Гухугли, — возразила миссис Хенсбаум. — Вода испаряется и превращается в невидимый пар, вот он-то и соответствует жизни после смерти.

Мод заволновалась, потому что не успевала следить за объяснениями. После нескольких мгновений замешательства она решилась.

— Мне кажется, миссис Хенсбаум, что если мы хотим войти в контакт с дорогим усопшим, то должны пойти на спиритический сеанс, где и сможем пообщаться с духами?

— Бог мой, да нет же! — засмеялась Марта, ревниво отстаивая свои позиции. — Если вам хочется спиртного*, сходите в бар и купите себе какого-нибудь виски. Старушка Никервакер считается хорошим медиумом, и другое спиртное весьма уважает. А вы когда-нибудь были на спиритическом сеансе, миссис Хенсбаум?

* Англ. «Spirit» — «дух» и «спирт». — *Прим. ред.*

Хелен Хенсбаум печально покачала головой.

— Нет, — ответила она, — я не хожу на спиритические сеансы. Я в них не верю. Многие из тех, кто туда ходит, искренне в них верят, но — о! — как они заблуждаются.

Она взглянула на часы и резко вскочила на ноги, воскликнув в волнении:

— Mein lieber Gott! Пора мне готовить мужу обед. Когда к ней вернулось самообладание, она продолжила более спокойно:

— Если вам интересно, приходите в три часа, и мы еще поговорим, а теперь мне пора вернуться к своим обязанностям домохозяйки. Марта и Мод встали и направились к двери.

— Хорошо, — ответила Марта за обеих, хотя никто ее об этом не просил, — мы снова придем в три, если вы приглашаете.

Они вместе прошли через садик и вышли на заднюю улицу. Марта заговорила только тогда, когда они уже расставались.

— Так вот, я не пойду, — заявила она. — И правда, не пойду, но все равно, давай встретимся здесь без десяти три. Пока!

И она закрыла за собой дверь, а Мод отправилась дальше в направлении своего жилища.

Тем временем миссис Хенсбаум яростно носилась по кухне с чисто германской деловитостью, бормоча какие-то непонятные слова. Тарелки и столовые приборы вылетали из ее рук, чтобы безошибочно приземлиться на свои строго определенные места на столе, словно она была высокооплачиваемым жонглером из Берлинского мюзик-холла. К тому времени как стукнула садовая калитка и размеренная поступь ее мужа замерла у дверей дома, все было готово — обед стоял на столе.

Солнце уже прошло зенит и стало стремиться к западу, когда Мод появилась в дверях своего дома и весело заспешила к подруге. Она являла собой сногшибательное зрелище в цветастом платье, до боли напоминавшем об уцененном магазине возле Вэппинг-Степс.

— Эгей! Марта! — позвала она, осматриваясь у садовой калитки. Марта отперла дверь и в изумлении уставилась на Мод.

— Чтоб мне провалиться на месте! — сказала она испуганно. — Яичница на закате, да?

— У тебя слишком узкая юбка, Марта, — набросилась на нее Мод, — видны даже резинки от пояса и панталоны. Не тебе бы говорить!

И действительно, Марта и в самом деле являла достойное внимания зрелище! Жемчужно-серый костюм обтягивал ее почти до неприличия, как юбка, так и жакет. У изучающего анатомию не было бы никаких сложностей с определением различных объектов, включая *linea alba*. Ее каблуки были настолько высокими, что она вынуждена была держаться неестественно прямо и неуклюже, а из-за неожиданно высокого роста у нее появилась тенденция вилять задом. Ее выдающиеся достоинства в области «молочного бара» вынудили беднягу принять в высшей степени значительную позу. В общем, она была похожа на американского солдата на параде.

Дамы продефилировали по переулку и вошли в сад к Хенсбаумам. Миссис Хенсбаум по первому стуку открыла им дверь и провела в комнату.

— Бог мой! Миссис Хенсбаум, — удивилась Мод, войдя в «гостиную», — вы что, решили заняться книготорговлей?

— О нет, миссис О'Хаггис, — улыбнулась немка. — Мне показалось, что вы очень заинтересовались парапсихологией, и поэтому я купила собрание сочинений Рампы для каждой из вас. Это вам подарок от меня.

— Ух ты! — выдохнула Марта, указывая на одну из книг. — Очень чудной старикан, правда? Что, у него действительно из головы кот вырос, как здесь нарисовано?

Миссис Хенсбаум засмеялась, и ее лицо приняло багровый оттенок.

— *Ach*, нет, — воскликнула она, — издатели так вольно обращаются с обложками, автор совершенно не имеет права голоса в этом вопросе. Погодите-ка, сейчас я вам покажу. — И она ринулась вверх по лестнице, но вскоре вернулась, слегка запыхавшись от такой резвости, с фотографией в руке. — Вот так выглядит этот автор. Я написала ему письмо, и он мне ответил и прислал вот это. Я ею очень дорожу.

— Но миссис Хенсбаум, — не унималась Марта с легким отчаянием в голосе, когда они возобновили дискуссию, — миссис Хенсбаум, вы же ничего не можете доказать. Это все выдумки.

— Миссис Мак-Гухугли, — ответила миссис Хенсбаум, — вы ошибаетесь. Доказательства существуют, но с ними нужно столкнуться на опыте, пережить их. Мой брат находится в руках у русских. Я рассказала своей подруге, мисс Роде Карр, что он посещал меня в астральном теле и сказал, что пребывает в тюрьме под названием Днепропетровск. Он сказал, что это очень крупный комплекс тюрем в Сибири. Я никогда о таком не слышала. Тогда мисс Рода Карр ничего мне не ответила, но через пару недель она мне написала и подтвердила информацию. Она связана с одной организацией и может навести справки у наших тайных друзей в России. А еще, и это очень интересно, она сказала, что многие люди рассказывали ей подобные вещи о своих родственниках в России, и все, говорит она, получили информацию оккультными методами.

Мод слушала ее с открытым ртом. Вдруг она выпрямилась и сказала:

— Моя мать рассказывала мне когда-то, что однажды она ходила на спиритический сеанс и ей там сказали очень много правды. Все впоследствии сбылось. А почему вы говорите, что эти сеансы никуда не годятся, миссис Хенсбаум?

— Да нет, я не говорю, что все они никуда не годятся. Я только сказала, что не верю в них. За порогом смерти существует много зловредных существ, которые могут читать мысли и любят дурачить людей. Они читают наши мысли, а потом посылают всякие сообщения, выдавая их за послания какого-нибудь индийского учителя или дорогого нам усопшего. Большинство этих сообщений глупые и бессмысленные, но иногда, случайно, КОЕ-ЧТО вполне может быть правдой.

— Им бы пришлось слегка покраснеть, если б они прочитали мои мысли, — хихикнула Марта, — я никогда не была пай-девочкой. Миссис Хенсбаум, улыбнувшись, продолжала:

— Люди находятся в большом заблуждении относительно усопших. Там у них много работы, им некогда сидеть и ждать случая ответить на глупые вопросы. У них там много работы. Как бы вы реагировали на глупые телефонные звонки, миссис О'Хаггис,

если бы были очень заняты и спешили? А вы, миссис Мак-Гухугли, обрадовались бы какой-нибудь зануде, постучавшей вам в дверь, когда вы уже опаздываете на бинго-шоу.

— Ох, вы правы, действительно, — не могла не согласиться Марта, — но вот вы тут говорили о каких-то индийских учителях. Я о них слыхала. Почему они обязательно из Индии?

— Миссис Мак-Гухугли, не обращайте внимания на эти рассказы, — ответила ей миссис Хенсбаум. — Люди воображают себе индийских учителей, тибетских учителей и т. д., и т. д. Вы только подумайте, здесь, в этой жизни, некоторые смотрят на индусов, тибетцев и китайцев как на бедные бесправные цветные народы, не заслуживающие никакого внимания. Так как же мы можем вдруг считать их какими-то духовными гениями только потому, что они пересекли порог смерти? Нет, огромное большинство людей несведущих «выбирают» себе индийского учителя только потому, что это так таинственно. Фактически, наш ЕДИНСТВЕННЫЙ учитель... — это наше Высшее Я.

— О! Этого нам не понять, того, что вы говорите, миссис Хенсбаум. Вы нас совсем запутали своими словами.

Миссис Хенсбаум засмеялась и ответила:

— Все это так, но сначала почитайте эти книги. Начните, пожалуй, с «Третьего глаза».

— А можно, если это не будет большой дерзостью с моей стороны, мы еще придем к вам поговорить? — спросила Мод О'Хаггис.

— Конечно, можете, о чем речь? Мне это доставляет удовольствие, — радушно ответила миссис Хенсбаум. — Почему бы нам не договориться о встрече в это время через неделю?

И вот через несколько минут дамы снова шли по улице легкой походкой, хотя каждая несла тяжелую стопку книг — подарок миссис Хенсбаум.

— А мне бы хотелось, чтобы она побольше рассказала о том, что с нами происходит после смерти, — задумчиво произнесла Мод.

— Ай, брось, скоро сама узнаешь, — отрезала Марта.

В тот вечер свет долго горел в домах Мак-Гухугли и О'Хаггис. И глубокой ночью продолжало светиться окно в спальне у Марты, занавешенное красной шторой. Время от времени проснувшийся ветерок приподымал тяжелые зеленые портьеры в гостиной у Мод, где она, ссутулившись, сидела на стуле, крепко сжимая книгу в руках.

По улице промчался запоздалый автобус, унося домой ночных уборщиков офисов. Вдалеке величественно прогрохотал поезд с тяжелым грузом автомобилей, мерно покачивающихся с легким дребезжанием над рельсами сортировочной станции. Взвыла сирена, то ли полицейская, то ли скорой помощи. Мод, глубоко погружившейся в книгу, не было до этого никакого дела. С ратуши раздался бой курантов, возвещавших наступление утра. Наконец погасло окно в комнате у Марты. Вскоре и Мод выключила свет в гостиной и на короткое мгновение он вспыхнул в окне ее спальни.

Звон посуды раннего молочника нарушил мирную сцену. Вскоре появились дворники с тележками и снова нарушили тишину лязгом металла. По улице пронеслись первые автобусы с зевающими рабочими. Из труб стали вздыматься струйки дыма. Двери домов ненадолго открывались и быстро захлопывались за людьми, которые начинали новую гонку, соревнуясь с временем и поездами.

Наконец красные жалюзи в спальне у Марты так яростно взлетели вверх, что шнурок зашелся в неистовом танце. Марта с испуганным, припухшим от сна лицом, тупо уставилась на равнодушный мир. Волосы, туго накрученные на бигуди, придавали ей дикий и неаккуратный вид, а просторная фланелевая ночная рубаша подчеркивала внушительные размеры и более чем щедрые дары природы. Чуть позже дверь дома О'Хаггис медленно отворилась и чья-то рука потянулась за бутылкой молока, оставленной на ступеньках молочником. После долгой паузы дверь снова отворилась, и на этот раз на пороге появилась Мод в полосатом домашнем халате. Усталым движением она

вытряхнула коврик, самозабвенно зевнула и снова скрылась в тишине своей обители.

Откуда-то из темного переулка вынырнул кот. Он осторожно оглянулся по сторонам, прежде чем решился степенно выйти на дорогу. Прямо посреди улицы он остановился, сел и занялся туалетом — умыл мордочку, ушки, лапки, хвост — и снова исчез в темном углу в поисках завтрака.

ГЛАВА 2

Тимон! Тимон! — голос был резкий, испуганный, со скрипучими нотками, из тех, которые ужасно раздражают и взвинчивают нервы до предела.

— Тимон! Поспеши, твой отец умирает.

Мальчик медленно вынырнул из глубин, в которых не было и искры сознания. Он медленно пробивался сквозь густой туман сна, пытаясь поднять налитые свинцом веки.

— Тимон, ты должен проснуться. Твой отец умирает!

Безжалостная рука схватила его за волосы и неистово встряхнула. Тимон открыл глаза. Внезапно он услышал странный скрежещущий звук («похожий на хрип задыхающегося яка» — подумал он). Он сел и с любопытством завертел головой, стараясь что-то разглядеть в полумраке маленькой комнаты.

На небольшом уступе стоял каменный сосуд. В нем плавал еще не растаявший кусок масла. Полоска грубого холста, небрежно брошенная в неуспешное растаять масло, плохо исполняла функцию фитиля. Он шипел и вспыхивал, отбрасывая на стену дрожащие тени. Из-за случайного сквозняка фитиль неожиданно нырнул, зашипел еще сильнее» забрызгал, и слабый огонек совсем приуныл. Потом, напившись от погружения в масло, он вспыхнул с новой силой, разбрасывая струйки дыма и сажи по всей комнате.

— Тимон! Твой отец умирает, ты ДОЛЖЕН сходить за ламой! Поторопись! — кричала мать в отчаянии.

Медленно, все еще пребывая во власти сна, Тимон поднялся на непослушные ноги и закутался в свою нехитрую одежку. Скрежещущий звук участился, потом снова замедлился и приобрел монотонный ритм, от которого кровь стыла в жилах. Тимон подошел к бесформенной куче, у которой, скорчившись, сидела его мать. Испуганно уставившись на лицо отца, которому неверный свет масляной лампы придавал еще более пугающий вид, он ощутил парализующий ужас. Отец посинел и выглядел застывшим и холодным. Он посинел от сердечного приступа. У него появились признаки трупного окоченения, хотя он все еще был жив.

— Тимон! — торопила мать.— Ты должен сходить за ламой, иначе твой отец умрет, ему некому будет помочь. Скорей! Скорей!

Тимон стремглав бросился к двери. Звезды мерцали холодным ярким светом в той особой темноте, какая обычно наступает перед рассветом, в час, когда Человек наиболее подвержен ошибкам и поражениям. Колючий ветер запутался в клубках тумана, спускавшегося с гор, он кружил над землей, перекатывая мелкие камешки и вздымая облака пыли.

Мальчик, которому не было и десяти лет, остановился, дрожа от холода и всматриваясь в темноту, едва тронутую светом далеких звезд. Луны не было, она была в другой фазе. Горы вздымались плотной темной стеной, и только по слабому пурпурному мерцанию можно было догадаться, где начиналось небо. Там, где грязно-пурпурное пятно с неясными очертаниями касалось тускло поблескивающей реки, мерцал дрожащий желтый огонек, казавшийся ярким на фоне всепоглощающей темноты. Мальчик пустился бегом, он бежал, прыгал, перелезал через валуны, объятый единственным желанием — скорее добраться до святилища, где горел этот свет. Острые камни безжалостно вонзались в его босые ноги. Круглая галька, возможно оставшаяся с тех доисторических времен,

когда здесь плескалось древнее море, предательски уходила из-под ног. Огромные валуны пугающе маячили в предрассветной мгле и до крови сдирали кожу, когда он нечаянно ударялся о них в быстром, подстегиваемом страхом беге.

Вдали маячил слабый свет. Ребенок оставил умирающего отца, рядом с которым не было лампы, чтобы направлять неверные шаги его души. Мальчик спешил изо всех сил. Его прерывистое дыхание нарушало тишину и покой горного воздуха. Вскоре он почувствовал острую боль в боку, преследующую тех, кто плохо рассчитывает силы в беге. Эта боль донимала его всю жизнь. Задыхаясь от тошноты и всхлипывая в бесплодных попытках вдохнуть побольше воздуха, ребенок был вынужден замедлить бег и перейти сначала на быстрый шаг, а потом и вовсе заковылять.

Свет мерцал вдали, словно маяк надежды в океане безнадежности. Что же теперь с ними будет? — думал он. Как они будут жить? Что будут есть? Кто будет заботиться о них, кто защитит? Его сердце билось в бешеном ритме, он даже испугался, что оно может выскочить из высоко вздымавшейся грудной клетки. Пот лил градом, быстро остывая в холодном предрассветном воздухе. Его жалкая одежонка измялась, сморщилась, едва защищая от натиска стихий. Они были бедны, отчаянно бедны, а теперь, похоже, станут еще беднее с потерей отца-кормильца.

А свет по-прежнему маячил впереди — прибежище в океане страха. Мерцал, вспыхивал, гас и снова возгорался, словно напоминая одинокому мальчику о том, что жизнь его отца угасала, чтобы вновь вспыхнуть ярким светом за пределами этого сурового мира. Он снова побежал изо всех сил, прижав локти к бокам, широко открыв рот, напрягая каждый мускул, чтобы не потерять драгоценных мгновений.

Свет стал ярче, словно звезда, зовущая отдохнуть. Рядом с ним текла Счастливая Река. Она лепетала, играя камешками, которые смыла с горных высот, где брала свое начало. Река тускло поблескивала серебром в таинственном сиянии звезд. Мальчик уже мог различить впереди смутные очертания маленького ламаистского монастыря, приютившегося между рекой и горным склоном.

Он засмотрелся на свет и на реку, чуть ослабил внимание и - подвернул лодыжку. Его швырнуло на землю, он ободрал руки, колени, лицо. Рыдая от боли и отчаяния, он с трудом поднялся на ноги и, прихрамывая, побрел дальше.

Вдруг прямо перед ним вырос какой-то силуэт.

— Кто это бродит у наших стен? — спросил низкий старческий голос. — И что привело тебя к нам в такой час?

Сквозь опухшие от слез веки Тимон разглядел стоявшего перед ним монаха.

— О! Да ты поранился! Пойдем, я посмотрю, что с тобой случилось, — не умолкал голос.

Старик медленно повернулся и направился в свой крохотный монастырь. Тимон остановился, ослепленный внезапным светом маленькой масляной лампы — действительно ярким по сравнению с окружающей темнотой.

Воздух казался густым от благовоний. Какие-то мгновения Тимон не мог вымолвить ни слова, но, наконец собравшись с силами, объяснил, зачем пришел:

— Мой отец умирает, и мама послала меня за вами, чтобы вы помогли ему в путешествии. Он УМИРАЕТ!

Бедный мальчик упал на пол, отчаянно рыдая и закрывая лицо руками. Шаркающей походкой старый монах вышел в другую комнату, и вскоре оттуда донесся его громкий шепот. Тимон сидел на полу, иступленно рыдая от страха и жалости к себе. Через минуту он услышал другой голос:

— Сынок! Сынок! О, да это юный Тимон. Я тебя знаю, мальчик мой. Тимон почтительно поклонился, с трудом поднялся на ноги и вытер глаза краем одежды, размазав дорожную грязь по мокрому от слез лицу.

— Ну, рассказывай, мой мальчик, — сказал Лама, а это был именно он. Тимон его узнал. Когда он снова повторил свою историю, Лама сказал:

— Пойдем, мы поедем вместе. Я одолжу тебе пони. Но сначала выпей чаю и поешь немного тсампы. Ты, наверное, проголодался, а день будет длинным и утомительным.

Старый монах принес еду, и Тимон сел на пол, чтобы подкрепиться, пока Лама будет заниматься приготовлениями. За окном слышался стук копыт, и Лама вернулся в комнату.

— Готов? Хорошо, тогда поехали. — И он вышел, предоставив Тимону следовать за собой.

Теперь над далекими горами, обрамлявшими долину Лхасы, появились первые бледные лучи, возвещавшие рождение нового дня. Внезапно вспышка света прорвалась сквозь проем в высоких горах и на мгновение коснулась родительского дома Тимона, стоявшего далеко внизу на дороге.

— Даже день умирает, мой мальчик, — сказал Лама, — но через несколько часов он рождается новым днем. И так происходит со всеми живыми существами.

Пони беспокойно топтались у двери под ненадежным присмотром прислужника, который был едва ли старше Тимона.

— Нам придется ехать на этих, — прошептал юный прислужник Тимону, — если он не захочет останавливаться, закрой ему глаза руками. А если, — добавил он мрачно, — и это не поможет, тогда спрыгивай на ходу.

Лама быстро сел в седло. Юный прислужник помог сесть Тимону, а потом, преодолевая страх, взобрался в седло сам и поехал вслед за двумя другими лошадами, которые уже исчезли в темноте, все еще окутывавшей землю.

Золотые лучи взметнулись в небо над горными вершинами, когда на востоке показалось солнце. Замерзшая влага в неподвижном воздухе вспыхнула мириадами огней всех цветов и оттенков, словно ледяная призма. По земле побежали гигантские тени, ночь отступала перед неумолимо приближавшимся днем. Три одиноких путешественника, словно песчинки, затерянные в безбрежности выжженной земли, ехали по заваленной камнями местности, уже без особого труда минуя обвалы и трещины при свете наступающего утра.

Вскоре неподалеку от затерянного среди валунов домика они увидели одинокий силуэт. Прикрывая глаза рукой, женщина напряженно глядела на дорогу в мучительном и, ей казалось, бесконечном ожидании помощи. Всадники продолжали свой путь, осторожно минуя обломки скал.

— Молодец, мой мальчик, я и не знаю, как тебе удалось пробраться тут в темноте, — обратился Лама к Тимону. — Наверное, это было нелегкое путешествие.

Но бедняга Тимон был слишком испуган и ужасно устал, он даже не мог ответить. Он дремал, ритмично покачиваясь в седле. Кавалькада продолжала свой путь в молчании.

Женщина стояла у двери, заломив руки и смущенно кивая головой в знак уважения. Лама спрыгнул с пони и подошел к потемневшей от горя женщине. Юный прислужник сполз с коня и хотел помочь Тимону, но было уже поздно — мальчик соскочил сам, как только животное остановилось.

— Святой Лама, — произнесла женщина дрожащим голосом, — мой муж уже почти отошел, я старалась не дать ему забыться и так боялась, что вы приедете слишком поздно. О! Что же с нами будет?

— Пойдемте, где он? — Лама последовал за женщиной в дом.

Внутри было еще совсем темно. Куски промасленной ткани закрывали дыры в стенах. Здесь не было стекла, и вместо него использовали густо промасленную ткань, привезенную из далекой Индии. Она имела довольно странный цвет и совершенно особый, ни на что не похожий запах высыхающего масла, щедро перемешанного с сажей от постоянно коптящей масляной лампы.

Полом служила плотно утрамбованная земля, стены были сложены из больших камней, кое-как подогнанных друг к другу, а щели между ними замазаны навозом яка. В центре комнаты горел небольшой огонь, топливом для которого служил тот же навоз яка,

дым подымался вверх и какая-то его часть выходила через отверстие в крыше, предназначенное для этой цели.

У противоположной стены лежала груда чего-то, на первый взгляд ее можно было принять за сваленные в кучу тряпки, но вскоре иллюзию разрушили звуки, исходившие из этой кучи. Резкие судорожные хрипы человека, пытавшегося удержать дыхание в теле, звуки, говорившие о том, что человек находится при последнем издыхании. Лама подошел к стене и стал всматриваться в царящий в комнате мрак. На полу лежал пожилой худой человек. Тяготы жизни наложили на него свою печать. Этот человек всю свою жизнь прожил в соответствии с верованиями предков, так ни разу и не удосужившись задуматься над чем-нибудь самостоятельно.

И вот теперь он лежал здесь, тяжело дыша, его лицо посинело от недостатка кислорода. Жизнь оставляла его, но он изо всех сил пытался сохранить остатки замутненного сознания, потому что, согласно его верованиям, путешествие в мир иной будет легче, если на помощь ему придет обученный Лама.

Он взглянул вверх, и на его помертвевшем лице появилось некое подобие — легкая тень — удовольствия от сознания того, что Лама уже здесь.

Лама присел возле умирающего и положил руки ему на виски, шепча слова утешения. За его спиной юный прислужник быстро доставал из сумки сосуды для благовоний и сами благовония. Затем он достал из мешочка трут, кремь и кресало, умело высек искру на трут и раздул пламя, чтобы в любой момент можно было зажечь благовония, когда наступит необходимость это сделать. Он с презрением относился к более легкому методу зажигания благовоний. Нет, он не станет прикасаться ими к огню оплывшей масляной лампы, это свидетельствовало бы о бездумном отношении к благовониям и неуважении к ритуалу. Он зажжет благовония традиционным методом, ведь он, честолюбивый молодой человек, и сам надеялся когда-нибудь стать ламой.

Лама, сидевший на полу у постели умирающего, кивнул прислужнику, и тот зажег первую палочку благовоний. Огонь лизнул кончик палочки, но когда он разгорелся, мальчик потушил его, и палочка задымилась. Лама переместил руки на голову больного и произнес: «О дух, собирающийся покинуть свой сосуд из плоти, мы зажигаем первую благовонную палочку, чтобы привлечь твое внимание, чтобы в пути у тебя было руководство, чтобы тебе было легче миновать опасности, которые рисует тебе твое воображение».

На лице у умирающего появилось странное выражение покоя и умиротворения. Теперь оно было покрыто потом, блестящей влагой, предсмертной испариной. Лама крепко обхватил его голову руками и незаметно кивнул прислужнику. Юноша снова наклонился и зажег вторую благовонную палочку, снова погасил огонь, и от второй палочки поднялась тоненькая струйка дыма.

— О дух, собирающийся отбыть в Высшую Реальность, Истинную Жизнь, которая выше этой жизни, время твоего освобождения настало. Приготовься неуклонно удерживать свое внимание на моих словах, даже когда покинешь земное тело, ибо у меня есть много чего тебе сказать. Будь внимателен.

Лама снова наклонился и положил руки с переплетенными пальцами на темя умирающего. Затрудненное дыхание того было очень неровным и хриплым. Грудь высоко вздымалась и опадала. Внезапно он резко и коротко вздохнул, почти кашлянул, и его тело стало изгибаться дугой, пока не застыло в воздухе, опираясь только на затылок и пятки. Этот лук из костей и плоти застыл на мгновение, которое могло показаться вечностью. Потом внезапно тело сильно дернулось вверх, так что даже оторвалось от земли на дюйм или два, и рухнуло вниз, осев, как небрежно брошенный полупустой мешок с пшеницей. Последний глоток воздуха с хрипом покинул легкие, по телу пробежала судорога, и оно застыло в неподвижности, но изнутри продолжали доноситься звуки, бульканье жидкостей, урчание органов, похрустывание суставов.

Лама вновь кивнул прислужнику. Тот был настороже и сразу же зажег третью

благовонную палочку. Еще одна струйка дыма, извиваясь, устремилась к потолку.

— Дух, ныне освобожденный из подверженного страданиям тела, будь внимателен, прежде чем ты отправишься в путешествие, будь внимателен, ибо из-за твоих ложных знаний и пустого воображения ты расставил себе ловушки, которые будут препятствовать тебе и осложнять твоё путешествие. Будь внимателен, ибо я опишу тебе шаги, которые ты должен совершить, и путь, по которому ты должен следовать. Будь внимателен.

А за окнами маленькой комнаты уже просыпался утренний ветерок, потому что скупое тепло первых солнечных лучей, перебравшихся через горы, потревожило холод долгой ночи. Потоки едва прогретого воздуха подымали с холодной земли клубы пыли; они кружили и с шуршанием бились о промасленную ткань окон до тех пор, пока бедной женщине, стоявшей у двери, не стало казаться, что это скребутся демоны, пытаясь завладеть ее умершим мужем.

Ее поразила огромность происходящего. Она только что была замужем за живым человеком, который годами ее обеспечивал, придавал ее жизни надежность, защищал, а в следующий миг он был уже мертв, мертв! И его мертвое тело лежало на земляном полу их комнаты. Она думала о том, что же теперь с ней будет. Теперь у нее не было никого, кроме сына, но он еще слишком мал, чтобы работать и зарабатывать деньги, а она страдала от недуга, который иногда поражает женщин, если им некому оказать помощь при родах. Она еле ходила с тех пор, как у нее родился сын. Лама встал на колени у тела, закрыл мертвецу глаза и положил на веки по камешку, чтобы они не открылись. Он подвязал подбородок, затянув узел на макушке и зафиксировав таким образом нижнюю челюсть, чтобы рот оставался закрытым. Затем по его знаку прислужник зажег четвертую палочку. Теперь в камине горело четыре ароматические палочки, их дымок поднимался к потолку почти прямыми линиями, которые, казалось, были нарисованы серо-голубым мелом, такими они были ровными и неподвижными в душной комнате, куда не мог пробраться сквозняк. Лама снова заговорил.

— О дух, покинувший тело, лежащее перед нами, четвертая палочка была зажжена, чтобы привлечь твоё внимание и удержать тебя здесь, пока я буду говорить, пока не расскажу тебе о том, что ты встретишь на своем пути. О дух, отправляющийся в странствие, запомни мои слова, чтобы они вели тебя в твоём путешествии.

Лама с грустью посмотрел на тело и подумал о том обучении, которое он прошел. Он владел телепатией, яснослышанием, мог видеть ауру человеческого тела, это странное, цветное, такое многоцветное пламя, которое дрожало и извивалось вокруг живого тела. Теперь, глядя на труп, он видел, что пламя почти угасло. Вместо всех цветов радуги, и даже больше, оно стало серовато-голубым облачком и продолжало темнеть. Не выходя из тела полностью, это серо-голубое облачко устремлялось вверх и застыло на высоте около двух футов над телом. Внутри него происходило активное движение, бешеное движение, оно было похоже на мириады мечущихся светлячков, светлячков, обученных, как солдаты, пытающихся найти предписанные им места. Крохотные частички света двигались, кружились, переплетались, и вскоре перед глазами у Ламы, перед его Третьим Глазом, появилась копия тела, но это был живой человек — и молодой. Он был еще прозрачный и парил обнаженным на высоте двух футов над телом. Он слегка приподнимался и снова опускался с амплитудой в 2—3 дюйма. Он взмывал вверх и падал, снова занимал прежнее положение, снова падал и взлетал, и с каждым разом детали проявлялись все четче, газообразное тело постепенно наполнялось, обретало субстанцию.

Лама сидел и ждал, серо-голубое свечение вокруг мертвого тела тускнело, а разноцветный свет, из которого состояло тело вверху, становился все ярче, вещественней, живее. Наконец призрачное тело внезапно выросло, вернулось и приняло положение головой вверх и вниз ногами. Очень тонкая нить соединяла мертвую плоть с вышедшим из нее живым духом. Теперь дух полностью приобрел очертания и жил независимо от еще недавно принадлежащего ему тела. Комната быстро наполнялась запахом смерти, странным, пряным духом начавшего разлагаться тела, неприятным запахом, щекотавшим

ноздри глубоко вверх, почти на уровне глаз.

Юный прислужник, сидевший у подставки с благовонными палочками, осторожно поднялся на ноги и пошел к открытой двери. Церемонно поклонившись новоиспеченной вдове и ее сыну Тимону, он вежливо выпроводил их из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь. Прислонившись к двери спиной, он пробормотал: «Фу!.. Ну и духота!» Он осторожно приподнял край промасленной ткани, защищающей оконный проем, чтобы проветрить комнату. В комнату влетел целый поток наметенного ветром песка. Мальчик стал кашлять и отплевываться.

— Закрой окно! — сказал Лама, сдерживая ярость.

Прищурился, прислужник потянулся к трепыхавшейся на ветру ткани и снова приладил ее к раме.

«Ну что ж, хоть удалось глотнуть свежего воздуха, и то лучше, чем эта вонь!» — подумал он, возвращаясь на место и снова садясь перед четырьмя горевшими ароматическими палочками.

Тело неподвижно лежало на полу. Из него доносились звуки растекающихся жидкостей, урчание и стоны органов, которые покидала жизнь,— ведь тело умирает не сразу, а постепенно, орган за органом. Сначала умирают высшие центры мозга, а потом в определенном порядке прочие органы, окончательно лишившись руководства мозга, перестают функционировать, прекращают выделять секреты, отмирает вещество, необходимое для поддержания действия сложного механизма под названием тело.

Уходя, жизнь покидает пределы тела и собирается вовне, скопляясь в аморфную массу над телом. Она находится поблизости из-за магнетического притяжения, которое существует до тех пор, пока в теле теплится хоть какая-то жизнь, пока не иссякнет поток частичек жизни, покидающих своего прежнего хозяина. По мере того как все больше органов теряет жизненную силу, размытая форма, парящая над телом из плоти, приобретает все большую с ним схожесть. И наконец, когда сходство становится полным, магнетическое притяжение прекращается, и «духовное тело» устремляется в следующее путешествие.

Дух приобрел форму и держался над мертвым телом только на едва заметной нити. Дух парил, но чувствовал себя растерянно и испытывал страх. Рождение в жизнь на Земле — опыт травматический. Это значило умереть для другой формы существования. Смерть на Земле означает еще одно рождение духа в другом мире, в мире духовном, или одном из них. Форма парила в воздухе, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, и ждала инструкций от Ламы, который всю свою жизнь посвятил помощи тем, кто покидает Землю.

Лама внимательно наблюдал телепатическими органами чувств за только что освободившимся духом и его Третьим Глазом, чтобы оценить его возможности и хорошо рассмотреть форму. Наконец он нарушил тишину, телепатически передав указание.

— О только что освобожденный дух, — проговорил Лама, — слушай внимательно мои мысли, они облегчат тебе переход. Внеми моим наставлениям, я даю их тебе, чтобы путь твой был нетруден, ибо миллионы уже прошли этим путем до тебя и многие миллионы пройдут после.

Парящая сущность, совсем недавно бывшая живым человеком Земли, слегка шевельнулась. Она подернулась легкой дымкой тусклого зеленоватого оттенка. По всей ее длине пробежала легкая рябь; потом она снова затихла. Уже ощущалось, хотя пока еще смутно, что сущность была на грани пробуждения из коматозного состояния перехода от смерти на Земле к жизни в духовных сферах.

Лама наблюдал, изучал, оценивал. Наконец он заговорил телепатически, снова повторяя:

— О дух, только что освободившийся от уз плоти, слушай меня. Зажжена пятая ароматическая палочка, чтобы собрать твое рассеянное внимание и помочь тебе в пути.

Юный прислужник погрузился в размышления о том, как бы выбраться отсюда и пойти поиграть. Погода была идеальной для запуска змея. Другие гуляют, а он вынужден

сидеть здесь. Ну почему так, почему именно он... Очнувшись, мальчик быстро зажег ароматическую палочку и так сильно дунул на язычок пламени, что тот, вместо того чтобы потухнуть, разгорелся еще ярче.

Дымок стал подыматься вверх, сплетал причудливые узоры вокруг мягко покачивающейся в воздухе над мертвым телом духовной сущности. Прислужник вновь погрузился в размышления о проблемах запуска змея. Если бечевку привязать немного ближе к хвосту, думал он, это придаст больший угол воздействию ветра, и змей будет подниматься быстрее. Но с другой стороны... Его размышления вновь были прерваны словами Ламы.

— О освобожденный дух, — нараспев произносил тот, — твоя душа должна быть бдительной. Слишком долго ты пребывал в плену у суеверий, свойственных несведущему. Я дам тебе знание. Шестая палочка зажжена, чтобы принести тебе знание, ибо ты сам должен обладать знанием, прежде чем отправишься в свое путешествие.

Прислужник лихорадочно шарил впотьмах по земляному полу, пытаясь отыскать палочку, которую случайно уронил. У него вырвались слова, каким не обучают в ламаистских монастырях, когда его быстро скользящие пальцы наткнулись на тлеющий трут, но рядом с трутом лежала и незажженная палочка. Он быстро зажег ее и укрепил на подставке.

Лама бросил в его сторону неодобрительный взгляд и продолжал давать наставления отбывающему духу.

— Твоя жизнь, от колыбели до могилы, опутана суевериями и ложными страхами. Так знай, что большинство твоих верований не имеет никаких оснований. Знай, что большинство демонов, преследования которых ты боишься, являются только плодом твоего воображения. Седьмая палочка зажжена, чтобы удержать тебя здесь, дать тебе возможность выслушать необходимые наставления и подготовиться к предстоящему путешествию.

Прислужник был готов, палочка зажжена и пламя потушено, дымок заструился к потолку, а Лама продолжал увещевать и наставлять.

— Мы — лишь марионетки в руках Всевышнего, помещенные на Землю для того, чтобы он мог испытать, что происходит на Земле. Мы только смутно осознаем наше бессмертие — право, полученное при рождении, нашу принадлежность к вечности, и поскольку ощущения наши туманны, мы воображаем, мы боимся и мы умираем.

Он умолк и стал наблюдать за похожей на облако фигурой. Он наблюдал и наконец увидел медленное пробуждение, оживание сознания. Почувствовал панику, неуверенность, ощутил всю степень ужасного шока, который переживал тот, кого оторвали от привычных для него мест и вещей. Почувствовал и понял.

Духовная форма закачалась. Лама снова заговорил:

— Говори со мной в мыслях. Я услышу твои мысли, если тебе удастся справиться с шоком, выйти из ступора. Поверь в то, что ты можешь говорить со мной.

Форма пульсировала и дрожала, по всей ее длине пробежала рябь, и вдруг раздался первый крик напуганной души, похожий на слабый писк птенца, только что вылупившегося из яйца.

— Я заблудился в глуши, — сказала она, — я так боюсь всех этих демонов, которые меня осаждают. Я боюсь тех, кто потащит меня в нижние сферы и станет жечь огнем или морозить холодом на протяжении вечности.

Лама сочувственно закричал и сказал:

— Дух зря боится. Слушай меня. Уйми свои беспочвенные страхи и слушай меня. Сосредоточь на мне свое внимание, чтобы я мог вести тебя и дать тебе утешение.

— Я слушаю тебя, святой Лама, — ответил дух, — и последую твоим словам.

Лама кивнул прислужнику и тот схватил еще одну ароматическую палочку.

— О охваченный ужасом Дух, — нараспев произносил Лама, — восьмая ароматическая палочка зажжена, чтобы ты получил руководство на своем пути.

Прислужник торопливо поднес тлеющий трут к палочке и, удовлетворенный результатом своего действия, укрепил ее на подставке, где осталось уже только одно свободное место.

— Человек на земле, — говорил Лама, — это неразумное создание, отданное во власть верований, не соответствующих истине. Человек полон предрассудков и ложных верований. Ты, Дух, боишься окружающих тебя демонов. Но не существует демонов, кроме тех, которые создала твоя мысль. Они растают, словно кольцо дыма на сильном ветру, если ты осознаешь истину. Вокруг тебя всего лишь элементарные, не обладающие разумом формы, которые только отражают твои полные ужаса мысли, как тихая гладь пруда отразила бы твои черты, если бы ты склонился над нею. Эти элементарные сущности не обладают разумом, как мысли пьяного человека. Не бойся, ничто не может причинить тебе вред.

Дух-форма захныкал от ужаса и сказал телепатически:

— Но я ВИЖУ демонов, я вижу бормочущих чудовищ, они протягивают ко мне руки с длинными когтями на пальцах. Они растерзают меня. Я вижу лица тех, кому я причинил зло при жизни, и они пришли требовать возмездия.

Но Лама только поднял руки в жесте благословения и сказал:

— Дух, слушай меня внимательно. Посмотри на самого страшного из твоих воображаемых мучителей. Посмотри на него твердо и мысленно прикажи ему исчезнуть. Визуализируй, как он исчезает, словно кольцо дыма, — и он исчезнет, потому что существует только в твоём возбужденном воображении. А теперь думай, сейчас, я приказываю!

Дух-форма напрягся и задрожал. Он стал переливаться всеми цветами радуги, и вдруг раздался торжествующий телепатический крик:

— ОН исчез, они ушли!

Дух-форма заколыхался, он разбухал и сжимался, снова разбухал и сжимался. Так человек Земли тяжело дышит после большого перенапряжения.

— Не нужно ничего бояться, кроме страха, — сказал Лама. — Если ты не будешь бояться, ничто не сможет причинить тебе зла. Теперь я расскажу тебе, что будет дальше, и ты должен будешь перейти на следующую ступень в своём путешествии к Свету.

Дух-форма засиял какими-то новыми цветами. Теперь он приобрел уверенность и избавился от страха. Он ждал, чтобы узнать о том, что ждёт его дальше.

— Настало время, — сказал Лама, — продолжить твоё путешествие. Когда я отпущу тебя, ты почувствуешь непреодолимое желание отдаться на волю ветра. Не препятствуй ему. Течение жизни унесет тебя прочь сквозь облака клубящегося тумана. Жуткие лица будут глядеть на тебя из мрака, но не бойся — они исчезнут, когда ты приблизишься к ним. Храни свои мысли в чистоте, и пусть лицо твоё будет спокойным. Вскоре ты окажешься на приятном зеленом луге, где почувствуешь радость жизни. К тебе придут доброжелательные помощники и станут приветствовать тебя. Не бойся. Будь сними открыт, ибо здесь ты не сможешь встретить тех, кто мог бы причинить тебе зло.

Дух-форма едва заметно колыхался, слушая наставления Ламы. Лама продолжал:

— Вскоре они проведут тебя в Зал Памяти, место, где хранятся все знания мира, где сохраняются все поступки, хорошие или дурные, совершенные каждым человеком. Ты войдешь в Зал Памяти — и *только ты* увидишь свою жизнь такой, какой она была и какой ей следовало быть. Ты и только ты будешь судить об успехах или неудачах, постигших твои начинания. Нет другого суда, нет ада, кроме тех, которые рисует тебе твоя нечистая совесть. Нет вечного проклятия, нет никаких мук. Если твоя жизнь не удалась, тогда *ты и только ты* можешь решить снова вернуться на Землю и совершить еще одну попытку.

Лама замолчал и кивнул прислужнику. Тот взял последнюю ароматическую палочку.

— О Дух, получивший все наставления, — сказал Лама, — отправляйся в свое

странствие. Путешествуй с миром. Путешествуй и помни, что нечего бояться, кроме страха. Вперед!

Дух-форма медленно поднялся вверх, задержался на мгновение, чтобы в последний раз окинуть взором комнату, и, просочившись сквозь потолок, исчез из поля человеческого зрения. Лама и прислужник поднялись, собрали свои вещи и вышли из комнаты.

Позже, когда солнце приближалось к зениту, в дом вошел какой-то человек в лохмотьях. Вскоре он вышел, неся на спине завернутое в покрывало тело, тленные останки отца Тимона. Он устало тащился по каменистой тропе, неся тело к тому месту, где оно будет расчленено на части, чтобы его съели стервятники и в положенный срок снова вернули тело матери-Земле — преображенным.

ГЛАВА 3

Ха-ха-ха! — комната задрожала от взрывов грубого хохота. Тощий молодой человек, который, ссутулившись, сидел спиной к источнику смеха, вздрогнул, как от выстрела.

— Эй, Джас! — произнес голос. — Ты это читал?

М-р Джастин Таун осторожно закрыл портативный орган, играть на котором ему доставляло явное удовольствие, и встал.

— Читал что? — сердито спросил он.

М-р Деннис Долливогга широко улыбнулся и помахал книгой над головой.

— Бог мой! — воскликнул он. — Этот парень думает, что все гомики больны! Он считает, что у всех нас проблемы с женщинами, что мы все перепутались, мужчины и женщины, ха-ха-ха!

Джастин пересек комнату и взял у товарища книгу. Она открылась на стр. 99, там где во время взрыва веселья лопнула склейка корешка. Деннис заглянул товарищу через плечо и ткнул длинным пальцем в один из абзацев.

— Вот! — сказал он. — Начинается здесь. Прочти вслух, Джас, автор, наверное, рехнулся.

Он подошел к низкому дивану и уселся, лениво облокотившись и небрежно перебросив руки за спинку. Джастин протер стекло очков, снова надел их, заткнул носовой платок в рукав и, взяв книгу, стал читать.

«В сумятице выхода из астрального мира в тот мир, который мы называем Землей, иногда случаются недоразумения. Рождение — опыт травматический, это действие насильственное, и утонченный механизм легко может разладиться. Например, у кого-то должен родиться ребенок, но во время беременности мать довольно легко-мысленно относилась к тому, что ела и что делала, поэтому ребенок не получил того, что должен был получить сбалансированным. Ребенку может не хватать какого-то химического элемента, и поэтому тормозится развитие определенных желез. Допустим, ребенок должен был родиться девочкой, но из-за недостатка нужных элементов ребенок рождается мальчиком, мальчиком с наклонностями девочки.

Родители осознают, что их маленький негодник — неженка, и начинают во всем ему потакать или, наоборот, всячески пытаться его образумить, сделать более мужественным, но ничего не срабатывает. Если железы не те, то совершенно не важно, какие у него атрибуты. Мальчик остается девочкой в теле мальчика.

Во время полового созревания его развитие может быть замедленным или даже нормальным по всем внешним признакам. В школе всем будет очевидно, что он принадлежит к братству слабаков, но бедняга ничего не может с этим поделать.

Достигая возраста мужчины, он обнаруживает, что не может «делать того, что естественно», а бегает за мальчиками, а потом — за мужчинами. Конечно, ведь все его желания — это желания женщины. Его душа — женская, но в силу неудачно сложившихся обстоятельств женская душа получила мужские атрибуты. Пусть от них нет никакого проку, но они все же существуют!

И мужчина становится тем, кого называют «голубым», у него развиваются гомосексуальные наклонности. Чем больше в душе женского, тем сильнее будут гомосексуальные устремления.

Если у женщины мужская душа, то ее будут интересовать не мужчины, но женщины, потому что ее душа, которая ближе к Высшему Я, чем физическое тело, посылает Высшему Я путаные сообщения, и Высшее Я в ответ посылает команду типа «Приступай к делу, делай, что тебе положено». Несчастливая мужская душа, конечно же, чувствует отвращение при одной мысли о том, чтобы «делать, что ему положено» с мужчиной, и поэтому все ее интересы сосредоточиваются на другой женщине, и в результате женщина занимается любовью с женщиной. Мы называем их «лесбиянками» по названию одного греческого острова, где это считалось нормальным.

Совершенно бесполезно осуждать гомосексуалистов. Они не развратники, скорее их следует отнести к разряду людей больных, — людей, у которых не в порядке железы, и если бы медицина была серьезной наукой, а докторам не зря были даны мозги, тогда они придумали бы что-то, чтобы устранить этот дефект развития желез.

На собственном опыте последних лет я еще больше убедился, что западные врачи заботятся только о том, как бы побольше заработать. Мой собственный опыт общения с ними был так отвратителен, что я даже не хочу о нем вспоминать. Впрочем, мы говорим здесь не обо мне, а о гомосексуалистах.

Если бы лесбиянка (женщина) или гомосексуалист (мужчина) сумели найти сочувствующего врача, который ввел бы им гормоны нужной железы, это, несомненно, улучшило бы положение и сделало бы их жизнь терпимой, но, к сожалению, современные врачи, которых волнуют только деньги... Ну что ж, им придется долго искать хорошего врача. Но обвинять гомосексуалистов — бесполезно, это не их вина. Они очень и очень несчастные люди, они в растерянности, не знают, что с ними произошло, и не могут противостоять сильнейшему побуждению из всех известных мужчине или женщине — инстинкту воспроизведения.

Тупоголовые, по прозвищу психологи, тоже вряд ли могут помочь, потому что обычно у них уходят годы на то, что средний человек может сделать за несколько дней. Если гомосексуалистам понятно объяснить, что у них существует дисбаланс в одной из желез, то они могли бы прийти в норму. К счастью, изменились законы, и теперь власти занимаются этими людьми, вместо того чтобы жестоко их преследовать и даже сажать в тюрьму за то, что фактически, является болезнью.

Существует много способов, какими можно помочь этим людям. Первый — это если хорошо понимающий суть беды старший человек, испытывающий глубокое сострадание к несчастному, просто объяснит ему, что случилось. Второй — такой же, как первый, но жертве также даются лекарства, подавляющие сексуальные желания, сексуальное влечение. Третий — ну что ж, это снова объяснение — и квалифицированный врач может сделать инъекции гормона или тестерона, которые, несомненно, помогут телу упорядочить сексуальные сферы.

Главное, чтобы никто никогда не обвинял гомосексуалиста, это не его вина, его наказывают за то, чего он не совершал, его наказывают за какую-то ошибку Природы. Возможно, его мать ела не ту пищу, возможно, у матери и ребенка была химическая несовместимость. В любом случае, как бы мы ни рассматривали

проблему гомосексуальности, помочь можно только истинным пониманием и сочувствием, а также, возможно, разумным применением лекарств.

— Что это за книга? — спросил Джастин, закончив читать и закрывая книгу. — Лобсанг Рампа. «Огонь свечи». Пусть зажигает огонь, если направляет его на нас, — прокомментировал он с горечью.

— Что ты об этом думаешь, а, Джас? — запинаясь, спросил Деннис. — Что-то в этом есть, или это просто чувак, который хочет возбудить против нас ненависть? Что ты думаешь? А, Джас?

Джастин облизал верхнюю губу, на которой не росли усы, и ответил неожиданно высоким голосом:

— Этот парень, он бывший монах или что-то в этом роде? Может, он просто не знает, чем женщина отличается от мужчины, и все тут? Они сидели на диване, перелистывая книгу.

— Многое из того, о чем он здесь пишет, действительно имеет смысл, — задумчиво произнес Джастин Таун.

— Как же он может так заблуждаться относительно нас? — спросил Деннис Долливогга.

Вдруг в голову ему пришла блестящая мысль, он засиял, как восходящее солнце, и улыбнулся:

— А почему бы тебе ему не написать, Джас, и не сказать, что он пишет все мимо? Подожди-ка, в книге есть его адрес? Нет? Тогда я думаю, он должен быть у издателя. Давай напишем, Джас, а?

И вот случилось так, что в должное время, как выражаются в лучших кругах, писатель Рампа получил письмо от человека, который настаивал на том, что он, Рампа, ничего не смыслит в гомосексуализме. Рампа внимательно прочел резкие высказывания по поводу своей нормальности, своих умственных способностей и т. д. и отправил корреспонденту приглашение. «Я признаю, что знаю очень немного о любых гомосексуальных проявлениях, — писал автор, — но все же я настаиваю на верности своих взглядов. Кроме того, в письме было также следующее: «Напишите мне свое мнение о гомосексуализме, и если окажется, что у моего издателя крепкие нервы и доброе сердце, то он позволит мне напечатать ваше письмо или статью в моей 13-ой книге».

Две головы склонились над столом. Четыре глаза быстро пробежали по строчкам только что полученного письма.

— Вот здорово! — в удивлении выпалил Деннис Долливогга. — Старикан отбил нам наш мяч. Что будем делать? У Джастина Тауна засосало под ложечкой.

— Что делать? — переспросил он дрожащим голосом. — Напишешь ему ответ, вот что *ты* сделаешь. Ты заварил эту кашу.

На минуту оба молча задумались, а потом пошли заниматься тем, что считалось их работой, однако в большей степени было приятным времяпрепровождением за счет шефа.

Стрелки часов медленно ползли по циферблату. Наконец наехало время уходить с работы и возвращаться «в берлогу». Деннис пришел домой первым, вскоре появился и Джастин.

— Джас, — пробормотал Деннис, дожевывая гамбургер, — ты у нас мозг команды, я — мускулы. Может, напишешь чего, а? Я целый день об этом думал, но мне так ничего и не пришло в голову.

Итак, Джастин уселся за печатную машинку и написал ответ. Деннис внимательно прочел послание.

— Ве-ли-ко-лепно! — выдохнул он. — Что-то он на это скажет?

Они аккуратно сложили несколько отпечатанных страничек, и Деннис пошел бросать письмо.

Канадская почта вряд ли побьет когда-нибудь рекорд скорости доставки писем, не говоря уже обо всех задержках, забастовках, обычных и сидячих, новых правилах и прочее. Однако, невзирая ни на что, еще до того как бумага начала покрываться плесенью, в ящик писателя Рампы бросили пухлый конверт, вместе с шестьюдесятью девятью другими письмами. Наконец он взялся именно за это послание. Вскрыл конверт, вытащил содержимое и прочел.

—Хм-м-м, — только и смог промолвить он (если допустить, что «Хм» можно промолвить). — Ну что ж, я напечатаю все, и письмо и статью, читатель будет иметь полную картину, и из первых рук.

Позже Рампа перечитал письмо и статью еще раз. Обернувшись к сиамской кошечке мисс Клеопатре, он заметил:

— Ну что же, Кли, по-моему, это абсолютно подтверждает то, о чем я писал. Ты как думаешь?

Но у мисс Клеопатры были заботы поважнее, она была занята едой, потому автор без дальнейших комментариев отложил письмо и статью в папку для издателя. Вот они.

Дорогой д-р Рампа!

Я нарушаю свое так называемое правило, посылая вам незаконченную работу. Я имею в виду, что письмо написано прямо из головы. Это не совсем то, что я хотел сказать, но мне почему-то кажется важным отправить вам это письмо. Когда вы увидите, что я пишу с орфографическими ошибками и имею смутное представление о грамматике, то можете с отвращением его выбросить. (Я не осужу вас и не рассержусь.)

Мне не везде удалось сказать то, что я имел в виду, и если бы я считал, что у меня есть время, то редактировал и переписывал бы его до тех пор, пока оно не станет лучшим из того, на что я способен. Но, может быть, в нем есть какой-то смысл и в том виде, в каком оно существует сейчас.

Одна из вещей, которую я очень хотел вам сказать, следующая: большинство гомиков — это не те неженки, которых вы встречаете на улице и о которых пишут врачи и психиатры, потому что эти типы эмоционально неуравновешенны.

Будучи искателем приключений, я работал в городах, на фермах, на радио и т. д., и я знаю гомиков из самых разных слоев, которые не менее нормальные, чем пареная репа, так сказать. Они могут быть очень мужественными, могут думать и поступать как мужчины и не думать и поступать как женщины или иметь женские черты, как думают многие гетеросексуалы.

Я хотел убедить гомиков, что они могли бы играть в мире очень важную роль, если бы отделались от комплексов и перестали себя жалеть. Я не верю в такие вещи, как «Освобождение голубых». Оно, по их мнению, которое разделяет современная молодежь, принесет им большую пользу. Пусть просто живут и хорошо делают свое дело, используя то, что имеют (например, таланты и пр.).

Я также пытался сказать, что лично я из очень хорошей нормальной семьи, никаких заковык, чтобы сделать меня эмоционально неуравновешенным. Никто не знает и даже не подозревает, что я «голубой», пока я сам не захочу об этом сказать... Я совершенно не стесняюсь этого, а просто считаю, что это никого не касается и значит не больше, чем то, что я — демократ или республиканец, христианин или марсианин... Я знаю также, что мне повезло больше, чем многим другим, потому что все люди чувствуют ко мне расположение и сразу хотят излить душу, потому я

так много узнал о человеческих чувствах.

Но как бы там ни было, уточню свою позицию... Вы можете использовать эту статью частично или целиком, как хотите, можете отредактировать, изменить, исправить, сократить по велению своего сердца или выбросить ее в мусор, если она ничего не стоит. Я не обижусь. Если вам нужно имя, можете использовать «Джастин», и если по какому-то маловероятному случаю (потому что я разочаровался во всем этом) вы захотите воспользоваться КАКОЙ-ТО ЧАСТЬЮ СТАТЬИ И ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ (извините за большие буквы) сослаться на меня в разговоре с кем-то, кто искренне примет участие в дискуссии (за или против), то я не имею ничего против того, чтобы им написать, но так как у меня нет номера почтового ящика, то сначала я напишу им сам. У меня всегда так получалось, что, хотя я тут и ни при чем, по какому-то предопределению судьбы люди вдруг встречаются со мной, и похоже, что я специально там оказался, чтобы им помочь... Я сейчас помогаю многим людям, но, так сказать, не таким, как я сам.

Ну что ж, думаю все... Я бы хотел когда-нибудь написать книгу о своей жизни (как тысячи других людей), потому что, мне кажется, я вдохновил многих людей прилагать больше усилий, стараться, и, возможно, я сделаю это, когда буду старше. Сейчас я очень занят, создаю бизнес и дом, а также занимаюсь многими приятными вещами (например, люблю копать в саду). У нас есть маленький участок в деревне, там много дикой природы и очень много работы. Было бы хорошо, если бы вы могли нас там навестить, думаю, вам понравится. Надеюсь, у вас все хорошо и будет еще лучше в дальнейшем.

С уважением, Джастин.

«Нельзя не согласиться с тем, что все люди своими особенностями отличаются друг от друга, как звезды в небе или камешки на морском берегу. Всем понятно, я думаю, что именно этот факт делает мир тем, чем он является, создает великих людей и маленьких людей, побуждает народы достигать вершин и сходить со сцены, именно поэтому люди чувствуют друг к другу симпатию или антипатию. Чтобы было понятней, давайте условимся, что слово «особенности» охватывает все индивидуальные черты, настроения, сильные и слабые стороны, недостатки, таланты — в общем, всю сумму черт, которая отличает одного индивидуума от всех других. Некоторые из таких особенностей мы получаем от рождения, либо потому, что мы приобрели их в прошлых жизнях, либо потому, что мы избрали их как необходимые, чтобы они помогли нам стать полноценным человеком в этой жизни. Поэтому некоторые из особенностей мы развиваем в течение этой жизни.

В разные времена в разных регионах общество считало различные особенности хорошими или плохими, ценным качеством или недостатком, или слишком обычными, чтобы заслуживать особого внимания, в зависимости от мировоззрения и нужд данного конкретного общества. Но давайте не будем останавливаться на каком-то конкретном обществе, а обратимся к учениям великих религий, которые утверждают, что каждый человек приходит на Землю специально для того, чтобы учиться и пережить определенный опыт, что он приходит на землю, сознательно избирая свои особенности, которые необходимы только ему для саморазвития. Это побудит нас смотреть на каждого человека с большим пониманием и большей терпимостью и придаст глубокий смысл утверждению «Не судите — да не судимы будете». Это не значит, что жизнь человека полностью предопределена, потому что его свободная воля превышает силу «индивидуальных особенностей», доставшихся ему при рождении, потому что он может выбрать во благо или во зло использовать доставшиеся ему по праву рождения особенности по собственному желанию.

Из многих особенностей, присущих человеку, самыми сильными кажутся те, которые имеют эмоциональную природу. Частично они включают в себя его предпочтения и неприязни, его потребности, любовь и т. д. Особенно — любовь,

вернее, ту эмоциональную вовлеченность, которую порождает его любовь или ненависть, и окружающие играют крайне важную роль в его развитии на всех фазах роста.

Например, человек может настолько любить свое дело, что все другие возможности, предлагаемые жизнью, им не учитываются. Он может настолько любить свою семью, что пожертвует собственным развитием ради удовлетворения ее нужд и потребностей. Кроме того, человек может ненавидеть до такой степени, что расходует всю свою энергию на то, чтобы уничтожить то, что он ненавидит, напрочь забыв, с какой целью он послан в мир. Это особенно верно относительно его любви и ненависти к другому человеку, а когда к этим эмоциональным особенностям присоединяется самая вредоносная из всех — страх, то могут произойти любые разрушения и беспорядки, человек может потерять разум и прийти к полному краху.

Например, поклонник внезапно узнает, что у дамы его сердца есть другой поклонник, похоже более удачливый. Его любовь к ней внезапно становится еще более пылкой, страх ее потерять усиливает неприязнь к сопернику, и если он не возьмет себя в руки, то может даже забыть о битве за свою любовь и полностью сконцентрироваться на том, чтобы уничтожить врага клеветой, обманом и многими другими еще более суровыми методами. Или он может предаться размышлениям и потратить всю энергию на чувство жалости к самому себе, хотя в глубине души будет также направлять все свои страхи и ненависть на врага. Такое поведение тоже заберет у него все силы, вероятнее всего, от этого пострадает его работа, здоровье, счастье и, в конце концов, затормозится его развитие. Следовательно, Любовь и Страх и их противоположности — Ненависть и Понимание (ведь никто не боится того, что хорошо понимает) — это самые сильные свойства человека. Сильнее всего они проявляются в религиозных верованиях, политических убеждениях и в личной жизни. Культурой, правительствами, городами и селами, любыми группами людей управляет и определяет их поведение отношение к этим доминирующим особенностям. Давайте рассмотрим то, что очень важно и значимо для каждого человеческого существа. Любовь личности к другой личности и то, как это отражается на окружающих.

«Любовь слепа», «Не по хорошу мил, а по милу хорош» и «Любовь все побеждает». Это очень правдивые высказывания... Джон и Мэри влюбляются друг в друга и женятся против воли родителей — вся жизнь каждого члена обеих семей может оказаться наполненной горем и ненавистью.

Но давайте рассмотрим не индивидуальный случай, а общее прав и о и более существенную разницу. Давайте остановимся на разнице между гомосексуалистом и гетеросексуалом. Гетеросексуал (мужчина или женщина) рождается в мир, который, кажется, действует по принципу гетеросексуальности только по необходимости... вполне очевидно, что это нормальная модель для воспроизведения и т. д. Поэтому гетеросексуал не может понять и принять точку зрения гомосексуалиста. Некоторые думают, что гомосексуалист — это выроdek, похотливый человек, не способный контролировать свои желания, другие считают его больным и т. д.

...Тысячи книг были написаны на эту тему, и большинство — психологами, которые уверены, что им (гомосексуалистам) нужно промыть мозги, или врачами, которые считают, что должно быть изменено их строение или ОНИ должны быть ИЗМЕНЕНЫ с помощью медицинского вмешательства. Некоторые книги написаны гомосексуалистами, которые отчаянно защищаются и пытаются что-то сделать из своей часто несчастливой жизни. К сожалению, из-за слишком эмоционального отношения большинства несведущих гетеросексуалов, не существует справочника «Кто есть кто в мире гомосексуалистов»... Но для любого

информированного человека этот справочник насчитывает много имен. Как и любую другую группу людей, мы можем разделить и классифицировать гомосексуалистов на три основные группы.

Одна группа описана в «Огне свечи». Это те, кто стал таковыми из-за несчастного случая при рождении. Вторая — те, у кого были серьезные эмоциональные проблемы после рождения, и, чтобы разрешить их, или хотя бы облегчить, они обратились к гомосексуализму. Об этих группах пишут врачи и психологи. Но эти две группы очень малочисленны по сравнению с третьей, и самой важной группой. В нее входят те, кто не смог бы познать все, что должен был познать, не будучи гомосексуалистом. Другими словами, это их выбор — родиться на Земле в этой жизни гомосексуалистом.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению этого вопроса, давайте в первую очередь примем во внимание тот факт, что на свете существуют миллионы гомосексуалистов... Мужчин и женщин... Некоторые из самых утонченных людей в этом мире стали гомосексуалистами... Но обыватель не имеет ни малейшего представления о том, что так много его друзей, героев и лидеров не разделяют его точку зрения. В некоторых городах Запада процент очень высок — до 10 %. По другим данным — еще выше.

В сельской местности процент кажется ниже. Обычно это происходит потому, что юные гомосексуалисты, юноша или девушка, должны встретить себе подобных, а так как в небольшой общине все про всех все знают, гомосексуалисту требуется большое мужество, чтобы оставаться во враждебной среде. Обыватель думает, что он может узнать гомосексуалиста в любой момент и в любом месте, но это не так. Это не всегда могут сделать даже сами гомосексуалисты.

Существуют тысячи мужчин и женщин, которые состоят в счастливом браке и имеют прекрасных детей, но они — гомосексуалисты и могут действовать открыто, как любят говорить психологи, или не делать этого. Ложным является также утверждение о том, что гомосексуалист не может вступать в отношения с противоположным полом. (Хотя из каждого правила есть исключения.) Но обычно гомосексуалист не вступает в сексуальные отношения с противоположным полом потому, что его это не привлекает, не интересует. Они относятся к противоположному полу скорее как к братьям и сестрам... или просто друзьям.

Вы редко встретите гомосексуалиста, у которого не было опыта сексуальных отношений с противоположным полом, потому что, взрослея, они проходят сквозь сущий ад, если хотят остаться тем, чем они являются... поэтому им кажется необходимым по крайней мере доказать себе, что они могут, если захотят... а также убедиться в своей правоте... физически это может быть приятно, но без эмоциональной «Правоты» — это плохо и пустая трата времени, так же как пустая трата времени играть в футбол, если вы не любите футбол. Многие гомосексуалисты — очень чувствительные люди, обычно им присуще **ВЫСОКОЕ МОРАЛЬНОЕ ЧУВСТВО**. Они не прыгают из постели в постель (за исключением молодости — но это в той же мере касается гетеросексуального мира)... Они вечно ищут постоянного любовника... и если находят, их жизнь ничем не отличается от жизни гетеросексуала.

Почему некоторые выбирают родиться гомосексуалистами? Потому что, в отличие от всех прочих людей, они могут узнать определенные вещи. Если кто-то выбрал родиться черным в стране, где живут только белые, или белым в общине черных, то он сможет прочувствовать, что значит быть в меньшинстве, многое узнать, многое почувствовать и т. д., чего никогда не узнал бы, родись он одним из большинства. Это касается и гомосексуалиста, только гомосексуалисту нужно решать совсем иные проблемы... Например, его могут посадить в тюрьму только за то, что он верен себе (в некоторых районах), он может потерять работу, его могут изгнать из

родного города, он может стать героем целого ряда крайне неприятных сцен по вине очень непросвещенного гетеросексуального мира. Непросвещенный гетеросексуальный мир чувствует, что он прав, потому что, по его мнению, такой человек нарушает законы человеческие и Божьи... Но позвольте мне заявить очень конкретно, что (1) если по воле Бога он стал таким, как стал, то как это может быть противно Его воле? (2) Невзирая на противоположное убеждение большинства, никого нельзя сделать гомосексуалистом, если он таковым не является, так же как никого нельзя сделать гетеросексуальным, если он таковым не является. Правда, любой мужчина или женщина могут попробовать что угодно... они могут даже притворяться какое-то короткое время, посмотрите на карманника и проститутку. Она делает все, что угодно, за деньги, но мы говорим не об этом...

Пусть матери и отцы не боятся, что их сын или дочь вдруг могут быть превращены во что-то другое... Я долго жил, я вел жизнь гомосексуалиста и большую часть жизни провел, работая с молодыми как раз над этой проблемой. Но об этом позже... И ни разу я не видел счастливого обращения — или постоянного — в ту или другую сторону. Если «магия», влекущая одно человеческое существо к другому, отсутствует, то никто не может заставить ее появиться. Если бы это было возможно, в этом мире почти не осталось бы гомосексуалистов, потому что, взрослея, они проходят сквозь такой ад, что отдали бы что угодно, только бы такая магия появилась. Но во всем этом есть и более счастливая сторона дела. Гомосексуалист может узнать, испытать, пережить то, что не смог бы узнать, не будучи таковым.

Для среднего гомосексуалиста, видящего себя в правильном свете, величайшим даром является Понимание... Благодаря собственному жизненному опыту он развил высокую чувствительность к чувствам других, обычно он или она обладают сильным чувством морали из-за глобальных духовных исканий, необходимых для того, чтобы принять самого себя в подобных условиях. Он способен сделать много добра в этом мире, потому что познал необходимость ответственности, правды, необходимость быть всегда внимательным, выработал способность быстро и безошибочно «диагностировать» людей и мгновенно оценивать ситуацию.

В конечном счете, вся его жизнь зависит от этой способности. Поэтому великие вожди, воины, бизнесмены, врачи и все отрасли в мире получали помощь от одаренности гомосексуалистов. Часто гомосексуалист обладает художественной и эстетической одаренностью или способностью, в таком случае они становятся писателями, музыкантами, художниками. Обычно они очень сострадательные люди, обладают большой любовью к ближним, и поэтому становятся великими утешителями.

В результате, при всех этих достоинствах и благодаря тому факту, что их нельзя узнать (если они сами того не пожелают), они могут путешествовать по миру как любой другой человек, делая очень-очень много добра, и делать это беспрепятственно, в отличие от человека с каким-нибудь врожденным физическим или умственным дефектом, из-за которого люди могут его избегать. Таким образом, если гомосексуалист захочет, он может считать многие вещи необходимыми для своего развития.

Кстати сказать, уровень преступности среди гомосексуалистов очень-очень низкий. Они обладают терпимостью и не склонны к физическому насилию. Крайне редко можно услышать об изнасиловании в среде гомосексуалистов... соращение возможно, но даже если оно случается, то реже, чем в гетеросексуальном мире, в первую очередь потому, что гомосексуалисты испытывают сильную потребность любить и быть любимыми, а этого нельзя найти в изнасиловании или нежеланном соращении.

Принимая все это во внимание, скажем: гомосексуалист — это не какой-то

похотливый мерзавец, как о нем думают многие несведущие гетеросексуалисты. Очень часто так происходит потому, что они просто не могут понять, почему кто-то может любить человека одного с ним пола. Но посмотрите на это следующим образом: в некоторых инкарнациях необходимо родиться женщиной, чтобы узнать определенные вещи. В следующий раз вы можете родиться мужчиной. Главное— это личность, а не физическое тело, в котором она живет. Конечно, все физические чувства могут привлекать противоположный пол обычным образом, поэтому рождаемость не прекратится и население этого мира не вымрет внезапно, но кроме того, нас обычно влечет к людям, которые дополняют нашу личность и которые, мы чувствуем, могут помочь нам на жизненном пути, и кто-то, кому мы можем помочь на этом пути... так происходит и с гомосексуалистом.

Может быть, если я вкратце расскажу вам о себе, вы сможете в большей степени оценить эту точку зрения.

Я родился в Калифорнии, в маленьком городке у идеальных родителей. Мы были довольно бедны, это правда, но наша удивительная мать, будучи верной христианкой, никогда не позволяла нам считать или ощущать себя «бедными». Мы были богатыми и очень счастливыми. Кто кроме нас в дождь мог плавать под парусами по затопленному полу в гостиной, в то время как мать читала нам увлекательнейшие истории о морских путешествиях? У кого еще был отец, которые мог выйти вечером с ружьем и через час принести домой кролика? Он был в сто раз вкуснее купленного в магазине мяса. Нам, детям, повезло. Нас было трое, и мы были счастливы. Мы ходили в миссионерскую школу (со смешанным обучением), и заветной мечтой моей матери было, чтобы один из нас вступил в какой-нибудь религиозный Орден. Когда мне исполнилось 5 лет, я уже знал, что у нас с братом очень разное представление о девочках и их значимости в жизни. В течение следующих пары лет я узнал, что нет ничего приятнее и желаннее, чем находиться в обществе мальчиков или мужчин. Я благоговел перед мужской красотой и уже в том возрасте подглядывал за мальчиками, что значило быть одним из них (я имею в виду участвовать в их делах и проводить с ними время), но я всегда знал, что причина, по которой они мне нравились, отличалась от той, по которой я нравился им. Для них я был просто одним из ребят» для меня же они были чем-то особенным, но я не совсем понимал почему...

Я мог понять, почему девочки за ними бегали, но я жалел их, потому что они никогда не смогут стать мальчишкой, как я, и остаться собой в одно и то же время. Я никогда не хотел быть девочкой. Естественно, как все подростки, мы экспериментировали со своей игрушкой, когда узнали, что в ней содержится много более, чем кажется на первый взгляд. И снова я осознавал себя другим, потому что «ощущал» это по-другому. Но даже невзирая на это, я был шокирован, когда узнал, что для другого мальчика этот опыт ничего не значил... потому что для меня он был духовным, как в церкви.

Это заботило меня, потому что мои дорогие монахини и церковь учили тому, что все это очень плохо, и взамен предлагали мессы, молитвы, конфеты, работу, все, что угодно, только бы сделать меня таким, как все. Не потому, что я этого хотел, но так много людей говорили мне, что я не прав... Не входя в детали, учтите, потому что я ЗНАЛ, что не посмею сказать им, что я действительно чувствовал. Я всегда выступал в роли слушателя, чтобы лучше понять их, и я знал...

В тринадцать лет я ушел в монастырь, чтобы стать монахом и порадовать тем самым маму, но я знал, что это был неверный шаг, и ушел оттуда через полтора года. Я должен был заботиться о себе сам, потому что моя семья сообщила, что не сможет мне помогать. Началась Депрессия. Это значило, что я могу исходить в школу, если не хочу, потому что должен работать, и, конечно же, будучи нормальным, здоровым мальчишкой, я не хотел ходить в школу. (Тем более, что я там

никогда особенно не блистал.) И я отправился в большой город искать счастья. Какое-то время я собирался стать моряком и плавать по морям, я даже спрятался однажды в танкере, но, прислушавшись к здравому смыслу (или страху), выбрался оттуда до отплытия. Потом я собирался отправиться в Аризону, чтобы драться с индейцами и негодяями.

Я любил лошадей и умел с ними обращаться, поэтому вполне годился на эту роль, но мысль о том, что мне придется преследовать людей, которые могут мне понравиться, заставила меня отказаться от этого плана. Будучи искателем приключений, я постоянно перемещался в поисках задушевного друга и новых открытий.

К тому времени, когда мне исполнилось шестнадцать, я уже знал три очень важные вещи. Первое: все — мужчины, женщины, дети — любили меня и тянулись ко мне. Кроме того, все мне доверяли и были со мной откровенными. Я был слушателем и утешителем почти для всех, с кем когда-либо сталкивался. Это открыло мне доступ почти во все сферы жизни. Среди моих друзей были (а некоторые остаются и сейчас) богатые и бедные, бандиты и священники. Второе: я узнал, что я гомосексуалист. Я пытался принудить себя к гетеросексуальной жизни (сексуально), но она всегда казалась мне нечистой, тогда как с себе подобными это было так духовно и хорошо, как только можно себе представить.

Третье: я понял, как мне повезло и какие серьезные обязательства были у меня перед другими, потому что я был сильным, уверенным, нормальным, раскованным и во мне нуждались. Но тут возникала серьезная проблема. Это накладывало на меня обязательства, к которым я не был готов, обязательства перед человеческими чувствами. Я узнал, что, как любой другой, могу больно ранить людей, если не буду очень осторожен. Я также обнаружил, что очень много мальчишек моего возраста изо всех сил боролись против своей гомосексуальности, старались так, что совсем запутывались. Некоторые шли на преступления, чтобы доказать, что они мужчины, некоторые сдавались и вели себя, как девчонки, другие погружались в какие-то мрачные внутренние глубины.

Я знал, что каким-то образом могу им помочь. Единственным известным мне способом было заводить как можно больше друзей и позволить им просить меня о помощи. Имея склонность к трущобам, я много времени проводил в игорных домах и в местах постоянных встреч. Но мне нужна была также стабильность богатых, и я часто ходил в «высший город». На жизнь я зарабатывал фотографией и разными искусствами, хотя не брезговал любой работой, и мне она всегда нравилась, особенно если я брался за нее впервые. Началась война, и я записался во флот. После увольнения работал в молодежных лагерях и исправительных колониях, но это никогда не приносило тех результатов, как при случайной встрече с кем-то, кому я был действительно нужен... Я хочу заметить, что в моей жизни было больше гетеросексуалов, чем гомосексуалистов, но я никогда не открывался им. Не потому, что стеснялся, просто многие потеряли бы ко мне доверие и не смогли бы понять.

В начале пятидесятых мне исполнилось 30, и я стал задумываться о том, чтобы сделать что-то для себя... то есть пойти учиться, и так как у меня не было высшего образования, я решил отправиться в Европу, где я смог бы обучиться тому, чему хотел, не поступая в университет, где принуждают учить всякие предметы, не имеющие никакого отношения к избранной специальности. Я сэкономил 400 долларов и отправился в Европу. Там я провел десять лет и обнаружил, что многие люди хотели бы со мной дружить, хотя я не очень силен в языках. Вернувшись на родину в начале 60-х, я поселился в самом центре района, пользовавшегося дурной славой. Думаю, именно здесь я очень многому и очень быстро научился... Потому что за несколько лет из места, куда ищущая молодежь приходила, чтобы познать истину, оно превратилось в место, куда они приходили, чтобы спрятаться от

жизни... Но в первые годы я узнал очень многое, и благодаря своему возрасту и опыту мог во многом помочь другим. У меня была большая квартира, и я сделал ее домом для тех, кто не имел своего. Поэтому я встречал самых разных людей за эти три года. Сейчас мне пятьдесят, и я работаю в среде совершенно иных людей, но мне кажется — в конечном счете результаты всегда одни и те же».

Джастин

ГЛАВА 4

Автор сидел у себя в офисе и удовлетворенно улыбался. Это был не «офис» в полном смысле этого слова, а просто очень неудобная металлическая кровать без пружин. Одна из тех, которые поднимались или опускались при нажатии кнопки, но когда кровать находилась в самой высокой точке, где-нибудь обязательно отключали электричество. Однако это был единственный офис, которым располагал автор. Итак, он сидел у себя в офисе — каким - бы он ни был — и улыбался от удовольствия.

По канадскому радио сообщили, что м-р Харольд Вилсон, бывший премьер-министр Англии, «высказал свое мнение» о прессе. Его замечание сводилось к следующему: если пресса имела доступ к информации, она ее искажала, если не имела — выдумывала.

СОВЕРШЕННО ВЕРНО!

Именно так автор говорил годами — глас вопиющего в пустыне. Пресса, по мнению автора, была отвратительной! Он никогда не понимал, почему они считают себя чем-то «особенным». Несколько лет назад сплетников макали в сельский пруд. Сегодня, если кто-то питает склонность к помойке, он идет в прессу и становится репортером. Автор, у которого был печальный опыт, связанный с прессой, твердо верил в то, что эта банда была сейчас самой злой силой в мире, несущей ответственность за войны и забастовки. Однако правдивые высказывания о прессе не пользуются успехом у издателей, поэтому при отсутствии сопротивления ростки зла процветают.

Автор сидел у себя в офисе — на вышеупомянутой кровати — и созерцал окружающую обстановку. Грязный ночной столик, прошедший через сотни рук с тех пор, как его купили в местной больнице, старая разбитая японская печатная машинка и еще более разбитый старый автор, распадающийся по швам.

На кровати валялось штук семьдесят писем. Среди них валялась толстуха Тедди, сиамская кошка. Время от времени она переворачивалась на спину и перебирала лапками в воздухе. «Креветки, креветки, — мурлыкала она, — почему у нас нет креветок, а?» Хотелось бы мне знать! Красавица Клеопатра, ее сестра, сидела возле автора, сложив лапки и загадочно улыбалась. «Босс! — сказала она вдруг, встав и отряхнув с хвоста воображаемую пылинку, — босс, а почему бы тебе не сесть в свое инвалидное кресло и не пойти с нами посмотреть на корабли? Тут так скучно!»

За окнами готовился к отплытию польский лайнер «Стефан Батори». Только что был поднят Голубой Питер, голубой флаг с белым квадратом посередине, и на пристани собиралась толпа, как это обычно бывает каждый раз, когда лайнер готовится к отплытию. Автор не чувствовал искушения. «Но почему бы и нет», — подумал он, но Добродетель восторжествовала, кроме того, как раз в этот момент боль усилилась, поэтому он ответил:

— Нет, Кли, нужно работать, нам нужно написать на бумаге несколько слов, чтобы получить возможность купить креветки, о которых до сих пор вздыхает Тедди.

Мисс Кли зевнула, мягко спрыгнула на пол и ушла прочь. Мисс Тедди еще раз перевернулась на спину, подергала лапками и последовала за ней.

Автор вздохнул так тяжело, что конверты разлетелись по кровати, и продолжал разбирать письма. Он открыл следующее письмо.

— Что это значит? — метал гром и молнии адресат. — Да как вы СМЕЕТЕ говорить, что не будете отвечать на письма, если в них нет денег на марки? Вы что, не

понимаете, что люди делают вам честь, когда тратят свое время и деньги на то, чтобы вам написать? Вы ОБЯЗАНЫ отвечать на все письма и сообщать любую информацию, о которой вас просят!

— Та-та-та! — вздохнул автор. — Я, пожалуй, сделаю сюрприз этому цыпленку.

Печатная машинка была старой, тяжелой, и если на ней долго печатать, то сильно затекали колени. Но автор отнюдь не был похож на сильфа*, и, хотя он сильно похудел, его немалый вес в 280 с чем-то фунтов уменьшился всего до 215 фунтов, и это был нижний предел даже при диете, позволявшей всего 1000 калорий в день. В чем же проблема? То ли его эркер, окно-фонарь, уж слишком похож на фонарь, то ли у него слишком короткие руки. Может, нанять секретаршу? Нет, сэр, нет, мэм. Никаких секретарш. Впрочем, только авторы, сочиняющие порнографию, зарабатывают достаточно, чтобы позволить себе секретаршу.

* Дух Воздуха.

Итак, наш автор мрачно схватил машинку и водрузил эту проклятую штуку себе на колени.

— Уважаемая мисс Баггсботтом, — застучали клавиши, — я получил ваше любезное письмо, но не могу сказать, чтобы оно меня обрадовало. Могу ли я воспользоваться случаем, чтобы «вывести вас из заблуждения» или «поставить вас в известность», как говорят американцы? Моя корреспонденция увеличивается, мисс Баггсботтом, и, следовательно, растут почтовые расходы. Подсчитано, что сегодня затраты труда и материалов на то, чтобы отправить письмо в одну страницу, составляют более \$3. Ваше предположение о том, что я получаю \$ 1 с каждой проданной книги, неверно. Я получаю от 7 до 10% от самой низкой цены в той стране, где была напечатана книга.

Автор пыхтел от негодования.

— Из этой суммы я должен заплатить 50% первому издателю, только не спрашивайте меня почему! Существуют и другие комиссионные сборы, потери при конвертировании валюты и НАЛОГИ. Поэтому, мисс Б., вы поистине не ведаете, что пишете. Кроме того, автор вынужден что-то есть, да будет вам известно!

В комнату вошла Ра'аб.

— Почту принесли, — сказала она. — Сегодня только шестьдесят три. Наверное, где-то задерживаются.

Это напомнило одетому в лохмотья автору об одном письме, которое он отложил ранее. Порывшись в первой стопке, он вытащил оттуда ярко-оранжевый листок с орнаментом из совершенно неправдоподобных безвкусных цветов по краям.

— А! — сказал он. — Вот оно. Он развернул письмо и прочел:

— Вы называете себя монахом. Что же означает наличие некой «миссис»? Тоже монашка, да? Как вы собираетесь это объяснить?

Бедный автор снова вздохнул в крайнем раздражении.

Люди такие странные! — подумал он, — но все же ответ, да еще отпечатанный на машинке, может быть, сможет кому-то помочь. Леди и джентльмены: вы когда-нибудь слышали о женском монастыре, где есть священник? А слышали вы об общине, где мужчина может жить с женщиной или женщинами? Они не всегда занимаются тем, в чем подозревают их похотливые. Вы слышали о тюрьме (например), при которой работает медсестра? Если уж на то пошло, случалось ли вам слышать о ночной сиделке в палате у мужчин? Полноте! В общении мужчины и женщины не ВСЕГДА прыгают в постель друг к другу. О, как вы испорчены! Что за мысли у людей!

Тот же Уважаемый Корреспондент (вы понимаете, насколько уважаемый!) продолжал: «И почему это вы носите бороду? Чтобы спрятать неправильную форму рта или еще для чего-то?» Но Широкая Публика была бы крайне изумлена, узнав, что пишут некоторые представители, составляющие Широкую Публику. Вот подлинный отрывок — нет, целое письмо, полученное от одного своеобразного человека. В нем ничего не было

изменено.

«Уважаемый Сэр, я должен быть СВОБОДЕН, свободен, чтобы жить как хочу, а не по указке других. Я должен быть СВОБОДЕН, иначе моя душа погибнет. Пришлите мне, пожалуйста, 1 миллион долларов обратной почтой (подпись...). P.S. Заранее благодарен».

Перечитав текст оригинала, автор повертел листок в руках. Некоторые письма были... ЗАБАВНЫМИ. Он снова вздохнул, вероятно из-за спертого загрязненного воздуха в городе, и швырнул письмо в корзину. Пуф! «Совершенно верно», — промурлыкала толстуха Тедди, входя в комнату. Но Жизнь и Разбор Писем продолжались. Еще о гомосексуалистах? Ярость до иступления. Некоторые враждебно настроенные люди могли бы совершенно испортить их забавы своими острыми ножами. Но вот кое-что о женской стороне вопроса.

Подпольный бар в подвале одного из глухих уголков Сохо, Лондон, где может произойти ВСЕ, что угодно, был почти пуст. Похожий на убийцу бармен полулежал за стойкой и рассеянно ковырял в зубах, не думая ни о чем конкретном. Мысли его блуждали. В дальнем углу бара сидели двое. Они сидели на высоких табуретках и шепотом беседовали о низких вещах — тех, что находятся не выше талии.

Лотта Булл была идеальным воплощением мужеподобной женщины. Ей не хватало только некоторых, хотя и весьма существенных атрибутов, чтобы стать настоящим мужчиной. Волосы стрижены очень коротко, почти по военной моде, жесткое лицо сделало бы честь любому старшине, впавшему в ярость. Платье было самым бесполом из бесполойших, а голос низкий, как голоса кораблей на Темзе у Лондонского моста. Она собственнически поглядывала на сидевшую перед ней девушку.

Рози Хиппс была очень женственной, пушистой и очень много болтала. В ее пустой белокурой головке едва ли обитала хоть одна мысль. Голубые глаза и кудряшки, как у фарфоровой куклки, создавали впечатление напускной невинности. Для портрета Рози Хиппс художнику потребовалось бы только изогнутые линии, как для портрета Лотты Булл — только прямые. Рози изящно помахивала сигаретой в очень длинном мундштуке; Лотта пожевывала кончик короткой толстой сигары.

В бар вошел посетитель и остановился, озираясь по сторонам. Заметив Рози Хиппс, он направился в ее сторону, но, поймав свирепый взгляд Лотты Булл, на полпути изменил направление. Он благоразумно двинулся в сторону бармена, который уже оторвался от стойки и протирал бокалы. «Оставь эту куклу в покое, — прошептал бармен, — а то ее мясник тебя порешит. Она бешеная, эта Лотта Булл. Что будешь пить?»

— Мужики! Только об этом и думают! — фыркнула Лотта. — Я бы убила любого мужчину, который бы ко МНЕ неправильно подъехал. Мне бабы больше нравятся. Они чище. Чище. А у тебя когда-нибудь был мужчина, Рози?

Рози улыбнулась, а потом вслух рассмеялась своим мыслям.

— Давай уйдем отсюда, — сказала она, — тут не поговоришь. Они быстро опустошили свои бокалы и вышли на улицу.

— Давай возьмем такси, — сказал она.

Лотта Булл взмахнула рукой, и такси, развернувшись, затормозило перед подругами. Шофер подождал, пока они уселись в машину, включил счетчик и понимающе кивнул, когда Лотта назвала адрес на мрачной улице в Пэддиштоне, прямо за Больницей. В это время движение было не слишком сильным, по лондонским меркам. Служащие уже ушли домой, магазины закрылись, а для посетителей театров и кино было еще слишком рано. Такси помчалось вперед, обгоняя неуклюжие автобусы и привычные автомобили Грин Лайн, которые спешили из одной деревни в другую.

Такси завернуло за угол и плавно затормозило. Лотта Булл взглянула на счетчик и, порывшись в кошельке, заплатила.

— Спасибо, сэр, — сказал шофер, — счастливого пути. С непринужденностью, свидетельствующей о долгой практике, он нажал на сцепление и заспешил на поиски

следующего клиента.

Лотта Булл флегматично зашагала по тротуару. Рози Хиппс семенила за ней на таких высоких каблуках, что у нее все тряслось и подпрыгивало в нужных местах. Проходившие мимо мужчины всех возрастов смотрели ей вслед, рискуя вывихнуть шею, и одобрительно свистели, за что Лотта награждала каждого ледяным взглядом.

Ключ повернулся в замке, и с едва слышным щелчком дверь отворилась. Лотта пошарила в поисках выключателя, и в прихожей вспыхнул свет. Они вошли и закрыли за собой дверь.

— Ах! — выдохнула Рози Хиппс, с наслаждением опускаясь в кресло и снимая туфли. — Ноги гудят, сил нет!

Лотта отправилась на кухню и включила электрический чайник.

— Чайку хлебнуть, вот че охота, — сказал она, — пить хочется, как перед смертью.

Чай был горячий, пирожные — вкусные. Они вместе сидели в большом кресле «Антиквариат от Меберти». Перед ними стоял низкий столик.

— Ты собиралась рассказать мне, Рози, о своем первом мужчине, — напомнила Лотта, отталкивая столик ногой. Она забралась глубоко в кресло и притянула Рози к себе.

Рози засмеялась и ответила:

— Да совсем паршивая история, правда. Это было несколько лет назад. Я бы тогда мальчика от девочки не отличила. Вообще не знала, что между ними есть какая-то разница, мамаша была очень строгой. Я тогда ходила в воскресную школу, наверное, мне было лет 16. Учитель был совсем молодой парень, лет 20. Он хорошо ко мне относился, и мне это льстило. У него был небольшой «Воксхол», потому я решила, что он богат.

Она сделала паузу, чтобы закурить сигарету, и выпустила облачко дыма.

— Много раз он хотел подвезти меня домой после уроков, но я всегда отвечала «нет», потому что мама была очень строгой. Тогда он предложил подвезти меня и высадить на углу нашей улицы. Я согласилась и села в машину. Она была вся зеленая, очень классная машина. Так вот, несколько раз он подвозил меня домой, и однажды мы остановились в Парке — мы тогда жили в Вендсворсе. Мне показалось, что у него какие-то проблемы с дыханием или еще что-то такое, я ничего не понимала из того, что он говорил, а когда он пустил в ход руки, я думала он хочет подраться или чего-то такое — вот какой душой была. Но тут из-за угла выехал конный полицейский, чувак нажал на газ, и мы рванули, как перепуганные кролики.

Она повертела в руках сигарету и раздавила ее в пепельнице. Несколько минут они сидели в молчании. Наконец его нарушила Лотта Булл:

— Ну? А что потом?

Рози Хиппс так глубоко вздохнула, что чуть не вывалилась из блузки.

— Мамаша была такой ханжой. В доме никогда не было мужчины. Отец погиб от несчастного случая вскоре после того, как я родилась. У нас не было никаких родственников мужчин, даже животных — никого. Шутки о птичках и пчелках были не для меня. Конечно, в школе мы с девчонками баловались, как это обычно бывает. Исследовали все возможности, как говорят политики, но мальчишки — это нет. Я слышала о них какие-то разговоры, но ничего в них не понимала. Я знала, что есть христиане и есть евреи, и думала, что разница между мальчиками и девочками почти такая же. Они ходят в разные церкви или в разные школы, что-то вроде того.

Она не докурила следующую сигарету, потому что захлебнулась дымом и закашлялась. Лотта Булл налила себе еще одну чашку чаю и проглотила чуть теплую жидкость одним мощным глотком. Она откинулась на спину и обняла Рози.

— Ну? — спросила она, поглаживая подругу и все время перебирая пальцами, словно играла на скрипке.

— Ну как я могу рассказывать, если ты делаешь ЭТО? — спросила Рози. — Подожди, пока я закончу, если хочешь знать, что произошло.

Лотта обняла Рози за талию и сказала:

— Черт! Опять у тебя приступ невинности. Рассказывай!

— Так вот, — продолжала Роза. — Я увидела его только в следующее воскресенье. Он смотрел на меня немного испуганно и спросил шепотом: «Ты рассказала маме?» Тогда я, конечно, сказала ему, что рассказываю Ей далеко не все. Он облегченно вздохнул и стал учить нас слову Божьему. Потом он сказал, что человек из Общества Надежды хочет с нами поговорить, чтобы мы подписали Обещание быть хорошими маленькими трезвенницами или еще какую-то чепуху. Для меня это было совсем непонятно, потому что я тогда в жизни спиртного не пробовала.

За окном раздался жуткий грохот и лязг металла. Это столкнулись две машины. Лотта Булл так резко вскочила на ноги, что бедная Роза выпала из кресла на пол. Лотта метнулась к окну и выглянула. Внизу уже собралась толпа зевак, а водители выкрикивали друг другу непристойности и проклятья. Наконец появилась полиция. «У, ищейки! — помрачнела Лотта. — Терпеть их не могу! Вечно они все испортят. Продолжай, Роза, не обращай внимания».

Они снова уселись в кресло, и Роза продолжала:

— Когда я шла после школы домой, он догнал меня на машине и открыл передо мной дверцу. Я села в машину, и он куда-то поехал. Мы приехали в Пугни и сидели в машине у реки. Там, конечно, было полно людей, и мы просто сидели и разговаривали. Он говорил много такого, чего я не понимала... ТОГДА! Он говорил, что глупо во всем слушаться маму. «Поехали со мной в Мейденхед в следующую субботу, — сказал он, — скажешь маме, что едешь с подружкой. Я знаю одно милое местечко. Мы здорово проведем время». Я обещала подумать об этом, и тогда он отвез меня домой, и мы условились, что он встретит меня в пятницу после школы.

Всю неделю мамаша вела себя как последняя скотина. «Что с тобой происходит, Роза?» — талдычила она все время. И в школе все было плохо. Моя подружка, Милли Коддл, вдруг меня возненавидела — знаешь, такое иногда находит на девчонок, — и моя жизнь стала просто невыносимой. Я была одной из ответственных за дисциплину, и классная наорала на меня за то, что я не донесла ей о каких-то вещах, которых я и в глаза не видела. А когда я сказала, что не видела, она заявила, что я не гожусь в ответственные. О! Это была паршивая неделя!

Бедняжка Роза замолчала и тяжело задышала от нахлынувших воспоминаний.

— Потом классная спросила, что со мной такое, неприятности или что, а я ответила нет, единственная неприятность — это то, что она меня достает. А она вся покраснела и сказала, что будет разговаривать с моей мамашей, потому что я говорю ей дерзости. Господи! Я думала, что хуже мне уже никогда не будет, но неделя все ползла и ползла. Понимаешь, просто ползла.

Лотта Булл сочувственно кивнула головой.

— Давай выпьем, хочешь, Роза, — спросила она, вставая, и подошла к бару, стоявшему в углу комнаты. — Что ты будешь? Виски? Джин с тоником? Водку?

— Нет, я сегодня по-простому, дай мне пива, — попросила Роза, — мне так паршиво, что я буду пить пиво.

Они снова вместе уселись в кресло, Лотта держала стакан виски со льдом, а Роза — пиво.

— Черт! Ты меня заинтриговала, — воскликнула Лотта. — И что же было дальше?

— В пятницу утром, перед тем, как я ушла в школу, — продолжала Роза, — мамаша получила письмо от классной — этой старой суки — и, читая его, становилась мерзкого багрового цвета.

— Роза, — завопила она, закончив читать (наверное, это и решило дело окончательно). Роза, вот только ты у меня придешь домой из школы. Уже я тебя отколочу, я с тебя шкуру спущу, да ты... ты...! Она задышалась, брызгала слюной, все слова из головы повывлетали. Я убежала.

В школе в тот день у меня были лажи с утра до вечера, на меня все злились.

Она замолчала, чтобы отхлебнуть пива и собраться с мыслями.

— Он ждал меня у самых ворот. Бог мой! Я еще никогда не была так рада его видеть! Я побежала к машине и прыгнула на сиденье. Он быстро отъехал от школы и остановился чуть дальше — знаешь, там есть такой скверик, — и я рассказала ему обо всех своих неприятностях. Я сказала, что боюсь идти домой.

— Знаешь что, — сказал он наконец, — напиши маме записку, и я пошлю какого-нибудь мальчишку ее отнести. Напиши, что останешься на ночь у подружки, у Молли Коддл.

Я вырвала из тетрадки чистый лист и нацарапала записку.

Лотта презрительно кивнула головой.

— Вскоре он отдал записку мальчишке на велосипеде, и мы помчались в Мейденхед. Там есть довольно милое местечко на окраине, знаешь, такие коттеджи. И ресторанчик какой-то тоже. Он заказал для нас комнату, и потом мы пошли обедать. Очень вовремя, я тебе скажу, я уже подыхала с голоду. Мамаша на меня так напустилась, что я не позавтракала, скорей хотела убежать от этого скандала. Нельзя же есть, когда на тебя орут. Ну а в школе — ты знаешь, как они кормят! Эти школьные обеды нужно забыть как можно скорее, если это вообще возможно.

Она тряхнула головкой и наморщила носик при одной мысли об этом.

— О, да, — злобно пробормотала Лотта, — но ты бы видела, что нам давали в исправительной колонии! Ну, продолжай.

— Поэтому я очень проголодалась, — подвела итог Рози Хиппс. — Я съела все дочиста, а он все говорил и говорил. Не могу сказать, чтобы я его слушала, слишком была занята едой. Он говорил, что хочет со мной спать. Что в этом плохого? — думала я. — Ведь это все равно что спать с Молли Коддл. Что из того, что он отличается от меня каким-то странным образом? Разве не может христианин молиться вместе с евреем? О! Какой же я была бестолковой!

Она откинулась назад и горько рассмеялась. Потом отхлебнула пива и продолжала:

— Ну вот, я очень много всего съела и много выпила — чаю, ты понимаешь, и мне захотелось в туалет. Туалета не было поблизости, и я попросила его пойти со мной в комнату. Мы прошли через стоянку машины и зашли в комнату, которую он заказал. Дверь ванной была открыта, и я сказал, что мне нужно туда. Я сидела там довольно долго, пока то да се, но, наконец, закончила, погасила свет и пошла в спальню.

Она умолкла и коротко, резко рассмеялась. Лотта Булл сидела, слегка приоткрыв рот. Выпив, Рози продолжала:

— Я оглянулась, и тут я увидела ЕГО. Господи, я никогда не испытывала такого шока — он лежал совершенно голый, в чем мать на свет родила. Бог мой! Он весь был волосатый, из него торчала какая-то отвратительная штука. У него, наверное, раковая опухоль, — подумала я. Когда он направился ко мне, я упала на пол, теряя сознание от ужаса. Наверное, я стукнулась головой о стул или еще что-нибудь, потому что я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** потеряла сознание.

Лотта Булл тяжело задышала, не в состоянии справиться с нахлынувшими эмоциями, и ее глаза заблестели от ярости.

Рози Хиппс продолжала:

— Некоторое время спустя, мне оно показалось очень долгим, я пришла в себя и почувствовала на себе жуткий вес, на мне что-то прыгало. О Господи, — подумала я сонно, — наверное на меня слон уселся. Я открыла глаза и заорала от ужаса. Это ОН на мне лежал, и я тоже была совершенно голой. Черт! Мне было больно. А потом, знаешь, самое мерзкое, он соскочил с меня, бухнулся на колени и стал молиться. Потом я услышала топот бегущих ног, в замке повернулся ключ, и двое мужиков ввалились в комнату. И все, чем я могла от них прикрыться, была только заливавшая меня краска стыда!

Лотта Булл сидела, прикрыв глаза, возможно пытаясь увидеть описанную сцену.

Но Роза продолжала. Один из мужиков уставился на меня, и не только на лицо, и сказал: «Мы слышали, как вы кричали, мисс, он вас что, изнасиловал?» Не говоря больше ни слова, они бросились на учительишку и надавали ему куда попало. А тот только вынул свои молитвы. «Вам бы лучше одеться, мисс, — сказал один из мужиков, — мы сейчас вызовем полицию».

Господи, — подумала я, — что же теперь будет? Я натянула на себя шмотки и страшно испугалась, когда увидела на ногах кровь, но мне нужно было поскорей одеться.

— А что потом было? Они вызвали полицию? — спросила Лотта Булл.

— Конечно, вызвали! — ответила Роза. — Как дети в школу! Приехала полицейская машина, а сразу за ней и какой-то сопляк из Прессы. Он посмотрел на меня с вожделением, и аж облизывался, предвкушая сенсацию, когда открывал свой блокнот. Но полицейский остановил его. «Оставьте ее в покое, — сказал он, — может, она несовершеннолетняя». Тогда этот ублюдок из Прессы вытаращился на учителя воскресной школы, который стоял, как облупленный банан. Мужики не позволили ему одеться до прихода полиции. Теперь-то я уже понимала разницу между мужчиной и женщиной!

За окном закричал мальчишка-газетчик: «Спецвыпуск! Преступление века! Спецвыпуск!»

— Вот так они всегда! — сказала Лотта Булл. — Пресса вынюхивает какой-то пустяковый случай и раздувает из него скандал. Но что же было дальше?

— Ну, полиция задавала много вопросов, — сказала Роза Хиппс. — Боже! Как они хохотали! Они задали мне столько вопросов! Спросили, пошла ли я с ним в комнату по своей воле, Я сказала, да, но я не знала, чего он хочет. Я сказала, что не знала, чем мужчина отличается от женщины. Тут они заржали, как кони, а газетчик строчил в свой блокнот. «Теперь я знаю», — добавила я, и он опять стал там что-то корябать.

Вдруг учительишка вырвался от них, снова брякнулся на колени и забарабанил молитвы, ну как из пулемета. А потом, Боже мой, он встал на ноги и обвинил меня в том, что я его совратила! Я никогда в жизни не переживала большего унижения.

— Они тебя забрали в участок? — спросила Лотта.

— Да, забрали. Меня посадили в полицейскую машину возле водителя, а учитель с другим полицейским сели сзади, и мы поехали в полицейский участок Мейденхеда. Пресса потащилась за нами. Теперь их было уже семеро. В участке меня затолкнули в какую-то комнату, где врач и женщина из полиции заставили меня снять всю одежду. Они раздвинули мне ноги. Бог мой, мне никогда еще не было так стыдно, — и осмотрели. Доктор перечислял синяки, царапины, и женщина все это записывала. Потом доктор всунул в меня какую-то трубку и сказал, что берет анализ, чтобы узнать, может, меня изнасиловали. Бог мой! А что же еще, он думал, со мной сделали?

Она замолчала и взяла стакан, который Лотта только что наполнила снова. Изрядно отхлебнув из него, словно для того, чтобы смыть неприятные воспоминания, она продолжала:

— Мне показалось, что меня там продержали несколько часов, а потом отвезли к мамочке. Мамаша была белой от злости и ее трясло. Она размахивала газетой, где большими буквами был напечатан заголовок «Школьница погубила будущее учителя воскресной школы». Мамаша была в бешенстве, действительно в бешенстве. Она сказала полицейскому забирать меня куда угодно, что она меня больше знать не желает, и грохнула дверь. Полицейский и тетка - полицейская переглянулись. Тетка забрал а меня обратно в машину, а мужик стал стучать в дверь.

Она прикурила сигарету и продолжала:

— Наконец он вернулся и сказал, что мамаша никогда больше не пустит меня домой. Он посмотрел на меня с некоторым сочувствием и сказал, что им придется отвезти меня в Приют Армии Спасения для несовершеннолетних проституток — меня! Короче, меня поместили на ночь в том ужасном старом здании, которое тебе так хорошо знакомо.

Лотта Булл фыркнула.

— Еще бы, — отозвалась она ледяным тоном. — Это там я узнала про птичек и пчелок и про то, что косяк не имеет к двери никакого отношения. Но рассказывай, что было потом?

Рози Хиппс явно льстило неослабевающее внимание Лотты. Она продолжала:

— В ту ночь я узнала все о жизни. Узнала все о сексе. Боже милосердный?! Некоторые из этих девиц совсем свихнулись. Рехнулись! Что они вытворяли друг с дружкой! Но как бы там ни было, и эта бесконечная ночь со всем ее адом прошла, а наутро мне дали позавтракать, конечно, я ничего не могла есть, и отвезли в Суд, но не на экскурсию, как ты понимаешь!

Она помолчала с минуту, погрузившись в невеселые мысли, и снова продолжала свою историю.

— Сопровождавшая меня женщина из полиции обращалась со мной, как с опасным преступником. Она была такой грубой. Я сказала ей, что я — пострадавшая.

«Как бы не так!» — ответила она. Ладно, после долгого ожидания меня вытолкнули в зал суда. — О! Это было УЖАСНО! Там была пресса, мамаша всю дорогу сердито на меня пялилась. И они притащили учителяшку и посадили его на скамью подсудимых. Мне пришлось все рассказать. Некоторые мужики аж запыхтели, когда меня спросили, пошла ли я с ним по своей воле. Я сказала да, но я не знала, чего он хотел. Все загоготали. О! Я и сейчас не могу об этом думать.

Она вытерла глаза крохотным кружевным платочком.

— Как бы там ни было, — продолжала она, — они сказали, что я уже совершеннолетняя, мне только что исполнилось шестнадцать, а газетчик, который писал сенсационную статью о нашей школе, поспешил доложить, что видел, как я побежала и прыгнула в машину. Ко мне никто не применял силу, сказал он. И они отпустили учителя воскресной школы, наказав ему впредь быть пай-мальчиком. Боже! Они просто выбили из Суда это решение!

Она замолчала, погасила сигарету и выпила.

— А потом они принялись за меня, — сказала Рози. — Я была плохой, неблагодарной, порочной девчонкой. Даже моя бедная многострадальная мамочка, вдова, которая ради меня работала до изнеможения на протяжении шестнадцати лет, не выдержала и отказалась от меня, отреклась, не хочет иметь со мной ничего общего. Поэтому Суд вынужден что-то предпринять, чтобы спасти мою душу. Потом тетка-надзирательница за условно осужденными встала на задние лапы и вставила свои пять копеек. Старикашка, который вел процесс, поиграл с очками, заглянул в книжку-другую и постановил, что меня нужно отправить в школу для несовершеннолетних проституток на два года.

Лотта Булл кивнула головой в молчаливом сострадании. Рози продолжала:

— Это меня совсем подкосило. Ведь я же ничего не сделала. Я рассказывала им о том, что случилось, как можно спокойней, чтобы их не запутать. Старикан сказал, что я очень грубая девчонка и страшно неблагодарная.

«Следующее дело», — выкрикнул он, и меня вытолкали из зала и повели в камеру. Какая-то чудная старушка сунула мне будерброд, а еще кто-то — кружку холодного чая. Руки у меня дрожали. Я и не прикоснулась ко всему этому.

— И со мной так было, — сказала Лотта Булл, — но давай дальше.

Рози глубоко вздохнула и сказала:

— Потом пришла какая-то женщина и сказала, что я не смогу поехать в школу сегодня и мне придется провести ночь в тюрьме Холловой. Ты только представь себе, я — в Холловой, а я ведь ничего не сделала. Но они отвезли меня туда в Черной Марии. Это было УЖАСНО. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой.

Она замолчала и, содрогнувшись, сказала просто:

— Вот как со мной было.

Лотта Булл подвинула подушку, и из-под нее выпала какая-то книга. Она протянула руку и подобрала ее с пола. Рози взглянула на обложку и с интересом улыбнулась.

— Неплохая книжка, — сказала Лотта, — подожди-ка. — Она полистала книгу. — Прочти вот это. Он много пишет о гомиках и лесбиянках. Тебе надо это прочесть. Я согласна с каждым его словом.

Рози Хипс с удовольствием засмеялась.

— Прочесть? — сказала она. — Да у меня есть все книги, которые он написал, и я знаю, что все в них — правда. Видишь ли, я с ним переписываюсь.

Лотта Булл рассмеялась.

— Да ну тебя! — сказала она. — Он всем отшельникам отшельник. Откуда ТЫ можешь его знать?

Рози загадочно улыбнулась и сказала:

— Он мне очень помог. Он помогал мне, когда я думала, что сойду с ума. Вот откуда я его знаю! — Она порылась в сумочке и достала оттуда письмо.

— Это от него, — сказала она, протягивая письмо Лотте. Лотта прочла и кивнула в знак одобрения.

— А какой он на самом деле?

— Из правильных, — ответила Роза. — Знаешь, не пьет, не курит. Женщины для него — понятие абстрактное. Даже слишком, — добавила она, — и не только потому, что он сексапилен, как холодный рисовый пудинг недельной давности; нет, в его понимании женщинам следует сидеть дома да присматривать за детишками, и мир станет лучше. Не будет ни наркоманов, ни панков всяких.

В раздумье Лотта Булл нахмурила брови.

— Никаких женщин, да? Он что... как мы — гомосексуалист? Откинувшись на спинку кресла, Роза Хипс захохотала. Когда от смеха на глазах у нее выступили слезы, она воскликнула:

— Господи, да нет же! Ты все неправильно поняла. — И с грустью добавила: — Как бы то ни было, сейчас у бедняги выбор невелик — кровать да инвалидная коляска.

— Хотела бы я с ним познакомиться, — вздохнула Лотта.

— И не надейся! Он больше ни с кем не общается. Эти типы из Прессы настряпали о нем такое — просто классический образец лжи, извратили каждое его слово, каждый поступок перевернули с ног на голову. Теперь он считает Прессу самым большим злом на Земле. Кстати, в исправительную школу я попала тоже из-за Прессы, — добавила она задумчиво.

— Ну, ладно, — сказала Лотта, вставая. — Неплохо бы спуститься в «Экспрессе».

ГЛАВА 5

Неспешно сеялся легкий дождь, будто ниспосланный сострадательной Богиней Милосердия, чтобы наполнить жизнью засушливый край. Подобная неплотному туману, мягко падала на землю вода, колеблясь и дрожа, как бы сомневаясь в своем предназначении; и, коснувшись наконец иссушенной почвы, со слабым шипением исчезала в ее глубинах. А там прикосновением воды пробуждались к смутному сознанию всякие корешки и, пробужденные, жадно впитывали живительную влагу. Как по мановению волшебной палочки, первые крошечные островки зелени возникли на поверхности земли. Редкая зеленая россыпь росла и густела вместе с усиливающимся дождем.

И вот дождь превратился в настоящий ливень. Падали огромные капли и, поднимая в воздух комочки земли, пятнали жидкой грязью юную зелень растений. Природа этого бесплодного края всегда готова к стремительному развитию, оживая при первых же признаках влаги; там и здесь появлялись крохотные бутоны, и мелкие букашки, прыгая по камням, деловито засуетились между растениями.

Из соседней лощины донеслось странное, неясное шипение, затем что-то забулькало, зазвенели камни, и показались вздыбленные воды потока, в котором среди пены неслись комья земли, погибшие насекомые и прочие обломки истомленного жаждой мира.

Тучи становились все ниже. Индийский муссон натолкнулся на Гималаи и обрушил из опрокинутых туч стремительные поток и воды. Вспыхнула молния, оглушительно загрохотал гром, отражаясь от горных склонов. Снова и снова молния безжалостно поражала остроконечные вершины, разбивала их вдребезги и превращала в облака пыли и груды камней, которые скатывались по крутым склонам гор и с глухим стуком тяжело валились на мокрый грунт. Накренился и, сминая растения, с плеском упал в лужу огромный валун, окатив грязью все вокруг.

Вздувшаяся река залила берега, и оказалось вдруг, что притоки ее повернули вспять. Все выше поднималась вода, затопливая стволы ив. Отчаявшиеся птицы, слишком мокрые, чтобы летать, ежились на самых верхних ветках в ожидании конца света. Ливень обрушивался на землю.

Болота превратились в озера. Озера стали морями. Грохотал и ревел в долинах гром, сотни тысяч раз отзываясь бессмысленным эхом, оглушая разум мешаниной звуков.

Свет померк, и стало темно, как безлунной ночью. Дождь лил стеной. Русло реки стало неразличимым, вся земля казалась покрытой бурным потоком. Поднявшийся ветер с воем хлестал поверхность воды, взбивая белую пену. Его пронзительный вой стал еще выше и превратился в душераздирающее визгливое причитание, наводившее на мысль об адских муках. Вспыхнуло небо, словно взорвалось солнце, еще раз сокрушительно прогремел гром, и дождь разом прекратился, будто где-то закрыли кран. Луч солнечного света пронзил темноту и тут же исчез. Но вот наконец побежденные тучи отступили, и над затопленным миром воссиял день.

Неожиданно на возвышенности, где грунт еще сохранил какую-то твердость, зашевелились похожие на валуны темно-серые глыбы. С усилием поднявшись на крепкие ноги, монолитные фигуры оказались намокшими, заляпанными грязью яками. С широких спин стекали струйки воды, и животные сонно отряхивались, разбрызгивая во все стороны мелкие капли. Радуюсь своему избавлению от льющейся отовсюду воды, яки стали обнюхивать подсыхающий грунт в извечном поиске пищи.

Под мощным выступом скалы, который служил ненадежным укрытием во время дождя, началось суетливое оживление. Постепенно появлялись люди, бормоча проклятия непогоде. С тяжелыми вздохами снимали они мокрые одежды, чтобы выжать из них воду и надеть снова. Жара усиливалась, и над подсыхающими животными и людьми поднялись слабые облачка пара.

От группы отделился юноша и, стараясь выбирать клочки земли посуше, побежал через долину; следом за ним неся крупный мастиф. С криками и лаем они отогнали отбившихся яков к остальным, а затем отправились табунить бродивших у далекой скалы пони.

Едва заметная тропинка вела между разбросанными камнями к расчищенной площадке у подножия горы, и там, изменив направление, извиристо поднималась вверх футов на триста, оканчиваясь у каменного выступа, на котором беспорядочно рос невысокий кустарник. За выступом в скале открывался вход в довольно большую пещеру, которая вела, видимо, в тоннели, проложенные давно угасшим вулканом.

Даже издали внимательный наблюдатель мог заметить цветное пятнышко, даже два. У входа в пещеру сидели Лама и его маленький ученик, оба сухие и беззаботные, и взирали на безбрежную равнину Лхасы, где бурлили потоки, только что наводнявшие землю. После нежданного ливня воздух стал еще прозрачнее, и они любовались знакомым пейзажем.

Вдалеке ослепляюще блестели золотистые шпили Поталы, отражая под разными углами солнечные лучи. Светился охрой свежескрашенный фасад; развевались и

трепетали на сильном ветру Молитвенные флаги. Здания Медицинской школы на Железной Горе выглядели необыкновенно свежими и чистыми; ярко сверкали постройки деревни Шо.

Отчетливо были видны Змеиный Храм и озеро. С каким-то молчаливым согласием кивали верхушками стоящие в воде ивы. Расплывчатыми цветными пятнами казались монахи и ламы, неторопливо приступающие к повседневным делам. На внутренней дороге можно было различить тонкую цепочку странников, совершающих Деяние Веры — круговое паломничество из Собора Лхасы в Поталу и обратно. Сверкали на солнце Западные Ворота, и было видно, как редкие торговцы сновали между Парго Калингом и небольшим женским монастырем, расположенным напротив.

Внизу, у подножия горы, торговцы наконец нагрузили яков и уселись на своих лошадок, и теперь, громко переключаясь и подшучивая друг над другом, медленно продвигались к перевалу, ведущему вниз, к долинам Тибета и Китая.

Медленно затихали вдали крики людей, мычание яков и лай собак; и вот снова воцарились покой и тишина.

Лама и юный послушник созерцали открывавшийся перед ними вид. В отдалении, слева от Чакпори, был виден перевозчик в надувной лодке, обшитой шкурами. Он неистово пронзал воду длинным шестом, пытаясь достать дно и противостоять сносившей лодку вздыбленной волне. Шест ушел глубоко вниз, и лодочник в отчаянии вытянулся за ним. Лодка опрокинулась и, качаясь из стороны в сторону, стала отдаляться, оставив обреченного на гибель наедине со стихией. Лодка скользила все быстрее, подхваченная стремительными водами, гонимая ветром. На мелководье, которое по злой иронии оказалось так близко, празднично плавал длинный шест; через несколько минут рядом с ним лицом вниз всплыл лодочник.

Высоко в небе парили ястребы; временами они внезапно устремлялись вниз, затем снова поднимались и кружили в поисках пищи, жадно высматривая попавших в беду — будь то животные или люди. Одна из птиц спикировала на утонувшего лодочника, но в последний момент свернула в сторону, чтобы рассмотреть жертву вблизи. Не заметив движения, птица снизилась опять и села на спину мертвеца. Оправив перья, она дерзко глянула вокруг и принялась за работу, начав с затылка утопленника.

— Завтра, — сказал послушнику Лама, — мы отправимся в путешествие к дальним низинам, где нас ждут друзья. А сегодня мы можем расслабиться и отдохнуть — это сохранит нам силы. Путешествие будет долгим и трудным. Смотри, — он поднялся на ноги и показал рукой, — вон у тех камней вынесло несколько сучьев. Принеси их, и мы приготовим чай и тсампу.

Он едва заметно улыбнулся и добавил:

— После я покажу тебе несколько упражнений, объясню, как правильно расслабляться и дышать. И то, и другое очень важно, и именно этих умений тебе так не хватает. А пока что отправляйся за дровами, — он повернулся и вошел в пещеру.

Маленький послушник вскочил на ноги и снял висевший у него на боку моток бечевки. Обматывая бечевку вокруг пояса и плеч и рискуя тем самым удавиться насмерть, он заскользил по тропинке к долине. Уже собираясь обогнуть огромный валун, мальчик внезапно остановился. На валуне сидела крупная птица, обсыхая после недавнего ливня, и перебирала клювом намокшие перья.

Маленький послушник замер, обдумывая свои действия: если подождать, пока птица спрячет голову под крыло, можно будет незаметно подкрасться и хорошенько шлепнуть ее сзади — вот она удивится! Но, с другой стороны, если подползти к птице на животе, он сможет схватить ее за ногу... Идея со шлепком ему явно понравилась больше. Затаив дыхание, мальчик дюйм за дюймом пробирался вперед, пока не оказался прижатым всем телом к поверхности камня.

Птица чистила перья, скобля их клювом и хлопая крыльями. Затем, удостоверившись, что чище быть не может, она уселась поудобнее на камне и спрятала

голову под крыло. В восторге мальчик рванулся к ней, но зацепился за камень и упал головой вперед. Внезапно испуганная птица поступила подобно любой другой: извергла прямо в лицо маленькому послушнику ядовитый «дар» и, с шумом поднявшись в воздух, тяжело полетела прочь. С досадой мальчик неловко тер неожиданно заклеенные глаза. Сверху, со стороны пещеры, послышался смехок.

Но вот мальчуган соскреб с лица липкую зловонную массу и подбежал к впадине между камнями, где стояло маленькое озерцо воды. Очень неохотно он опустил лицо в ледяную воду и тщательно отмылся. Сверху наставительно донеслось:

— Помни о дровах!

Мальчик встрепенулся — надо же, он совсем забыл. Он развернулся и побежал вниз по заваленной камнями тропинке, однако маленьких мальчиков повсюду подстерегают искушения.

На каменной площадке покачивался внушительных размеров валун. По какой-то прихоти природа расположила его точно балансирующим на краю скалы. И вот камень раскачивался вперед-назад, вперед-назад. Маленький послушник просиял и принялся за дело. Упершись руками в каменный бок, он с силой толкнул валун и, подождав, пока тот качнется назад, стал толкать его снова и снова, постепенно увеличивая амплитуду движений. Наконец размах оказался больше, чем позволял центр тяжести, и камень с грохотом обрушился, сотрясая землю. Удовлетворенный, мальчик широко улыбнулся и повернул назад к пещере.

На полпути он вздрогнул от испуга: суровый телепатический наказ чуть не расколол череп. «Дрова, — звучала команда, — дрова, дрова!» Резко развернувшись, он снова побежал вниз по тропинке, а в голове стучало: «дрова, дрова, дрова».

Наконец набралось много хвороста. Юный ученик собрал в кучу и связал его одним концом веревки. Другой конец веревки он обернул вокруг талии и с большим трудом дотащил вязанку до входа в пещеру. Лама ожидал его с некоторым нетерпением. Он помог мальчику наломать хворост на части, нужные для костра, который быстро разгорелся.

— У тебя скверная фигура, — сказал Лама. — Мы должны заняться ею, иначе ты придешь к такому же результату, как те восточные люди, которых я видел во время посещения Индии. Прежде чем мы займемся дыхательными упражнениями, я хочу показать тебе наиболее подходящие из них в данной ситуации.

Он улыбнулся и велел мальчику встать.

— Это упражнение великолепно подходит тем, кто много сидит, а ты сидишь большую часть времени, — сказал Лама. — Упражнение очень хорошо для сброса излишней полноты. Оно называется *Рубка леса*, потому что при его выполнении имитируются движения, производимые во время рубки деревьев. Ну, а теперь встань. — Он убедился, что мальчик стоит прямо. — Представь себе, что у тебя в руках очень тяжелый топор. Один из тех топоров, которые приносят торговцы из Дарджилинга. Ну вот, стой прямо, очень твердо, и держи ноги врозь, пошире. Теперь ты должен сцепить руки так, как будто ты держишь в них топориче. Представь, что топор опущен к земле. Сделай глубокий вдох и поднимай руки с воображаемым топором высоко над головой до тех пор, пока твое тело не дойдет до критической точки и не сможет больше отклониться назад, а должно возвратиться в прежнее положение.

Ты должен верить, что поднимаешь очень тяжелый топор, и потому твои мускулы должны имитировать напряжение, как при подъеме большой тяжести. С топором, занесенным над головой, задержи на мгновение дыхание, а затем сделай выдох ртом и опусти воображаемый топор энергичным движением, как будто ты рубишь толстый ствол дерева. Ты не можешь остановиться после удара по дереву, но вместо того, чтобы позволить рукам пройти между ног, ты наклоняешься так, чтобы руки оказались на одной линии со ступнями ног. Необходимо держать спину прямо и не сгибать руки. Ты должен повторить это упражнение несколько раз. Теперь начинай и старайся делать все с такой же

энергией, какая понадобилась бы тебе, чтобы свалить тот камень.

Мальчик проделывал это упражнение до тех пор, пока не начал пыхтеть, тяжело дыша.

— Ох, Святой Лама, — сказал он, запыхавшись. — Такие упражнения могут убить даже очень здорового человека! Я чуть не падаю в обморок от усталости.

— Мой дорогой мальчик! — с некоторым раздражением заметил Лама. — Подобные упражнения могут быть только полезны всем, кроме тех, у кого слабое сердце, или женщин, имеющих женские недомогания. Я сомневаюсь в том, что у тебя большое сердце, но твои вздохи и жалобы делают тебя похожим на старую бабу, страдающую возрастными женскими неполадками, о которых я упомянул. И поэтому продолжай делать упражнения.

Мальчик сгорбился и тяжело опустился на землю, растирая руками ступни ног. Лама, стоявший на краю каменной террасы и разглядывавший долину Лхасы, внезапно обернулся и спросил:

— Почему ты так сгорбился? Ты болен? У тебя большое горе? Ученик смутился на мгновение, а потом ответил:

— Болен? Кто болен? Я?!

Лама хмыкнул и подошел к мальчику, повторяя:

— Да, ты болен! Ты сидишь тут, как старуха, страдающая от волдырей и мозолей на ногах. Ты расселся, как баба на базарной площади, слушающая сплетни торговцев!.. Тебя беспокоят ноги? — Лама опустился на колени, осмотрел ступни ног мальчишки и затем, удовлетворенный результатом осмотра, снова поднялся.

— Вставай, мальчик! — скомандовал он. — Надо приводить в порядок твои ноги. Я подозреваю, что ты утомил их, гоняясь за той быстрой птицей или сталкивая камень, который не причинил тебе никакого вреда. Теперь твои ноги устали. Я покажу тебе, как восстановить силы.

Лама взял мальчика за плечи и поставил его прямо.

— Ну вот, — сказал он, — это облегчит циркуляцию крови. Ты должен стоять на одной ноге. Встань сперва на левую ногу. Подними правую и потряси ею на уровне лодыжки. Но не всю ногу, а нижнюю ее часть. Помни, что мы имеем дело со ступнями ног. Сохраняй всю ногу неподвижной и энергично трясись лишь частью ее от лодыжки и ниже. Тряси ею в течение трех минут, пока не ощутишь покалывания. Прделай это трижды. Это помогает, когда мерзнут ноги; после долгого пути или длительного стояния на ногах. Это поможет и тогда, когда ты будешь стараться столкнуть качающийся камень. — Лама улыбнулся и добавил: — Всегда делай это упражнение с босыми ногами. Не надевай сандалии, когда занимаешься им. Если босые ноги постоянно находятся в контакте с землей, это приносит гораздо большую пользу!

Бедный мальчик тяжело вздохнул и воскликнул:

— Ой, Святой Лама, Святой Лама, я чувствую еще большую усталость, когда стою так и делаю все эти движения! От них начинает болеть все мое тело! Неужели мне совсем нельзя отдохнуть?!

Лама усмехнулся про себя и ответил:

— Ты и в самом деле загнал себя в маленькую ловушку, не правда ли? Ты утомился, делая то, чего не нужно было делать. И ты будешь стараться избегать усталости от ненужных занятий. Теперь давай устраним усталость верхней части тела с помощью простого упражнения, которое наши китайские друзья называют *Расслабление туловища*.

— Но, Святой Лама, — уныло произнес ученик, — я думал, мы будем заниматься дыхательными упражнениями, а не этой ужасной чепухой! Лама укоризненно покачал головой:

— Мальчик, эти упражнения являются подготовкой к дыхательным. Теперь очень внимательно следи за мной, потому что это особенное упражнение. Оно больше известно

как серия из четырех упражнений. Они разработаны так, чтобы помочь шее, плечам, спине и, наконец, всему телу, начиная от того места, где голова соединяется с шеей. Прежде всего, встань так. — Он наклонился и раздвинул ноги мальчика в стороны на 24 дюйма. — Всегда держи ноги немного врозь, опусти голову так, чтобы твои мышцы не были напряжены. Теперь опущенной головой делай медленные кругообразные движения по часовой стрелке. Руки свободно повисли вниз. Голова расслабленно опущена, но при этом и плечи свободно опущены, как будто твои мускулы совсем ослабли. Прodelывай плечами вращение по часовой стрелке, голова и руки при этом по-прежнему безвольно опущены. Окончив это упражнение, повтори его против часовой стрелки.

Несчастный мальчик являл собой печальную картину страдания. К тому моменту, когда он выполнил все упражнения, мальчик действительно чувствовал себя опустошенным, но Лама вскоре снова потребовал от него внимания, говоря:

— Теперь расслабь мышцы грудной клетки и вращай верхнюю часть туловища, сначала в одну сторону, затем в другую.

Мальчик стоял со слегка расставленными ногами и выглядел таким слабым, что, казалось, существует опасность, что он сейчас упадет на землю лицом вниз. При этом его голова и плечи вращались в одном направлении, затем, медленно, в другом.

— Теперь, — сказал Лама, — расставь ноги немного шире, чтобы занять очень устойчивую позицию, затем расслабь всю верхнюю половину туловища и, изгибаясь в талии, делай широкий круг туловищем, настолько широкий, насколько можешь, чтобы не упасть. Делай по часовой стрелке этот широкий круг вплоть до опасности потерять равновесие. Продолжай выполнять круги, постепенно сужая их, пока совершенно не остановишься. Тогда начинай вращение в другую сторону, делая круги все шире и шире вплоть до момента потери равновесия. Затем обратно. Повтори все это еще раз, а после этого пусть твои плечи вращаются кругами в ту и другую сторону. Потом такими же кругами вращай головой.

— Ну, — сказал Лама, — разве теперь ты не чувствуешь себя значительно лучше?

Юный ученик осторожно взглянул на Ламу и сказал:

— Святой Лама, да, я должен признаться, что чувствую себя намного лучше после этих занятий, но я уверен, что мне будет еще лучше, если я смогу отдохнуть после них, поскольку, как Вы говорили, нам предстоит завтра долгое и утомительное путешествие, и я боюсь, что эти упражнения могут чрезмерно утомить меня!

Лама с улыбкой ответил:

— Хорошо. В таком случае мы ничего больше сейчас делать не будем, но во время нашего спуска вниз, в долину, мы будем разучивать другие упражнения, дыхательные, потому что мы путешествуем не только ради того, чтобы дойти и узнать новые места, но и для того, чтобы получить новые знания. Чем больше ты выучишь сейчас, тем меньше тебе придется учить впоследствии — до того момента, когда ты поймешь, что чем больше ты знаешь, тем больше тебе необходимо узнать еще. Но мы с тобой начнем прямо сейчас!

К юному ученику неожиданно вернулась вся его энергия, и он собрался в путь, готовый к любым приключениям, которые могли с ним случиться.

Лама вернулся на свое место на краю утеса, пристально вглядываясь в любимую долину Лхасы, где уже начинались вечерние сумерки, и удлиненные тени поползли от утеса, покрывая окружающую его землю. Тени приобретали все более глубокий пурпурный цвет, торопливо пересекая темное дно долины. Восточная часть горной гряды уже потемнела, разбросанные тут и там неясные блики слабо мерцающего света были похожи на световые выстрелы золотыми осколками из Поталы — Дома Сокровенного. Позади Железной Горы Счастливая Река сверкала, как светящийся путь в темную бездну.

Но скоро солнце зашло за горы, и тьма ночи залила все вокруг, подобно наводнению. Восточные склоны гор все глубже погружались в тени наступающей ночи. И вскоре не осталось уже ничего, кроме чернильной темноты и легкого ветерка, доносившего даже на такое расстояние запах ладана и прогорклого масла.

В тысячах футов над вершинами горной цепи можно было еще уловить на мгновение последние лучи заходящего солнца. Золотая полоса, как пламенеющий стяг, бежала вдоль кромки вершин, медленно угасая на самых высоких точках, пока и они не погрузились в ночную темноту. Время тянулось. Ночной народец приступал к своим ночным занятиям. Какая-то ночная птица звала кого-то, и спустя длительное время ей отвечали на призыв. Пищала одинокая мышь, наблюдая за возней вокруг, и писк внезапно обрывался.

Ночь продолжалась. В прохладном чистом воздухе ярко сияли звезды во всем их холодном великолепии. Из долин цвета никогда не кажутся яркими, они мерцают и мигают так, словно вовлечены в таинственную игру далеко за пределами кругозора простых смертных. Постепенно призрачное серебряное сияние подсвечивало далекий горизонт, и полная луна торжественно поднималась, заливая горы и равнины светом так, что можно было видеть все вокруг.

Мягкое свечение разлилось по всей долине, сверкая на белоснежных пиках гор и посылая искрящиеся струи света на крыши Поталы. Счастливая Река превратилась в расплавленное серебро, а воды озера, заросшего ивами, стали великолепным зеркалом. Лунный свет делался все ярче, отбрасывая тень от застывшего силуэта Ламы, сидевшего неподвижно возле куста на краю утеса. Робкий луч света проник в пещеру и осветил лежащего ничком юного ученика, спавшего сладким сном, который посещает только маленьких мальчиков.

Издали донесся грохот камнепада, последовавший за звуком глухого удара о землю от падения огромного валуна, пролежавшего сотни тысяч лет на одном месте. Послышался испуганный крик какой-то птицы, решившей, что началось землетрясение.

Ночь продолжалась. Величественная луна плыла по небу, постепенно опускаясь за кромку горной гряды. Медленно гасли звезды в нарождающемся свете нового дня. Небо окрашивалось в предрассветные цвета. Полосы света пересекали небо от горизонта до горизонта, расширялись и становились все ярче. Ночные птицы сонно каркали и искали свои дневные убежища в безопасных расщелинах гор. Ночные обитатели готовились ко сну перед наступлением нового дня.

Ночной ветер стих, и долгое время стояла полная тишина; затем легкое дуновение прилетело с другой стороны, и дневные обитатели встрепнулись. Маленький ученик внезапно сел, протер глаза и выбрался из пещеры. Новый день начался.

Утолить голод после ночи было самым простым делом. Наши трапезы носят названия завтрак, ланч, чай, обед; для тибетского священника все это одно и то же. Чай и тсампа. Грубый необработанный чай в брусках, специально изготовленный в Китае. И тсампа. Это все, никакой другой еды. Чай и тсампа дают все необходимое для поддержания здоровья и жизни.

Завтрак вскоре был готов. Лама повернулся к ученику и спросил:

— Ну, какое у нас следующее задание?

Ученик с оптимизмом посмотрел на кончик своего носа и сказал:

— Разве мы не можем отдохнуть, Досточтимый Лама? Я знаю, где есть гнездо грифа с яйцами. Мы можем понаблюдать за ним. Лама вздохнул и ответил:

— Нет, мы должны подумать о тех, кто придет после нас. Нам необходимо убрать пещеру, посыпать ее свежим песком. Мы должны снабдить ее запасом дров, потому что следующие путешественники могут нуждаться в огне, в тепле. Мы должны быть гостеприимными, необходимо помнить о дровах для гостей и сделать все для того, чтобы порадовать их.

Мальчик вышел и сонно поплелся вниз по склону, лениво пиная ногой камни, на которые он наткнулся по пути, — пока ему не попался камень, который не шатался, так как сидел глубоко в земле. Несколько минут мальчишка скакал на одной ноге, издавая дикие крики и держась за ушибленную ногу двумя руками.

Но тут его внимание привлекло перо, плавно спускавшееся прямо с неба. В

волнении от того, что он видит такое большое перо грифа, он забыл о своей ноге и погнался за падающим пером. Но, увидя, что перо уносит ветер, а выглядит оно грязным и старым, мальчик бросил свою затею и продолжил прерванный путь в поисках дров для костра.

Наконец, когда пещера была выметена пучком сухих прутьев и снабжена запасом дров для последующих путешественников, они уселись рядом на краю утеса и Лама сказал:

— Ты должен научиться правильно дышать. У тебя дыхание похоже на шум крыльев грифа на ветру. И какую же позу ты выберешь для занятий дыхательными упражнениями?

Юный ученик немедленно переключил внимание и быстро принял нарочито подчеркнутую позу лотоса. Он положил руки на колени, и на его лице появилось абсолютно деревянное, замороженное выражение, взгляд сразу изменился при попытке пристально смотреть на воображаемую точку в нескольких дюймах вверху перед ним.

Лама открыто рассмеялся и сказал:

— Нет-нет, совсем не нужно так садиться. Дыхание — естественная вещь. Ты можешь сидеть или стоять в любой удобной для тебя позе. Многие люди страдают особой формой слабоумия, когда думают о дыхательных упражнениях. Они думают, что должны принимать самые экстравагантные позы, что дыхание не может быть удовольствием. Напротив, оно всегда сопряжено со значительными усилиями. Мой мальчик, сиди или стой, как тебе удобнее. Ты можешь сидеть прямо, но — и это единственно важно — ты должен держать спину прямо, так, чтобы это тебя не беспокоило. Проще всего представить себе, что твоя спина — это подпорка, воткнутая в землю. И для тебя будет отдыхом, если ты свободно обопрешься о нее. Держи спину прямо — и ты не устанешь.

Лама уже сидел прямо, сложив руки на коленях. Он смотрел на юного ученика и повторял:

— Расслабься, расслабься, ты должен расслабиться. Тебя не подвергают мучениям, ты не служишь мишенью — ты учишься дышать. Поэтому расслабься и сядь в естественную позу с прямой спиной.

Он кивнул с одобрением, когда мальчик сел удобнее. Наконец Лама сказал:

— Это уже лучше. Намного лучше. Теперь ты должен все делать медленно, пусть воздух заполняет нижнюю часть твоих легких, как тьма приближающейся ночи заполняет сначала нижнюю часть нашей Долины. Потом дай воздуху подняться и заполнить середину и верхушки легких. Ты можешь чувствовать это. Но делай это плавно, без толчков.

Он сделал паузу, улыбнулся и продолжил:

— Когда тени ночи предвещают уход дня, они вначале стелются, ползут по земле. Затем темнота поднимается постепенно, плавно, спокойно, не изменяя скорости и без толчков. Именно так ты должен дышать. Как тени, поднимаясь, заполняют нашу Долину, так и воздух внутри тебя должен подниматься и заполнять легкие. Но когда воздух заполнит легкие — сожми ребра, представь себе, что сегодня жаркий день и одежды прилипают к телу. Сделай вид, что, расправляя ребра, сбрасываешь с себя одежду, И ты увидишь, что сможешь набрать все больше и больше воздуха.

Он проверил, правильно ли мальчик следует его указаниям, и, удовлетворившись результатом, продолжил:

— Ты должен чувствовать, как бьется твое сердце, поэтому вначале пусть воздух наполняет тебя за четыре удара сердца. Ты увидишь, что тело расширяется во время вдоха и сжимается при выдохе. Ты должен как можно медленнее поддерживать ритм расширения и сокращения.

Лама вдруг сказал резко:

— Нет, нет, малыш! Решительно нет! Ты должен держать рот закрытым во время этого упражнения. Ты что, хочешь поймать муху, или что-нибудь еще?

Мальчик с недовольным видом закрыл рот, и Лама продолжал:

— Цель этого упражнения — пропустить воздух через ноздри и позволить ему циркулировать в воздушном пространстве твоего тела, а затем выдохнуть его снова через ноздри. Когда я захочу, чтобы ты дышал ртом, я скажу тебе об этом. Но прежде всего, пока ты не наберешься опыта, ты должен тренироваться примерно пятнадцать минут, постепенно увеличивая время до тридцати минут.

Мальчик сидел и дышал, а Лама, спокойно поднимая руку, показывал правильный темп дыхания юному ученику. Наконец он произнес:

— Ну ладно, на сегодня достаточно. Нам надо заняться делами.

Он поднялся и отряхнул песок с мантии. Мальчик тоже встал, повторяя все движения ламы. Вместе они осмотрели пещеру, чтобы убедиться, что ничего не забыли. Они вышли, чтобы отправиться в путь, вниз в Долину. Перед выходом Лама расположил на земле несколько камней, чтобы отметить дорогу к пещере. Потом повернулся к мальчику и сказал:

— Пойди и пригони пони.

В угрюмом настроении ученик двинулся в путь, высматривая по дороге следы лошадей. Наконец, взобравшись на большой валун, он увидел их примерно в четверти мили от себя. Аккуратно перебираясь с камня на камень, он оказался в нескольких футах от лошадей.

Лошади переглянулись, а затем посмотрели на юного ученика. Как только он направился к пони, они пошли прочь с той же скоростью. Мальчик изменил направление и попытался забежать вперед. Обе лошадки невозмутимо пошли чуть быстрее, сохраняя прежнюю дистанцию. В конце концов малыш разгорячился и запыхался. Выражение лошадиных морд явно было похоже на циничную насмешку — мальчик был уверен в этом.

В конце концов юный ученик почувствовал, что с него довольно. Он вернулся к тому месту, где все еще оставался Лама.

— Ох, Досточтимый Лама, — сердито произнес он, — эти лошади не позволяют мне поймать их, они смеются надо мной.

Лама взглянул на огорченного малыша, и веселая улыбка чуть тронула уголки его губ.

— Так ли это? — мягко спросил он. — Давай посмотрим, обманут ли они меня.

Он не скрываясь направился прямо к лошадям и хлопнул в ладоши. Обе лошади уже снова паслись, но держались настороже. Лама снова хлопнул в ладоши и подозвал лошадей. Они посмотрели друг на друга, потом на Ламу. Переглянулись еще раз и рысцой потрусил к Ламе. Он подошел к лошадям и потрепал их по спинам, затем положил свой вьюк на спину того пони, который был побольше.

Меньший пони наблюдал за юным учеником и отходил, как только мальчик приближался. Наконец мальчик решил вскочить на лошадь с разбега, и пони побежал от него по кругу. Ламе надоел этот спорт, он что-то резко крикнул лошади, и та сразу остановилась. Мальчик очень-очень осторожно подошел, держась подальше от ее копыт, и положил свой узел ей на спину.

Лама удовлетворенно кивнул головой, вскочил на лошадь и сидел не двигаясь. Мальчик сделал фантастически большой прыжок, чтобы обмануть лошадь, но пони легонько отодвинулся, и мальчик с шумом спланировал на землю.

Лама бросился к нему и, печально вздохнув, сказал:

— Ох, дорогой мой. Это наше ежедневное развлечение, но сейчас мы спешим.

Он наклонился, поднял мальчика и бесцеремонно взвалил его на спину маленького пони.

— Поторапливайся! — скомандовал он. — Мы потратили слишком много времени. Пора двигаться, иначе мы потеряем целый день.

Лошади пошли рядышком, выбирая путь по грунту и старательно обходя валуны.

Лама ехал немного впереди. Мальчик старался держаться близко за ним. Он не был умелым в верховой езде, и никогда не будет, но он делал все, что мог, и как мог лучше.

Во время верховой езды Лама спокойно сидел в седле удобно и прямо, неутомимый и беззаботный. Мальчик на маленьком пони болтался подобно мешку с ячменем, но, в отличие от мешка, он чувствовал себя очень обиженным. Наконец, спустя три или четыре часа, Лама остановился и сказал:

— Мы отдохнем здесь немного. Ты можешь спешиться. Юный ученик просто перестал цепляться за гриву лошади и соскользнул на землю, как куль. Лошади отошли на несколько футов в сторону.

ГЛАВА 6

На самом краю долины Лхасы, там, где битая дорога круто спускается в изнемогающие от жары луга и устремляется дальше в сторону Китая, Лама и мальчик-прислужник расположились на отдых прямо на утопанной земле. В нескольких ярдах от них спутанные лошади бродили в поисках редких кустиков травы. Высоко над ними лениво кружила какая-то большая птица. Мальчик наблюдал за ней вполглаза; отвлекала боль, мучившая его всякий раз, когда приходилось ездить верхом. Сейчас он лежал на земле лицом вниз и только изредка поворачивал голову, чтобы взглянуть на парящую птицу. Вскоре дремота одолела его, и он уснул.

На другом конце света тоже отдыхали. На одном из радиозаводов западного полушария был короткий перерыв, когда рабочие собираются группами, чтобы как-то скрасить себе утомительное однообразие производственной жизни. Расти Нейлз, цеховой столяр, внезапно громко захохотал и с презрением швырнул на пол книжку в мягком голубом переплете.

— Этот парень определенно чокнутый! — воскликнул он. — Господи, сколько всякой ерунды пишут в этих книгах!

— Что с тобой, человеке? — спокойно обратился к нему Айседор Шатт, невысокого роста черноволосый еврей, поднимая с пола провинившуюся книгу.

Расти Нейлз негодуяюще сплюнул и вытер губы тыльной стороной ладони.

— А-а-а... Дурость сплошная эта книжка.

Айвен Остин, водитель грузовика, выхватил книжку из рук Айседора и прочитал заглавие.

— «Огонь свечи», автор Лобсанг Рампа. О, этот! — произнес он с отвращением, а затем спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь: — Да кто ему верит? Это же чокнутый, действительно чокнутый, и ничего больше.

— Это твое мнение! — вспыхнула телефонистка Шерли Мэй. — У тебя на что-нибудь другое и мозгов-то не хватит, болтун! — Она передернула плечами и сердито уставилась на бедного Айвена.

— Да ты... Сама тупица! — отчаянно завопил он. — Ты ведь тоже не веришь этому... этим... — он запнулся, подбирая слово, — этим испражнениям! И сам этот писака — тоже!..

В это мгновение дверь открылась, и, покачивая бедрами, вошла Кенди Хейтер, одна из машинисток.

— Почему кричит народ? — спросила она. — Сейчас я вам скажу всю правду об этих книгах. Их автор подвергался судебным преследованиям, был осужден и оклеветан продажной прессой, причем ему не дали ни малейшего шанса защитить себя. Да, той самой прессой, которую вы так любите, она и рассчитана на вас и на таких простофиль, как вы — она испепелила взглядом несчастных Расти Нейлза и Айвена Остина, — которые бездумно верят газетам. Фу!

— Да, мэм, все это правильно, — вмешался инкассатор Билл из бухгалтерии, — но вы только послушайте, что этот чужак пишет. — Он неловко взял книгу, протер очки и, обведя взглядом присутствующих, стал читать: — «Огонь свечи», автор Лобсанг Рампа, страница 23. Последний абзац: «Вполне возможно сделать устройство, которое позволяет связаться по телефону с астральным миром. И оно действительно было сделано...» — Билл замолк, и в наступившей тишине снова раздался голос Айвена Остина:

— Вот я и говорю: чокнутый! Он, когда писал это, видать, хорошо накачался наркотиком!

Начальник исследовательского отдела Эрнест Трумен поджал губы. Затем он поднялся на ноги и направился в свой кабинет. Он вернулся очень быстро с раскрытым журналом в руках.

— Я тоже присоединяюсь к дискуссии, — сказал он. — Послушайте, я вам прочитаю несколько отрывков из самого влиятельного английского журнала.

Он замолк и стал искать нужное место на странице. В это время дверь снова открылась, и вошел Р. У. Крисп, управляющий производством.

— Что происходит? — резко спросил он. — Вы что, думаете, что я плачу вам за воспитательные беседы? Ну-ка, за работу! Да пошевеливайтесь же!

— Господин Крисп, сэр, — сказал Эрнест Трумен. — Одну минутку, сэр, ради технического прогресса, который нам еще пригодится! Позвольте мне прочитать всем присутствующим, *и вам*, несколько абзацев.

Р. У. Крисп помедлил секунду, затем принял *решительное* решение :

— Хорошо, — сказал он. — Я знаю, как искренне вы озабочены нашим образованием. Поэтому позовите мою секретаршу Элис Мэй Клинг, и пусть она составит стенографический отчет обо всем этом.

Секретарша Клинг прибежала вместе с буфетчицей Шерри Уайнз. Выступление Эрнеста Трумена было встречено восхищенным вниманием; в конце концов, им *заплатят* за это время, так почему бы не послушать — это гораздо легче, чем сборка радиоузлов.

— Много клеветы и недоверия пришлось выдержать писателю Рампе за то, что он осмелился вторгнуться со своими предположениями в сферу компетенции науки, — торжественно заговорил Эрнест Трумен. — Он стал объектом всеобщих насмешек из-за своих гипотез и утверждений. А сейчас, — он потряс журналом, — знаменитейший британский радиожурнал *Wireless World* в июньском номере за 1971 год на 312 странице опубликовал на эту тему статью под заглавием «Электронная связь с мертвыми?». Я прочту вам отрывки из нее, но при желании вы можете сами прочитать всю статью.

Он остановился, посмотрел поверх очков, вытер нос и прочистил горло, после чего принялся читать:

*

«Комментарии *Свободной Сети* о видоизмененных у-волнах (см. стр. 212 в апрельском выпуске) напомнили мне один странный случай, который произошел со мной несколько лет тому назад и которому я так и не смог найти какого-либо рационального объяснения. Мне было тогда около четырнадцати лет. Как-то я нашел на чердаке старый радиоприемник; насколько я мог судить, в 20-е годы он был известен как модель *Det-2-Lf*.

Я привел в порядок этот музейный экспонат и заинтересовался его возможностями относительно дальнего приема. Во время летних каникул я стал выставлять будильник на два часа ночи и, надев на голову наушники, искал американские станции.

Тут-то и началось самое любопытное. Дважды или трижды на протяжении нескольких недель, в те моменты, когда я выводил антенную катушку, чтобы перестроить длину волны (то есть когда антенная цепь практически была разомкнута), тишину вдруг разрывал хриплый голос. Это, несомненно, была человеческая речь, всего несколько слов, но настолько искаженных, что понять их

было невозможно. Всего несколько слов каждый раз — хотя я, помню, часами дожидался, надеясь услышать что-нибудь еще, но безуспешно. Большинство европейских станций к тому времени давно молчали, и ни мощных коммерческих передатчиков, ни радиолюбителей-операторов в регионе не было.

Я почти забыл об этом, но гипотезы Свободной Сети заставили меня все вспомнить. И тут, по странной случайности, в руки мне попала только что вышедшая книга, которая называлась «Прорыв» и которую я настоятельно рекомендую вашему вниманию. Автор утверждает, что если обычный бытовой магнитофон включить на запись, но ничего не подавать на его вход, то при воспроизведении можно обнаружить записанные на ленте голоса покойников. То, что написано дальше, гораздо сильнее, чем рассказы о спиритизме; в таких случаях яростные «за» и «против» сыплются градом. Если вы «против» и уже бормочете «Ну, вот еще одно мумбо-юмбо о вибрациях и эктоплазме», то лучше придержите свои эмоции и потерпите меня еще несколько минут.

Лично я пока не принял ни ту, ни другую сторону. Я знаю лишь то, что я прочитал. Автор, д-р Родайв, не является специалистом по электронике, но он вроде бы записал около 72 000 этих голосов; избранные образцы были переписаны на граммофонные пластинки, которые поступили в продажу. Для нас особенно интересно то обстоятельство, что он пригласил высказать независимое мнение ряд опытных физиков и электронщиков, и все они подтвердили, что голоса действительно появляются на пленке, хотя нет уверенности в том, что это голоса покойников. Никто не может предложить теории, которая позволила бы согласовать это явление с известными законами природы. Инженеры-электронщики изучали это загадочное появление голосов на собственной аппаратуре и анализировали их с помощью своих специальных устройств (в этой книге приводятся диаграммы), значительно усовершенствовав прибор Родайва. В ходе этих работ возникла идея продолжить опыты, используя видеопленку.

Что касается конечных результатов, то они описаны как «голоса, которые идентифицируют сами себя, называют наши имена, говорят нам такие вещи, которые имеют смысл (иногда этот смысл загадочен); это голоса не акустического происхождения, а имена, которые они сообщают, принадлежат людям, о которых известно, что они покинули этот мир. Голоса записаны на пленке, которую может прослушать каждый желающий. Физики не могут дать объяснения этому феномену, так же бессильны и психологи. Научные эксперименты (например, в фарадеевской клетке) показали, что эти голоса не исходят от экспериментатора и не связаны с аутоуггестией или телепатией. Феномен исследовали филологи; они установили, что, хотя голоса слышимы и разборчивы, *они образованы не с помощью акустических средств: по сравнению с человеческой речью их скорость вдвое выше, а кроме того, они обладают специфическим ритмом, одинаковым у всех 72 000 голосов, исследованных на сегодняшний день*». (Курсив мой.)

Построение предложений носит несколько телеграфный характер; если экспериментатор — полиглот, то и эти предложения содержат слова из различных языков, например одно слово может быть шведское, следующее немецкое, затем английское и т. д. Как и в обычных обращениях, идущих от знакомых нам психических источников, по произношению можно узнать родных и друзей (которых уже нет в живых).

Искренность книги не вызывает сомнений. Около ста страниц приложений содержат много технических подробностей, касающихся экспериментальной аппаратуры, а также гипотезы относительно причин этого явления. Привлечены теории относительности и антивещества.

Одно несомненно: проблема происхождения «голосов» настоятельно требует дальнейшего изучения. Как и вы, я понимаю, что все описанное кажется

невозможным. Как может появиться сигнал, если микрофон не работает? Но не забывайте, что в 1901 году прохождение радиоволн через Атлантику было теоретически невозможным — потому что никто не знал о существовании ионосферы. С таким же успехом мы можем и сегодня ничего не знать о многих явлениях в электронике».

*

Эрнест Трумен закончил чтение. Он не спеша закрыл журнал, снял очки и вытер лоб большим белым платком. Водрузив снова очки на нос, он оглядел аудиторию, проверяя, какой эффект произвело его сообщение.

Несколько мгновений он видел только ошеломленные лица. Айвен Остин стоял, открыв рот. Элис Мэй Клинг крепко держалась за локоть своей подруги. Расти Нейлз испустил глубочайший вздох и пробормотал: «Чертовщина...» Эва Брик, упаковщица радиоламп, обернулась к своему приятелю Айви Коурду, понимающе улыбаясь: «Вот видишь, Лобсанг Рампа прав и на этот раз, и я очень рада!»

Но последнее слово осталось за Р. У. Крипом:

— Ну, а теперь за работу, поразвлекались и хватит. За работу! Все это *влетает в копеечку*.

По одному, по двое все стали расходиться — как можно медленнее — по своим местам, обсуждая — как можно быстрее — все услышанное.

*

На краю долины Лхаса, там, где битая дорога сбегает вниз к лугам, отдых тоже закончился. Лама с мальчиком поднялись на ноги и готовились продолжить путь на своих недовольных лошадках.

И снова пони не давались мальчишке, словно дразня его: подпускали так близко, что, казалось, достаточно руку протянуть и схватить уздечку, но в последнее мгновение шарахались и ускользали от самых отчаянных его бросков. Наконец Лама ступил несколько шагов вперед, и животные сами подошли к нему, послушно наклонив головы. И снова Лама и мальчик сели на них и, держась за свои котомки, стали спускаться вниз по дороге.

Лама ехал впереди. Мальчик держался ярдах в пятидесяти за ним, радуясь, что его пони идет за своим собратом, хотя седока почти не слушается. Но вот дорога заплеталась между громадными, как храмы, утесами, под выступами обрывистых скал. Постепенно они приближались к Счастливой Реке. Здесь она называлась *Ялузангбуджуанг*, но после выхода из Тибета и крутого поворота под горами она становится могучей Брахмапутрой; набираясь все больше воды и силы, она приближается к Бенгальскому заливу и становится одной из крупнейших рек Индии.

А пока что это была просто счастливая речка: три источника из Тибета питали ее, соединяясь как раз возле Лхасы, а дальше, вдоль долины Лхасы, в нее впадало множество небольших речушек. Неисчислимы источники били из земли у подножья Железной Горы, а также у подножья Поталы, образуя целое Озеро Змеиного Храма, Ивовый Пруд и ступеньки, ниже которых вода медленно стекала в Счастливую Реку. Еще дальше, за пределами долины Лхасы, река становилась шире и мощнее.

Лама и мальчик продолжали путешествие. Они ехали уже три дня, возможно четыре, — трудно считать дни в стране, где время не имеет значения, где нет никаких часов и будильников, только Солнце на небе да фазы Луны отмечают дни и месяцы.

Они спускались с высокогорных плато все ниже к долинам, где растут огромных размеров рододендроны, цветение которых сливается в сплошную пламенеющую массу, и каждый цветок размером с капустный кочан, и сами деревья достигают двадцати пяти — тридцати футов высоты. Здесь произрастает множество других растений и деревьев. Воздух насыщен туманом и жаркими испарениями: он заключен в этой расщелине, как в каменной ловушке. С левой стороны — скалистый склон, а с правой — стремительная река, она яростно рычит, хрипит и воет, несетя вдоль русла и низвергается через

гранитную губу в глубокий пенный котлован, рыча и булькая.

Время от времени Ламе и мальчику приходилось перебираться с одного берега реки на другой по ненадежным, хлипким бревенчатым мосткам, подвешенным на лианах или побегах ползучих растений; эти побеги обладают гибкостью каната и прочностью материнского дерева. Каждый раз лошадям завязывали глаза и осторожно переводили через мост, иначе ни одна лошадь или пони близко не подойдет к подобному сомнительному сооружению.

Идя по мосту, юный послушник уныло потирал свой измученный зад.

— О Досточтимый Лама, — воскликнул он, — теперь я понял, почему у торговцев, которые постоянно ездят в Индию, такая особенная походка!

И вот, спустя три или четыре дня, когда у них кончились запасы ячменя и уже давал себя знать голод, их взору предстал небольшой ламаистский монастырь, уютно расположенный далеко внизу в долине. Немного выше река переваливалась через неровный скалистый порог и, обогнув монастырь, продолжала свой нескончаемый бег к Бенгальскому заливу.

Перед монастырем собралось пятьдесят-шестьдесят монахов; прикрывая глаза ладонями от солнца, они смотрели вверх. Наконец, когда Высокий Лама показался в их поле зрения, улыбки приветствия засверкали на лицах, а настоятель монастыря с радостным криком бросился навстречу путникам. Монахи подхватили поводья лошадей и помогли Ламе и мальчику спешиться.

Теперь мальчик воспрянул духом и почувствовал себя героем. Разве он не один из послушников Поталы в Священной Лхасе? Разве он не избранный из избранных? Разве не он сопровождает Великого Преподобного Ламу, приехавшего, чтобы дать наставления этому монастырю? А раз так, то, *конечно же*, он достоин наивысшего уважения. Он достоин уважения, приличествующего по меньшей мере младшему ламе. И мальчишка охорашивался, гордо поглядывая вокруг, а потом внезапно вспомнил, что он голоден.

Настоятель что-то горячо говорил Ламе: ведь это был Лама из самого главного центра ламаистской мудрости. Затем все сразу, словно по сигналу, направились внутрь монастыря, где уже был подан горячий чай и тсампа. Мальчик сделал большой глоток чаю — и ему показалось, что наступил конец света; он так закашлялся, что брызги полетели по всей трапезной.

— О Святой Лама! — воскликнул он в ужасе. — Помогите, помогите мне!

Лама бросился к нему и стал успокаивать:

— Не бойся, ничего страшного не случилось. Вспомни, ведь мы спустились в низины, и здесь горячий чай горячее, чем в горах. Я же тебе рассказывал, что точка кипения воды в Лхасе намного ниже, чем здесь. Тебе нужно подождать и не пить так быстро. Ну вот, уже можно, температура достаточно понизилась.

Улыбаясь, он вернулся к разговору с настоятелем и несколькими местными ламами. Мальчик, чувствуя себя немного пристыженным, снова взял чашку и на *этот*: раз отхлебнул немного и очень осторожно. Да, чай, конечно, был горяч, горячее, чем ему когда-либо приходилось пробовать, но зато до чего же вкусный. А потом он приступил к тсампе, и она тоже оказалась горячей: это была первая горячая тсампа в его жизни.

Затрубили трубы, послышался звук раковин; клубы благовоний выходили из дверей храма, и рядом зазвучали низкие голоса лам. Монахи и ламы начинали вечернюю службу, на которой должны присутствовать также Высокий Лама и его маленький помощник.

Много разговоров было в этот вечер. Говорили о делах в Лхасе, пересказывали слухи, принесенные торговцами из Индии. Говорили монахи и ламы, позже к беседам подключились и послушники. Передавались рассказы работников чайных плантаций в Ассаме, рассказы торговцев из Бхутана и, конечно, неизбежные разговоры о китайцах — об их низости и мошенничестве, об угрозе их вторжения в ближайшие годы. Разговорам не было конца. В этой местности солнце заходит рано, и вот уже глубокий мрак окутал

всю долину.

Здесь ночью непривычно шумно. Птиц и животных несравненно больше, чем в окрестностях Лхасы. Маленькому послушнику было трудно дышать — воздух в низинной местности казался ему слишком густым и влажным. Он как будто тонул в этом воздухе. Мальчик бродил по территории монастыря, не в силах заставить себя спать в душной монашеской спальне.

Прохладный ночной ветерок приносил запахи цветов. Раздавались крики животных, по темному небу проносились еще более темные тени ночных птиц. Слева Счастливая Река перекачивалась через край скалы и с пеной и брызгами летела вниз и неслась дальше к морю, взбивая песок и переворачивая камни. Мальчик сидел на утесе рядом с водопадом и думал обо всем, что с ним произошло. Он думал о своей жизни в Чакпори, думал о своей жизни в Потале, и вот завтра, думал он дальше, он будет слушать лекции своего любимого Ламы по дыханию.

Внезапно небо стало еще темнее, поднялся холодный ветер, а так как воздух был влажным, то ветер, казалось, пронизывал до костей. Дрожая от холода, мальчик поднялся на ноги и отправился в помещение спать.

Рассвет занимался намного медленнее; крошечный монастырь надежно спрятался в глубокой долине, со всех сторон окруженной крутыми скалами с густой субтропической растительностью (вся долина с закрытым в ней воздухом легко прогревается), и солнечные лучи достигали монастыря поздно утром, с трудом разгоняя темноту и туман.

Высоко над головой чистое прозрачное небо сияло светом нового дня. Уже не было ни ярких звезд, ни луны; всюду царил день. Но юный послушник чувствовал себя в этой долине подавленным, ему казалось, что он задыхается, тонет в воздухе, как и вчера. Он поднялся и вышел из спальни во двор; все казалось ему серым. Серость сочилась из дымки и тумана, серость пропитывала даже водопад — там не было видно танцующих радуг среди водяной пыли.

Мальчик почувствовал глубокое одиночество среди спящего мира. Он подумал о том, до чего же ленивы они все в этой тихой религиозной заводи. Он подошел к водопаду и уселся на берегу. Там он размышлял о некоторых вещах, которым научился в Потале и Чакпори, он думал также о недавно изученных приемах дыхания. Думал он и о том, что сегодня узнает много нового о дыхании, а затем решил выполнить некоторые дыхательные упражнения.

Он сидел прямо, вытянувшись в струнку, и глубоко вдыхал и глубоко выдыхал. Глубоко вдыхал, глубоко выдыхал. Он делал это старательно, очень старательно. Неожиданно у него возникло странное ощущение, ему показалось, что он отделяется от своего тела. Опомившись, он обнаружил, что лежит на земле, а Высокий Лама склонился над ним.

— Мальчик, — услышал он голос Ламы, — ты забыл то, что я тебе говорил? Здесь ведь воздух гуще, чем там, где ты привык. Ты очень старательно работал и опьянел от избытка кислорода, понимаешь?

Он брызнул водой на лицо и бритую голову своего маленького помощника, и тот вскочил в ужасе: теперь придется сушиться!

— Я ведь предупреждал тебя, — продолжал Лама, — что с глубоким дыханием можно и перестараться, особенно вначале. Даже когда оно вроде бы благотворно, не теряй меру. Ты делал это упражнение в густом воздухе, и действительно делал его очень старательно, я наблюдал за тобой из окна. Твои легкие работали, как кузнечные мехи! Ну, ничего, я прибежал как раз вовремя, не то ты свалился бы в ущелье, и кто бы тогда забавлял моих лошадок? Вставай, вставай, пора возвращаться в монастырь.

Лама подал мальчику руку и помог ему подняться; вместе они направились к монастырю. При виде стола, где уже стоял чай и свежая тсампа, мальчик почувствовал огромное облегчение. Еще больше обрадовали его лежавшие на столе фрукты, которых он никогда раньше не видел.

— О, у нас нет ничего подобного в Лхасе! — обратился он к другому мальчику, сидевшему рядом. — У нас дают только чай и тсампу, вот и все.

— Да, здесь у нас неплохо, — самодовольно улыбаясь, отвечал тот. — Крестьяне платят за наши услуги. Одно-два благословения — и они несут нам какие-нибудь фрукты или овощи. Вот и передышка от этой бесконечной тсампы. Лично я ни за что не хотел бы жить в Лхасе, здесь условия намного легче.

Они сели скрестив ноги на пол перед маленькими столиками, взяли свои чашки и наполнили их чаем и тсампой. На некоторое время все замолкли, лишь откуда-то сверху раздавался голос, читающий Священные Тексты; считается, что монахам не подобает уделять слишком большое внимание еде.

— Ты осторожно с этими фруктами, — прошептал мальчик, с которым раньше разговаривал юный послушник. — Если съешь их стишком много, могут быть последствия...

— Ой, — не на шутку встревожился послушник, — а я съел уже пять штук. И как только ты сказал об этом, у меня что-то началось в животе!

Мальчик, предупредивший его, рассмеялся и взял себе еще один фрукт.

Наконец трапеза окончилась; прекратилось и чтение Текстов. Настоятель поднялся и сообщил, что Великий и Досточтимый Лама из Лхасы, из святыни святынь Поталы, приехал специально для того, чтобы прочитать лекцию о дыхании и о здоровье, а после лекции каждый, у кого есть проблемы со здоровьем, приглашается обсудить их с Ламой из Лхасы. Все вышли из трапезной и направились к храму, где помещение было больше.

Лама предложил всем садиться поудобнее. Мальчишек посадили впереди, за ними расположились молодые монахи, а еще дальше — ламы. Все уселись аккуратными рядами.

Сначала Лама изложил основные правила, а затем сказал:

— Я еще раз должен подчеркнуть, что вам вовсе не обязательно сидеть в позе лотоса или в какой-либо другой позе, если она для вас неудобна. В любое время вам следует сидеть удобно, лишь бы ваш позвоночник был выпрямлен — только в этом случае вы извлечете максимальную пользу из упражнений. Помните также, что днем нужно сидеть, положив руки ладонями кверху, чтобы впитывать благотворное воздействие солнца, а после захода солнца ваши ладони во время этих упражнений должны быть обращены к земле, потому что в это время вы находитесь под воздействием луны.

Теперь давайте повторим нахождение пульса. Положите пальцы на левое запястье, так, чтобы вы могли считать свой пульс и, следовательно, могли определять длительность вдоха и выдоха. Обычно в среднем бывает: один, два, три, четыре (вдох), один, два, три, четыре (выдох). Проговорите это вслух шесть-семь раз и постарайтесь хорошо запомнить темп, так, чтобы вы могли контролировать свой пульс и тогда, когда не ощущаете его непосредственно. Потребуется несколько дней практики, после чего вы убедитесь, что можете вести счет собственного пульса по выбраниям внутри вашего тела, и для этого вовсе не нужно держаться за пульс.

— Прежде всего, вы всегда должны вдыхать, конечно, только с закрытым ртом. На четыре счета вы глубоко вдыхаете. Жизненно важно, чтобы вдох был совершенно плавным, без каких-либо толчков и неровностей. Итак, новички начинают вдыхать на четыре счета, и это нелегко: они должны вдыхать плавно и в то же время мысленно считать до четырех. Когда вы досчитаете до четырех, ваши легкие должны быть наполнены воздухом, и тогда вы снова начинаете счет, и в течение четырех ударов пульса выдыхаете. После нескольких дней тренировки вы сможете увеличить продолжительность вдоха и выдоха: возможно, вы будете вести счет до шести или восьми. Но никогда не делайте это через силу, все упражнения должны соответствовать вашим возможностям.

Лама внимательно оглядел зал. Все мальчишки, монахи и ламы сидели на полу, повернув кверху ладони, и каждый из них дышал в собственном ритме. Лама кивком выразил удовлетворение и поднял руку, давая знак закончить упражнение.

— Приступим к следующей ступени, — сказал он. — Теперь мы будем делать точно то же, но с той разницей, что после вдоха вы задержите дыхание. Итак, начинаем вдох на четыре удара сердца. Затем вы задерживаете этот вдох еще на два удара, после чего выдыхаете снова на четыре удара. Целью этого дыхания, именно этой комбинации вдох-задержка-выдох, является очищение крови. При этом улучшается также состояние желудка и печени. При точном выполнении этих упражнений укрепляется нервная система. Помните, что за основу мы взяли счет четыре-два-четыре. Но это средние цифры, вы не должны подчиняться им рабски. Ваш средний ритм вполне может составлять шесть-три-шесть или пять-три-пять. Он должен в точности соответствовать вашему состоянию и не вызывать никаких напряжений.

Он замолк и стал наблюдать, как все вдыхают, задерживают дыхание, выдыхают. Десять вдохов и выдохов, двадцать, двадцать пять. Снова кивнув удовлетворенно, он поднял руку.

— Теперь освоим следующую ступень. Я вижу у многих, особенно у молодежи, плохую осанку. Вы, ребята, просто болтаетесь. И это — причина плохого здоровья. Вы должны научиться ходить в такт с вашим сердцем и вашим дыханием. Сейчас мы этим займемся. Прежде всего станьте ровно; никаких наклонов, никаких шатаний, ноги вместе, позвоночник выпрямлен. Выдохните весь воздух из легких, до последней молекулы. И начинайте ходьбу. И одновременно начинайте настоящий глубокий вдох. Не имеет значения, с какой ноги вы начинаете ходьбу, но дыхание действительно должно быть глубоким. Медленный, ритмичный шаг совпадает с ударами вашего сердца. Так вы делаете четыре шага. А затем еще четыре шага — четыре удара сердца — и одновременно выдох. Прodelайте шесть раз подряд такой четырехкратный цикл, не забывая главного: ваше дыхание должно быть совершенно плавным. Втягивайте воздух настолько равномерно, насколько это вам удастся; толчки от шагов никак не должны нарушать плавность вдоха и выдоха.

Высокий Лама из Лхасы с трудом сдерживал улыбку, наблюдая, с каким важным видом расхаживают мальчишки, монахи и ламы, как старательно выполняют они дыхательные упражнения. Довольный их успехами, он продолжал:

— Я хочу вам напомнить, что существует много систем дыхания, и мы с вами должны научиться дышать таким образом, чтобы при этом выполнялась определенная задача. Дело в том, что дыхание не просто наполняет наши легкие воздухом. Правильное дыхание очищает и тонизирует органы нашего тела. Дыхательные упражнения, которые я показал вам, известны как система полного дыхания. Занятия по этой системе очищают кровь, улучшают работу желудка и других органов. А еще такое дыхание помогает избавиться от простуд.

Он остановился, посмотрел по очереди на некоторых юношей, шмыгавших простуженными носами, и заговорил снова:

— Здесь, в долинах Тибета, насморки привычны и кажутся неизбежными. Практикуя систему правильного дыхания, которую я вам предложил, вы избавитесь от простуд. А сейчас я покажу вам еще одну систему, когда дыхание задерживается дольше, чем обычно. Садитесь, пожалуйста, таким образом, чтобы позвоночник был выпрямлен, но все тело расслаблено.

Он подождал, пока все снова сели удобно, расправили мантии и положили руки ладонями кверху, после чего сказал:

— Сначала вы совершаете полное дыхание, как это мы с вами делали только что. А затем вы задерживаете дыхание так долго, как сможете, но без напряжения. И в конце выдыхаете через открытый рот, и делаете это так энергично, словно воздух вам отравителен; вы просто выстреливаете его из себя изо всей силы.

Итак, давайте продelaем все это с начала: начинаем вдох на четыре удара сердца; теперь задерживаем весь воздух, сколько можем, но не допускаем неприятных ощущений; и, наконец, резко, как можно энергичнее выдыхаем воздух через открытый рот. После

нескольких занятий таким дыханием вы почувствуете явное улучшение здоровья.

На этом мальчики, монахи и ламы закончили утреннюю дыхательную гимнастику. К радости маленького послушника, уроков больше не было, и его вместе с другими мальчишками отпустили гулять на свежем воздухе. Солнце уже разогнало остатки темноты и светило прямо в долину; из-за этого, к сожалению, быстро нарастала жара. Воздух звенел от насекомых, к которым мальчик не был привычен; бедняга то и дело подпрыгивал, когда они находили самые уязвимые места в его анатомии.

ГЛАВА 7

Леди Сент Джон де Тоф-Наус из Хельзапоппин Холла восседала в благородном одиночестве во главе огромного стола в своей гостиной. Она задумчиво ковыряла тоненький ломтик поджаренного ржаного хлеба, лежавший перед ней. Она изящно поднесла чашку к красиво очерченным губам, а затем, повинувшись какому-то импульсу, снова поставила ее на блюдце и поспешила к богато украшенному письменному столу. Взяв лист бумаги с гербом знаменитого норманнского предка (а звали его Гиллеме!), с изображением грозной кукушки с белым пятном на голове (он был немного безумен и всегда шел напролом)*, она принялась писать ручкой, взятой у слуги герцога Веллингтона, который, в свою очередь, стащил ее из таверны на Флит-Стрит.

* Игра слов: «cuckoo» (англ.) означает «кукушка» и «безумный», а «bald-headed» имеет два значения: «белое пятно на лбу животного» и «идти напролом». — *Прим. перев.*

«Итак, вы — автор «Третьего глаза», — написала она. — Я хотела бы увидеться с вами. Давайте встретимся в моем клубе. Позаботьтесь о том, чтобы на вас была цивилизованная одежда европейца. Я не могу забывать о своем общественном положении...»

Берти Е. Катзем, один из известнейших хирургов Англии, член многих научных обществ, Свой человек и ТАМ, и СЯМ, *bon vivant*, завсегдатай клубов и защитник Привилегий для Привилегированных классов, сидел в своем офисе, подперев голову рукой. После глубокого размышления он наконец схватил лист бумаги со скромно выполненной монограммой и начал писать.

«Только что прочитал «Третий глаз», — написал он. — Я знаю, что все, написанное вами, — правда. Мой сын обладает заметными оккультными способностями, и ему известно из других источников, что вы написали правду. Я хотел бы встретиться с вами, но ПРОШУ ВАС, возвратите это письмо, иначе мои коллеги будут смеяться надо мной...»

Преуспевающий калифорнийский кинопроизводитель сидел в своем великолепном офисе в окружении почти обнаженного гарема. Имя Сильвы Скрин знает сегодня каждая домохозяйка. Много лет назад он приехал в Штаты из Греции. Останься он в Греции, было бы ему невесело: полиция уже собиралась *охладить* попавшегося на *горячем* взяточника. Итак, он сбежал в Америку и ступил на землю Сан-Франциско в дырявых штанах и со стоптанными подметками. Душевное его состояние тоже было не из лучших.

Сильва Скрин, теперь большой человек, сидел в своем офисе и пытался написать письмо, не прибегая к помощи секретаря, чтобы его напечатать. Тщетно сидел он, вертя в руках ручку из цельного золота, усыпанную бриллиантами и с огромным рубином на кончике. Лицо его исказилось, он что-то бормотал на своем ломаном, мало того, БЕССВЯЗНОМ английском. Наконец беспокойство стало болезненным, он потянулся за листом разукрашенной бумаги и принялся писать.

Письмо требовало присутствия Автора «Третьего глаза» в Америке, чтобы Великий греческий бог серебряного экрана мог поговорить о своей удаче и, возможно, ее

увеличить. Он вложил деньги на авиаперелет в Америку. Испытывая чрезвычайную боль, он выписал чек и вложил его в конверт. Любимчик-секретарь побежал отправлять послание.

Сильва Скрин сидел в своем офисе, что-то обдумывая. Вдруг резкой болью пронзила его мысль о чековой книжке. «Что я наделал? — воскликнул он. — Ушли мои денежки! Совсем одурел, но ничего, сейчас я исправлюсь». Он приподнял отвисший живот, возложив его на шикарного вида стол, и быстро позвал секретаря. «Автору «Третьего глаза», — продиктовал он. — У вас мои деньги. Вы мне не нужны. Мне нужны мои деньги. И если вы их сразу же не возвратите, я сообщу в прессу, что вы взяли мои деньги, а потому отправьте-ка их по-быстрому, ладно?»

Служащий понесся ускорять отправку Послания к Автору. Наконец, спустя долгое время, — ведь почта работает так медленно — грек Сильва Скрин может опять держать в своих жирных руках возвращенные деньги.

В далеком Уругвае Автор многих книг получил письмо из Сиэтла, США.

«Мне сказали, что вы хотите возвратиться в Северную Америку, — говорилось в этом письме от очень богатого человека, — но что у вас нет денег на перелет. У меня есть к вам очень хорошее предложение. Я оплачу ваш перелет в Сиэтл и буду содержать до конца ваших дней. Вам будет предоставлена комната и стол. Думаю, вы не будете рассчитывать на обилие одежд. Взамен вы должны передать мне все, что имеете, и все права на ваши книги. Тогда я буду торговать вашими книгами и принимать ваши почести взамен на то, что буду содержать вас».

Автор произнес такое слово об этом лице, и с такой интонацией, что приводить это здесь, пожалуй, не стоит.

Дверь задрожала от грозного стука. Стук повторился, так как дверь не была открыта немедленно. «Я туда пришла? — произнес хриплый грубый голос. — Я пришла увидеть Ламу. Слышь, дай-ка мне пройти?» Шум голосов усиливался, и на их фоне выделялся один: «Майн фройнд, она сказала, ты пойдешь, вот что она сказала. Она сказала пойти встретиться с Ламой, так она сказала. Под вашей дверью я хочу жить и здесь умру. Вы сказали ему, что Виллемина Черман здесь, или нет?»

Полночь в Монреале. Огни небоскребов Драпос Дрим отражаются в недвижимой воде порта. Ставшие на якорь суда безмятежно покоятся на водах, ожидая наступления следующего дня. По левую руку, там, где Уиндмилл Бэзин предоставляет места стоянки для буксиров, по воде прошли волны от маленькой лодки, поплывшей встречать запоздалое грузовое судно. Вращающийся маяк на крыше самого большого небоскреба ощупывал светящимися пальцами ночное небо. Реактивный самолет прогудел над городом, вырвавшись из хватки Международного аэропорта.

Полночь в Монреале. Дом погружен в сон. Настойчивый звонок в дверь взрывает сонное царство. Быстро натягивается одежда, открывается дверь. Только жестокая необходимость может заставить человека звонить в столь поздний час, не так ли? «Рампа?» — спросил резкий голос на канадском французском. — Доктор Рампа здесь живет?» Двое мужчин протолкнулись внутрь и стояли, осматриваясь по сторонам. «Полиция. Бригада по поимке мошенников», — сказал один из них наконец.

«Кто такой этот Рампа? Чем он занимается? Где он?» — спросил второй. Вопросы, вопросы, вопросы. Но затем ответный вопрос. «Что вам нужно? Зачем вы сюда пришли?» Двое полисменов тупо посмотрели друг на друга. Старший из них, не спрашивая разрешения, шагнул к телефону и набрал номер. Похожий на перестрелку разговор на канадской версии французского языка. Наконец старший положил трубку и сказал: «Нам сказали приехать сюда, сообщили по телефону в машину. Зачем — не сказали. Теперь начальник говорит, что ему позвонил человек из Алабамы и попросил сказать доктору Рампа, чтобы он позвонил ему НЕМЕДЛЕННО. Это срочно. Сделайте это СЕЙЧАС ЖЕ!»

Двое полицейских стояли и смущенно смотрели друг на друга. Они переминались с ноги на ногу. Наконец старший сказал: «Мы уходим, а вы немедленно звоните, ясно?»

Они развернулись и вышли из комнаты. Вскоре послышался шум отъезжающей машины, разгоняющейся до скорости, много превышающей допустимый предел. Зазвонил телефон. «Говорит заведующий полицейским участком. ВЫ УЖЕ ПОЗВОНИЛИ??? Человек сказал, что это очень срочно, вопрос жизни и смерти». Нажим на сброс, и звонок прерван.

Письмо пришло вместе с семьюдесятью другими. Розовато-лиловый конверт с убийственными цветами по всей длине. Развернутое письмо — на бумаге того же ужасного цвета, еще более подчеркнутого выющимися по краям веночками. «Бог — это любовь!» — гласил лозунг наверху. Автор поморщил нос от зловония, исходящего от бумаги. Использованный «аромат» происходит, верно, от какого-то больного мерзавца, умершего от переедания, подумал Автор. В письме говорилось:

«Я — Тетушка Макассар, я Определяю Фортуны и Делаю Много Добра. (Пять баксов за ответ на вопрос о судьбе или же Подношение во имя Любви по солиднее.) Я прочитала ваши книги и хочу, чтобы вы стали моим наставником. Это придаст СИЛУ добра моей рекламе. Пошлите мне письмо с вашим согласием, только побыстрее, потому что я хочу использовать его в рекламе».

«Рампа превратился в коммерсанта! — завизжало другое письмо. — Я знаю, что вы мошенник, потому что вы ведете бизнес и делаете деньги».

Несчастный Автор откинулся назад, пытаясь понять это утверждение: имеется ли в виду, что все люди, занимающиеся бизнесом, — мошенники? Или что-то еще? «Ладно, — решил он, — я постараюсь прояснить это в своей следующей книге».

Леди и джентльмены, дети, а также коты и собаки всех мастей. Послушайте это утверждение, объявление и заявление. Я, Тьюзди Лобсанг Рампа, используя свое собственное, законное и единственное имя, утверждаю следующее: «У меня НЕТ интересов по ведению бизнеса. Я не занимаюсь никаким бизнесом кроме того, который веду как Автор. Я НЕ одобряю никаких восхвалений, не одобряю создания компании «Заказы — почтой» или записок с вопросами. Некоторые люди используют такие имена, как «Третий глаз», но я написал книгу с таким названием, а не открывал компанию «Заказы — почтой». Этого я НЕ одобряю».

Леди и джентльмены, дети, а также коты и собаки всех мастей. У меня нет учеников, студентов, представителей, последователей, интересов в бизнесе, единственные мои агенты — мои КНИГИ. Я не написал также никаких книг, «которые издатели отказались опубликовать, потому что в них излагалось запрещенное знание». Возможно, кто-то пытается заставить вас расстаться с частью ваших тяжелым трудом заработанных денег (к сожалению, я НЕ МОГУ этого сделать); тогда помните, что вы предупреждены... мною.

Автор откинулся назад и задумался над тем, как трудно быть автором. «Вы не должны использовать слово «ничтожество», — пишет один. — Это Плохое Слово!» «Вы не должны писать «я», — пишет второй. — Это заставляет читателей слишком тесно связывать себя с вами. Это ПЛОХО!» «Вам не следует называть себя «стариком», это расстраивает меня, — жалуется еще один. — Мне неприятно читать это». Итак, письма шли и шли. И так Автор (кто же еще?) откидывался назад и размышлял о прошлом и беспокоился — возможно, напрасно — о будущем. Утрачивая здоровье, утрачивая это и утрачивая то...

Дверь растворилась, и прекрасное пушистое создание легко запрыгнуло на кровать, где лежал Автор, погруженный в раздумья о прошлом. «Эй, ты! — сказала она в наилучших тонах своего Телепатического Голоса Сиамской Кошки. — А как насчет книжки, которую ты собирался написать? Мяу! Ты никогда не завершишь ее, если будешь думать обо всех этих занудных дураках, Друзьях в Хорошую Погоду. Забудь о них!» — резко скомандовала она.

Толстая Тэдди забрела в дом и уселась на колышавшемся островке солнечного света. «Еда? — спросила она. — Кто-то говорил про ЕДУ?» Автор улыбнулся им и сказал: «Ладно, кошки, нам нужно закончить эту книгу и нужно ответить на некоторые из

свалившихся на нас вопросов. Вопросы, вопросы, ВОПРОСЫ! Что ж, начнем». Он потянулся за печатной машинкой и поставил ее перед собой. Итак, какой первый вопрос?

Трудность в том, что как люди порождают детей, так ответы порождают вопросы. Кажется, чем больше вопросов находят ответ, тем больше возникает новых вопросов. Вот вопрос, который, по-видимому, волнует многих людей. Что такое Высшее Я? Почему это Высшее Я заставляет меня так много страдать? Как это МОЖЕТ быть так, что я должен страдать, когда я не знаю, почему страдаю? В этом нет смысла, это разрушает мою веру в религию. Это разрушает мою веру в Бога. Вы можете объяснить мне это?

Автор откинулся, созерцая проходящий сухогруз. Вот опять прибывает судно, нагруженное всевозможными товарами из Японии... Да, но к тому, как продвигается книга, это имеет мало отношения, не так ли? Автор неохотно повернулся и снова взялся за работу.

Конечно, на этот вопрос можно ответить, но прежде нам нужно договориться об определенном круге используемых понятий. Ведь представьте, что будет, если начать обсуждать одновременно жизнь рыб в глубинах океана и мысли и реакции космонавтов на лунной орбите. Как можно описать рыбе, постоянно живущей на дне океана, то, какова жизнь на его поверхности? Как объяснить жизнь в Лондоне, Монреале, Токио, или даже в Нью-Йорке? И, сверх этого, как объяснить нам нашей глубоководной рыбе, что происходит с космическим кораблем, который вращается вокруг Луны? Это просто невозможно, не правда ли? Тогда давайте сделаем предположение и попробуем представить что-нибудь другое.

Представим, что Высшее Я — уже не Высшее Я, а просто мозг. Итак, мы имеем множество мозгов, плавающих где-то, и потом один мозг решает — он хочет узнать что-то, хочет испытать что-то еще, кроме чистой мысли. Говоря «чистая мысль», мы имеем в виду, что мысль — не материальна, и не связываем это с чистотой и нечистотой в моральном смысле.

Тогда в этом мозге произошло возмущение — в нем появилось желание. Он хочет узнать что-то, хочет узнать, как выглядит жизнь на Земле, горячее ли тринадцатая свеча, чем двенадцатая? И вообще, что значит «горячая» и что значит «свеча»? Мозг хочет узнать это, и поэтому мозг находит тело. Забудьте на мгновение о том, что мозгу сначала нужно родиться вместе с человеком. Итак, этот мозг закрепляется внутри черепа, внутри толстой костяной коробки, в которой он плавает в специальной жидкости, которая защищает его от механических повреждений, увлажняет и способствует его питанию. Итак, вот наш мозг в черепной коробке. Мозг спокоен, когда ничего не чувствует. Поэтому, когда хирург собирается делать операцию на мозге, он просто проводит локальную анестезию кожи и мягких тканей снаружи черепной коробки, а затем делает разрез почти вокруг всей головы. Затем используется пила, чтобы распилить верх черепной коробки, которую тогда можно приподнять, как крышку. Важно помнить, что человек при этом ощущает боль только в коже, мягких тканях и костях. Мозг же нечувствителен к боли. Поэтому когда хирург, если можно так выразиться, снимает черепную крышку, то может протыкать, зондировать и разрезать мозг без всякого анестезирования.

Наш мозг подобен Высшему Я. Он не имеет собственных ощущений. Поэтому вернемся к мозгу, который ожидает опыта, оказавшись заключенным в черепной коробке. Однако мы должны помнить, что на место Высшего Я мы ставим в своих рассуждениях мозг, а Высшее Я — гораздо многомернее, и поэтому понять его сложнее.

Мозг хочет узнать об ощущениях. Мозг слепой и глухой, он не может различать запахи, у него нет чувств. Поэтому нужно создать марионетки. Одна пара марионеток принимает форму глаз, и через них мозг может получать зрительные впечатления. Как все мы знаем, новорожденный не понимает, что значат его зрительные впечатления. Ребенок совершает неловкие движения и, по всей видимости, не понимает, что он видит. Но с опытом зрительные впечатления, получаемые от глаз, начинают что-то значить для мозга.

Но возможно и дальнейшее усовершенствование. Мы хотим больше чем просто картинку. Мы можем видеть вещь, но мы хотим ее почувствовать. Есть ли у нее запах, издает ли она звуки? Создаются другие марионетки — уши. Они улавливают вибрации более низкой частоты, чем те, которые воспринимаются глазами. Но то, что улавливают и глаза, и уши, — это вибрации. С приобретением опыта мозг начинает понимать, что звуковые колебания что-то означают, они могут быть приятной музыкой или неприятной, или же они могут быть речью, средством общения.

Хорошо, мы слышим и видим вещь, но пахнет ли она? Тогда нужно создать еще одну марионетку — орган обоняния. Ведь бедное Высшее Я, которое здесь мы называем мозгом, может иногда пожалеть, что не улавливает запаха. Хотя бы потому, что женщины благоухают разными духами!

И далее — какова эта вещь наощупь? Мы не узнаем значения слов «жесткое» и «мягкое», пока не почувствуем, что это такое. И вот Высшее Я, или в нашем случае мозг, создает еще марионетки — руки, с кистями, пальцами. У нас есть большой и указательный пальцы, которыми мы можем взять небольшой предмет. Мы можем провести рукой по предмету и определить, мягкий он или жесткий, тупой или острый, как он сжимается.

Иногда предметом можно пораниться. Мы прикасаемся к предмету и испытываем неприятное ощущение. Предмет может оказаться горячим или холодным, острым или жестким. Такие ощущения могут вызывать боль, и боль предупреждает нас о том, что в следующий раз надо быть осторожнее. Но почему пальцы должны ругать себя или ругать Бога из-за того, что они просто выполняют определенную для них функцию, функцию ощущения?

У строителя, который кладет кирпич, огрубевшие пальцы, потому что он работает с кирпичом. А у хирурга — пальцы чувствительные, так как ему нужно выполнять очень тонкую работу. Если хирург займется кладкой кирпича, это повредит его руки, да и строителю окажется не по плечу хирургическая операция, потому что его руки стали грубыми от работы с кирпичом.

Каждый орган должен пробовать, должен терпеть. Уши может оглушить слишком громкий шум, нос может оскорбить неприятный запах, но эти органы устроены так, чтобы выдерживать такие воздействия. Человек обжигает палец — палец заживает, а человек в следующий раз будет осторожнее.

Наш мозг считывает всю информацию. Девять десятых этой информации содержится в подсознании. Наша вегетативная нервная система реагирует на информацию, поставляемую подсознанием, так, чтобы предохранить нас от сильных повреждений. Например, если вы будете идти по крыше высокого здания, то прочувствуете страх, при помощи которого подсознание предупреждает вегетативную нервную систему о том, что нужно выпустить дополнительные гормоны в кровь и заставить человека отпрыгнуть назад.

Это изложено в обычном физическом смысле, но попробуйте представить в значительно большем измерении то, что Высшее Я не способно получить никаких знаний о Земле без использования таких марионеток. Эти марионетки — люди, которые обжигаются, получают порезы, оглушаются, все, что угодно, может происходить с людьми, и все ощущения и впечатления получает Высшее Я по Серебряной нити, подобно тому как ощущения, полученные пальцем, передаются по нервам мозгу.

Тогда мы можем с полным правом назвать себя орудиями Высшего Я, которое настолько тонко, настолько уединенно, настолько высокоразвито, что ему нужны мы, люди, для того чтобы собирать впечатления о том, что происходит на Земле. Если мы что-то делаем неправильно, мы получаем метафорический подзатыльник. И это не происки дьявольского Бога, который наказывает нас, преследует и искушает, а наша же совершеннейшая глупость. Или на это можно посмотреть так: некоторые люди касаются какой-то вещи и обнаруживают, что поранились, и тогда они опять берутся за нее, чтобы

понять, почему поранились, а потом берутся еще раз, чтобы выяснить, как можно вылечить повреждение или преодолеть проблему. И тогда они могут взяться за это еще раз, чтобы убедиться, что проблема наконец-то преодолена.

Возможно, вы встретите очень хорошего человека, который много страдает, и вам, наблюдателю, покажется несправедливым, что такому человеку дано столько страдания, или же вы подумаете, что этот человек отработывает очень тяжелую карму, или что он наверняка был сущим демоном в прошлой жизни. Но все это может оказаться неверным. Откуда вам знать, возможно, этот человек испытывает боль и страдания, чтобы понять, как можно устранить боль и страдания для тех, кто придет позже? Не думайте, что это всегда отработка прошлой кармы. Это может быть и накоплением хорошей кармы.

Существует Бог, добрый Бог, справедливый Бог. Но конечно же, Бог — не то же, что человек, и бесполезно пытаться понять, что такое Бог, когда большинство людей не понимает даже, что же такое их Высшее Я. Если ты не можешь понять свое Высшее Я, ты не сможешь понять и Бога своего Высшего Я.

Вот вопрос, на который уже давался ответ в предыдущих книгах, но который все равно возникает регулярно, можно сказать, с монотонной регулярностью.

Люди хотят знать о своем наставнике, Учителе, Хранителе, Ангеле и т. д. Один человек написал мне такое: «Мой учитель — старый краснокожий индеец. Жаль, что я никогда его не видел. Я знаю, что он краснокожий индеец, потому что он такой мудрый. Как мне его увидеть?»

Давайте разберемся с этим раз и навсегда. У людей нет учителей — краснокожих индейцев, как и белокожих или чернокожих, а также живых или мертвых тибетцев. Фактически, тибетцев на всех и не хватило бы. Это похоже на то, как если бы все говорили: «Ах, в прошлой жизни я была Клеопатрой!» В этих словах нет и крупинки истины. На самом деле так называемый учитель — это просто Высшее Я, которое и есть наш настоящий учитель. Это можно пояснить при помощи такого образа: вы сидите в машине, ВЫ — Высшее Я машины. Вы нажимаете на педаль, и если вам повезло и ваша машина на ходу, она поедет. Вы надавливаете на другую педаль, и машина останавливается, и если вы следите за тем, как едете, то не врежетесь в придорожный столб. И машину ведете только вы. Так же вы контролируете и себя, вы и ваше Высшее Я.

Многим людям кажется, что перешедших в мир иной только и волнует то, как бы пристроиться на чьем-нибудь плече и вести его по жизни, рассказывая, что делать, помогая не упасть в придорожную канаву, и прочее в том же духе. Но подумайте сами. У вас есть соседи, возможно, вы с ними ладите, возможно — нет, но время приходит, и вам предстоит переместиться на другую сторону мира. Если вы в Англии, то собираетесь переезжать в Австралию. Если в Северной Америке, тогда — в Сибирь. И вот вы переезжаете, вы заняты хлопотами по переезду, обустройством на новом месте, новой работой, налаживанием контактов. Станете ли вы останавливаться, чтобы позвонить Тому, Дику, а также Марте, Мэри и Матильде или как там их еще зовут? Конечно, нет. Вы совсем забыли о них. И точно так же — люди на другой стороне Земли.

Люди, ушедшие с этой Земли, не просто сидят на облаках, играя на арфах и чистя перышки на крыльях. Им есть что делать. Они покидают эту Землю, проходят период восстановления, а потом занимаются чем-то другим. Честно говоря, у них нет времени на то, чтобы быть духовными учителями и заниматься прочим подобным вздором.

Много-много раз сущности, не являющиеся людьми, будут способны вмешиваться в человеческие мысли, и в определенных условиях у людей будет создаваться впечатление, что это духовные учителя.

Давайте остановимся на этом. Вот есть группа людей, которые надеются на общение с теми, кто отошли в мир иной. Это группа людей, в которой все думают в одном ключе. Это не просто один человек, думающий не так, как все. Эти люди собираются в определенных местах для определенной цели, и подсознательно они желают того, чтобы послание от умершего было передано. Поэтому в астральном мире появляются движу-

щиеся формы — мыслеформы, или же просто сущности, которые никогда не были животными и никогда не станут людьми. Это просто массы энергии, реагирующие на определенные стимулы.

Эти сущности, каким бы ни было их происхождение — но, определенно, оно не человеческое, — могут перемещаться и быстро достигают любого источника, который их привлекает. Если люди усиленно думают о получении послания от умершего, эти сущности вполне автоматически притягиваются к такой группе, и будут летать вокруг и вытягивать свои щупальца — руки, сделанные из энергии, и будут касаться мозга или части мозга, или касаться щеки, а человек, ощутивший такое прикосновение, будет убежден, что его коснулся дух, потому что эти щупальца подобны щупальцам из эктоплазмы.

Эти сущности часто бывают злыми, и они всегда наготове, так же как всегда наготове обезьяны. Сущности летают вокруг, как бы перескакивая с мозга на мозг, и когда они попадают на какую-то интересенькую информацию, которая излучается из мозга одного из людей, могут вызвать появление сенситива или, так сказать, «гениального медиума». Медиумы передают послание, про которое хотя бы один человек знает, что оно соответствует истине, потому что оно исходит из его же сознания, но никто из этих людей, видимо, не задумывается над тем, что эта мыслеформа просто захватывает умы. Необходимо очень хорошо понять, что не все эти откровения — истинны.

Все мы знаем, как в канун Дня всех святых дети ходят в масках и костюмах и изображают кого-то. Так же ведут себя и эти сущности, мыслеформы. На самом деле это сущности невысокой разумности и, сказать по правде, просто паразиты. Они будут питаться энергией любого поверившего в них.

В определенных условиях люди могут получить то, что считают откровениями. Они могут быть уверены, что дух тетушки Фанни, свалившейся с трех пролетов лестницы, поломавшей себе ногу и после этого отдавшей концы, летает поблизости, давая им советы, потому что ее замучила совесть из-за того, что она была невнимательна к ним на Земле. Конечно, на самом деле ничего подобного не происходит. Кто-то из присутствующих на сеансе мог бессознательно посылать в пространство образы тетушки Фанни с ее поломанной ногой, думая о том, до чего же скверный был у этой старой карги характер, а злая сущность настроилась на это, кое-что подправила для правдоподобия, и вот тетушка Фанни «проявляется» как человек, которому чрезвычайно жаль, что она так отвратительно вела себя по отношению к своему драгоценному племяннику, и который теперь желает оставаться с ним навсегда или еще дольше и защищать от всего.

И правда, удивительно, как люди на Земле склонны пренебрежительно относиться к краснокожим, насмехаться над «индейскими» индейцами и временами сомневаться в подлинности тибетских лам, но стоит этим людям умереть, насмешники тут же меняют свою точку зрения и считают, что те, которых так оскорбляли, поспешат обратно и будут сидеть на их плечах и вести по жизни, защищая от жизненных невзгод. Ага, вот пошла уже другая мысль. Все, что у них есть, как было уже сказано, — это демоны, летающие вокруг и прикидывающиеся чем-то другим.

Как часто вы общаетесь со своими друзьями на другой стороне Земли? Как часто оказываете им помощь? А часто ли помогали им, когда они еще были вашими соседями? А теперь задумайтесь: люди ушли из этого мира, и вы даже не знали об их существовании, когда они еще были здесь, тогда почему же, если почестному, вы считаете, что у них вдруг должен проявиться такой огромный интерес к вашей личности? Почему вы думаете, что какой-то тибетский лама или краснокожий индейский вождь бросит все, чем он занимается на другой стороне Земли, и поспешит остаться с вами до конца вашей жизни? И это кто-то, над кем вы, возможно, насмехались, когда он был на Земле, или, что еще более вероятно, о существовании которого вы просто не имели понятия.

Нужно подходить к этому логически. Многие люди считают, что у них есть духовный учитель, потому что они чувствуют себя незащищенными, одинокими, потому

что им кажется, что сами они не справятся со своими проблемами. И отчасти поэтому они изобретают фигуру отца или матери, которые всегда пребывают с ними, защищая их от злой воли других и собственной глупости.

Еще одна причина для этой веры в духовных учителей состоит в том, что иногда люди слышат или думают, что слышат, таинственные голоса, говорящие с ними. На самом деле то, что они слышат, — это как бы телефонный разговор со своим собственным Высшим Я. Он передается по *Серебряной Нити*. Это усиливается эфирным телом и иногда воспроизводится как вибрации ауры. Иногда также человек может чувствовать пульсацию в точке на лбу между бровями немного выше уровня глаз. Это происходит, когда идет разговор между подсознанием человека на Земле и Высшим Я, а составляющее десятую часть сознание пытается прислушаться, но не способно сделать это, и поэтому взамен получается пульсация, которая подобна телефонистке, отвечающей, что номер занят.

Каждому из нас нужно научиться быть самостоятельным. Присоединяться к культам, и группам, и стаям — неверная дорога. Когда мы покинем эту Землю, то отправимся в Зал Воспоминаний в одиночестве. Нет; смысла идти туда, где мы судим себя и говорим себе так: «О, секретарь Общества по борьбе за горячность хотдогов сказал мне, что я должен делать то или что я не должен делать того». Нам нужно быть самими собой, и если Человек хочет развиваться, он должен быть один. Если мы собираемся в группы, стаи и культы, то делаем несколько шагов назад, потому что, когда мы присоединяемся к группе или обществу, наш прогресс ограничивается уровнем самого медленного в развитии члена группы. Человек, который движется, который развивается, идет один — всегда.

Кстати говоря, занятное письмо пришло два дня назад. В нем говорилось: «Я был Членом... на протяжении сорока четырех лет, и должен признаться, за все это время узнал меньше, чем когда прочитал одну вашу книгу».

ГЛАВА 8

Старый Автор лежал на своей кровати около окна, глядя на опустевший монреальский порт. Теперь суда не часто заходят в порт. Слишком много здесь было забастовок, ограблений и прочих неприятностей, поэтому многие пароходные линии обходили порт Монреаль стороной.

Лежал Старый Автор и смотрел на поредевшее речное движение, и на оживленное движение на дороге, ведущей к Человеку и Его Миру. Но в этот мир ему не хотелось. Солнце заглядывало в комнату, и маленькая кошечка по имени мисс Клеопатра дремала, свернувшись в клубочек.

Она обернулась к нему и, послав ему улыбку чеширского кота, сказала: «Послушай, и все-таки, почему люди считают, что животные не умеют говорить?»

— Понимаешь, Кли, — отвечал Автор, — людям все нужно доказывать, им обязательно нужно взять вещь в свои маленькие горячие ручки и разобрать на части, чтобы потом сказать: «Что ж, возможно, когда-то она и работала, но сейчас можно сказать с определенностью, что нет». Но ты и я знаем, что коты могут разговаривать, поэтому какая разница, что об этом думают другие?

Мисс Клеопатра на мгновение задумалась, потом повела ухом и умыла лапу. «Послушай, — сказала она, — почему люди не понимают, что именно ОНИ — немые? Все животные могут разговаривать телепатически. Почему люди не могут?»

Вопрос непростой, и автор не торопился с ответом. Наконец он сказал: «Видишь ли, Кли, люди отличаются тем, что ничего не принимают на веру. Ты знаешь, что существует телепатия, и я это знаю, но если другие люди этого по каким-то странным причинам не знают, мы никак не сможем убедить их. Понимаешь?»

Автор откинулся назад и подарил лучащуюся любовью улыбкой маленькой

кошечке, своей неизменной подруге.

Мисс Клеопатра посмотрела прямо на него и подумала в ответ: «Да, но ведь есть способ, есть, ты только что читал про него!» Брови Автора взлетели так высоко, что казалось, на его лысой макушке впервые за много лет появились волосы. Но затем он подумал о книге, в которой рассказывалось о некоторых опытах.

В университете Невады работали два исследователя, которых звали Р. Аллен и Беатрис Гарднеры. Эти двое, муж и жена, изучали проблемы, связанные с обучением животных говорить, и удивлялись, почему, по всей видимости, животных научить разговаривать невозможно. Чем больше они думали об этом, тем больше не могли ничего понять.

Конечно же, они просмотрели самую очевидную причину: у животных нет необходимости говорить по-английски, по-испански или по-французски. Возможно, они могут ворчать, как плохо воспитанные немцы, но речь-то не о немцах.

Супруги Гарднеры по-другому подошли к проблеме. Они увидели, что шимпанзе удается каким-то образом передавать друг другу сообщения, и принялись исследовать шимпанзе. Они пришли к заключению, что многие шимпанзе общались между собой при помощи языка жестов, подобно тому как это делают глухие.

Эти люди взяли одного шимпанзе в дом, дали ему полную свободу передвижения по дому и старались обращаться с ним так, как если бы это был человек, может, даже немного лучше, ведь люди не слишком хорошо относятся друг к другу, правда? Но дело не в этом. Итак, эти люди обращались с шимпанзе как с полноценным членом семьи, у него были свои игрушки, его любили, и, кроме того, делали для него еще одно.

В присутствии шимпанзе люди общались только при помощи языка жестов. Спустя многие месяцы он смог передавать свои сообщения (кстати, это была шимпанзе-самка) без особых трудностей.

Они обучали этого шимпанзе около двух лет, и шимпанзе выучил знаки, обозначающие шляпу, ботинки и названия многих других деталей одежды, а также много-много других слов. Он также мог сообщить, что хочет пить или чего-нибудь вкусненького. Казалось, эксперимент прошел успешно. Конечно, он еще не закончился. Но у животных нет голосового органа, приспособленного для того, чтобы произносить слова, как это делают люди. Возможно, у животных возникали бы трудности с грамматическими разборами или выбором правильного времени глаголов, но если люди настолько глупы, что не способны общаться телепатически, без сомнения, животным придется общаться при помощи знаков. Факт, причем показательный факт, что мисс Клеопатра и мисс Тадалинка могут донести свои желания и пожелания даже людям, которые не являются телепатами. С Автором, конечно же, у них полное взаимопонимание, и Автор, и сиамские кошки, имеют, возможно, даже большие возможности общения между собой, чем обычные люди, не владеющие телепатией.

Неторопливо вошла мисс Тадалинка и сказала: «Вы говорите о еде?» «Нет, Тэкс, отвечала мисс Клеопатра, — мы говорим об общении с людьми, и мы решили, что нам очень повезло, что мы имеем дело с человеком, которому можно сообщить, что мы хотим, без использования языка жестов».

Мисс Клео взглянула на Автора и сказала: «Надо бы тебе выйти на улицу, ты не выходил из дому уже несколько недель. Почему бы тебе не взять свое кресло-каталку и не спуститься на первый этаж? Сегодня спокойный день, на улице мало людей».

Автор выглянул в окно. День был солнечный, почти без ветра, но тут его взгляд упал на печатную машинку и белые листы бумаги. Он пробормотал подходящее ругательство в их адрес, с усилием приподнялся и пересел с кровати на электрическое кресло-каталку.

Это довольно сложно — проехать по коридору, выехать из дверей и въехать в лифт, когда руки заняты управлением электрическим креслом-каталкой, но преодолимо. Автор спустился с девятого этажа на первый. А оказавшись внизу, решил

попутешествовать еще, чтобы немного посидеть у реки.

Он проехал по бетонной улице и в конце ее съехал по пандусу, ведущему в автопарк. Пересек автопарк, поднялся по другому пандусу на тротуар, почти безлюдный. Мягко переключил рычаг в переднее положение, и кресло-каталка двинулось вперед с пешеходной скоростью.

Внезапно послышался рев работающего на полную мощность мотора, и большая машина переехала на другую сторону дороги. Раздался резкий окрик: «Стой!»

Автор оглянулся в некотором изумлении, и тогда сержант и следователь полиции выпрыгнули из полицейской машины, а водитель наполовину высунулся из окна.

«Господи Боже! — подумал Автор. — Что же не так на сей раз?»

Сержант и следователь поспешили вперед и встали перед теперь уже неподвижным креслом-каталкой. Сержант, уставившись в землю и положив руки на бедра, проговорил: «Это вы тот автор?»

«Я», — был дан ответ.

Сержант посмотрел на следователя, и следователь отрывисто произнес: «Вам нельзя выходить на улицу одному. У вас такой вид, будто вы сейчас умрете».

Разумеется, Автор был несколько удивлен подобного рода приветствием, и тихо ответил: «Умру? Все мы когда-нибудь умрем. Со мной все в порядке. Я нахожусь на частной земле и никого не беспокою!»

Сержант полиции принял еще более угрожающий вид и сердито сказал: «Меня не волнует, как вы живете. Вам небезопасно одному выходить на улицу. Они мне сказали, — он указал на здание, — что вам недолго осталось жить. И я не хочу, чтобы вы умерли здесь на дороге в мое дежурство!»

Автор был настолько ошарашен таким поведением, что просто не мог ничего понять. Да, он болен, иначе не сидел бы в кресле-каталке, но просить людей сопровождать его на каждой прогулке — это слишком. Нужно было выполнять и работу по хозяйству, и массу других вещей, а Автор хотел чувствовать себя независимым. Он сказал: «Но я нахожусь на частной земле».

В этот раз вмешался следователь: «Нас не волнует, на частной земле вы или нет. Вы выглядите так, будто можете умереть в любой момент. Мы думаем не о вас, а о других людях. Сейчас вы поедете обратно, а я вас провожу». Он взялся за ручку кресла и резко развернул его, да с такой силой, что бедный Автор чуть из него не выпал. Резко толкнув кресло, полицейский скомандовал: «Поехали!»

Люди выглядывали из проезжающих машин, смеясь при виде человека, который не может разобраться с полицией, — человека в кресле-каталке, — но, конечно же, эти люди были просто гуляющими, и значит, на что бы они ни смотрели, для них это — просто зрелище. Но у Автора всегда вызывало удивление, что когда бы он ни оказывался на улице в своем электрическом кресле-каталке, там всегда появлялась толпа ухмыляющихся кривляк, улюлюкающих так, словно это самое веселое зрелище в мире. Он удивлялся, что же так веселит людей, когда они видят пожилого инвалида, пытающегося жить свою жизнь, поменьше беспокоя других людей.

Но последовал еще один толчок, и резкая команда: «Поехали!» заставила его включить мотор и снова пересечь автопарк, подняться по пандусу и поехать по частной улице. Сердитый полицейский — сзади. У входа в лифт следователь остановился и сказал: «Если вы еще раз выйдете на улицу без сопровождения, мы подадим на вас в суд». Приговаривая: «Старый дурак, совсем из разума выжил!», он отправился к подъехавшей следом полицейской машине.

И вот Старый Автор поднялся обратно на лифте на девятый этаж и въехал в свою квартиру. Дверь закрылась. Теперь, по-видимому, ему запрещено выходить одному. И придется жить, как обезьяна на цепи или пес на поводке. Подошла мисс Клеопатра и, запрыгнув на колени, сказала: «Дураки все эти люди, скажи?»

Но нужно было кое-что сделать, нужно было писать книгу и отвечать на письма.

Автор мысленно подбросил монетку, чтобы понять, за что взяться в первую очередь. Выпало на письма, и первое письмо из связки оказалось от молодого человека из Бразилии. Этот человек обладал незаурядным умом и задавал хорошие вопросы.

Вот письмо, которое он написал, а после него — ответ:

«Рио де Жанейро. Дорогой д-р Т. Лобсанг Рампа, я прочитал все ваши книги и очень хочу глубоко изучить все то, о чем вы рассказываете. Но как и у каждого студента, у меня возникают вопросы, и мне хотелось бы, чтобы вы ответили на те вопросы, которые я вам задам.

Прошу прощения за свой не очень хороший английский. Я еще учу его в институте, и многие слова мне приходится смотреть в словаре. Вот мои вопросы:

1. Если я умру, я встречу много знакомых людей. Я увижу их так, как я видел их на Земле. Но меня волнует вот что: действительно ли я был многими людьми на протяжении своего цикла перерождений? И как тогда человек, которого я знал в предыдущей жизни, узнает меня?

2. Почему как раз сейчас такое древнее существо из Тибета, как вы, пришло поведать нам всю восточную мудрость? Почему именно сейчас?

3. Как я могу увидеть Хроники Акаши в астрале?

4. Какое лучшее положение для медитации? Я не могу сидеть в лотосе и не могу сидеть с прямой спиной.

Если вы считаете, что на некоторые вопросы не нужно отвечать, не отвечайте, тогда я найду на них ответы в медитации (надеюсь), ведь я уже нашел ответы на большинство своих вопросов, просто размышляя о них сам.

Вы как свеча в темноте, и я благодарю вас за все. Большое спасибо, д-р Рампа. Фабио Серра».

«Дорогой Фабио Серра!

Просто замечательно! Вы задали мне именно те вопросы, на которые стоит ответить в той книге, которую я сейчас пишу и которая будет называться «Тринадцатая свеча».

Поскольку я собираюсь использовать ваши вопросы в этой книге, я повторю ваши вопросы, а потом дам ответы. Итак, вот они:

1. Если я умру, я встречу много знакомых людей. Я увижу их так, как я видел их на Земле. Но меня волнует вот что: действительно ли я был многими людьми на протяжении своего цикла перерождений? И как тогда человек, которого я знал в предыдущей жизни, узнает меня? Ответ на этот вопрос таков. После смерти вы прежде всего покидаете Землю и направляетесь в место, которое во многих религиях называется «чистилищем». Чистилище — это место, где вы очищаетесь от некоторых вещей. Предположим, вы работали в саду, и вам на лицо и волосы (если у вас есть волосы!) попало немного грязи. Потом вы захотели зайти в дом и пообедать или, скажем, послушать радио. Тогда что вы делаете прежде всего? — Вы посещаете «чистилище». Иными словами, вы идете туда, где сможете помыть руки и лицо и вообще очиститься от грязи и всего прочего, чего не должно на вас быть.

Во многих религиях «чистилище» изображается как что-то страшное. Я предпочитаю видеть его как небесную ванную, в которой ты омываешь свой астрал, образно говоря, для того, чтобы предстать перед другими людьми, сохранив свою территориальную целостность. Понимаете, когда вы находитесь в астрале, вы показываете свою ауру, и если ваша аура имеет слишком много «грязных масок», это будет видно тем, кто смотрит. Тогда чистилище — это место в астрале, где вас приветствуют друзья, и никогда — враги, потому что, когда вы попадаете на Другую Сторону, вы можете встретиться только с теми, с кем вы совместимы. Когда вы покидаете Землю, вы, очевидно, думаете о своей внешности, какая она была у вас на Земле, и что вы проявитесь в астрале таким же, как вы были на Земле. Поскольку люди, которых вы там встретите, хотят, чтобы их узнали, они также появятся вам в таком виде, в каком вы знали их на

Земле.

Не раз человек испытывает подобные ощущения и на Земле. Вы встречаете человека и чувствуете уверенность, что у него на левой щеке родинка, но другой человек может сказать вам: «Да нет, ее удалили год назад». Другими словами, вы видите только то, что хотите видеть, что ожидаете увидеть, поэтому, когда вы попадаете на *Другую Сторону*, вы увидите людей, которых хотите увидеть, и увидите их в такой форме и цвете, в каких вы ожидаете их увидеть. Простая иллюстрация. Допустим, у вас есть друг — негр, то есть этот человек был негром на Земле тогда, когда вы знали его. Но, предположим, на *Другой Стороне* он — белый человек. Если он приблизится к вам в таком виде, вы ведь не узнаете его? Поэтому он появляется в виде негра.

Когда вы развиваетесь, ваша внешность меняется. Точно так же, если вы возьмете неграмотного дикаря, сплошь заросшего волосами и с грязными зубами, и хорошенько поскребете его щеткой, так, что он посветлеет, и побреете его и подстрижете, да еще оденете в современный цивилизованный костюм, он будет выглядеть совсем по-другому, не так ли? Так вот, когда вы попадаете на *Другую Сторону* и успешно развиваетесь, то обнаруживаете, что ваша внешность меняется — меняется к лучшему.

Вторая часть вопроса? Конечно, женщина, о которой вы спрашиваете, увидит вас, когда вы переместитесь на *Другую Сторону*, так, как вы себе представляете свой образ. Она увидит вас таким, каким вы были на Земле, и вы увидите ее такой, какой она была здесь. Иначе (повторюсь) вы бы просто не узнали ее.

2. *Почему такое древнее существо из Тибета, как я, пришло рассказать западным людям обо всем? Почему я пришел именно в это время?* Это достаточно ясный вопрос, и я отвечу на него. В прошлом многие люди посещали страны Востока. Но ум людей Запада нацелен на материальное. Они живут в настоящем, они полны мыслями о деньгах, материальных приобретениях, власти и преобладании над другими. Это часть культуры Запада. И когда эти люди отправляются на Восток и находят, что многие из лучших умов Востока обитают в телах, которые больны или бедны, или одеты в лохмотья, они не могут понять этого. И когда эти люди, для которых языки Востока не являются родными, которые родились и выросли в условиях другой культуры, берутся за древние Учения, они искажают их, интерпретируя их так, как они (люди Запада) считают нужным. Таким образом, многие переводчики, определенно, оказывают дурную услугу человечеству, предлагая ложные данные, в которых искажены истинные религиозные представления.

Меня готовили в течение длительного времени. Мне дана была способность понимать Запад, оставаясь человеком Востока. Мне дана была способность писать и ясно передавать свои утверждения людям, которые достойны того, чтобы знать ответы. Мне довелось много страдать, но это дало мне глубокое понимание сути происходящего, более широкий спектр выражения и понимания, и заставило меня относиться с симпатией к западному взгляду на мир. Это сделало меня способным подбирать верные слова для того, чтобы передать правильный эзотерический смысл западному читателю.

Это век Кали, век разрушения и изменения, когда человечество всерьез оказывается на перекрестке, решая — эволюционировать или деградировать, идти вверх или скатиться вниз до уровня шимпанзе. И в этот век Кали я пришел в попытке передать знания и, возможно, помочь западным мужчинам и женщинам понять, что лучшее решение — все-таки взбираться вверх, а не сидеть неподвижно и скатываться в долину отчаяния.

В своем третьем вопросе вы спрашиваете, *как вы можете увидеть Хроники Акаши в астрале*. Вот мой ответ.

Когда вы, покинув эту жизнь, попадаете на астральный план, вы отправляетесь в Зал Воспоминаний и видите все, что случилось с вами не только в только что оставленной вами жизни, но и в жизнях, которые вы прожили раньше. Тогда вы решаете — возможно, с помощью советников, — что вам нужно для того, чтобы продолжать свою эволюцию. Вы можете решить, что вы хотите помогать другим людям, прибывающим с Земли. В этом

случае вы, несомненно, получите привилегию увидеть Хроники Акаши для того, чтобы вы смогли помогать другим людям по-настоящему, и поэтому вам будет дана сила увидеть Хроники Акаши. Но я должен сказать вам, что никто не может увидеть Хроники Акаши просто из любопытства.

В настоящее время на Западе есть люди, которые дают рекламу, что за определенную плату они смогут пропугешесговать в астрал (вероятно, прямо с чемоданом), запросить Хроники Акаши и вернуться назад со всей требующейся информацией. Конечно, все это совершенная неправда. Они не запрашивают Хроники Акаши, и я сомневаюсь, что они вообще способны сознательно выходить в астрал. Единственные духи, с которыми они консультируются, — это те, что содержатся в бутылках. Поэтому, повторяю, вы сможете увидеть Хроники Акаши, только если это необходимо для оказания помощи ДРУГОМУ ЧЕЛОВЕКУ.

Ваш четвертый вопрос очень важный, и мне приятно ответить на него, потому что много людей задают его, многих людей этот вопрос беспокоит. Ваш вопрос:

Какое лучшее положение для медитации? Я не могу сидеть в лотосе и не могу сидеть с прямой спиной.

Совершенно верно! Позвольте мне сказать вам следующее: когда вы дышите, вам не нужно принимать специальное положение, правда? Когда вы читаете книгу или газету, вам не нужно принимать для этого какое-то особое положение. Для чтения вы просто принимаете удобное для вас положение тела. Вы можете сесть в кресло или лечь на диван. Это не имеет значения. Чем комфортнее вы себя чувствуете, тем больше вы получаете удовольствия, тем больше можете впитывать то, что читаете. То же применимо и к медитации. А теперь прочитайте это внимательно... *не имеет ни малейшего значения, как вы сидите.* Можете сидеть, как вам угодно. Лягте, если вам это нравится больше. И если вам хочется лечь свернувшись, сделайте это. Единственная цель отдыха — это чтобы вы освободились от напряжения. Вам нужно быть свободными от напряжения и возбуждения, если вы хотите успешно медитировать. Поэтому любое положение тела, которое подходит вам, подходит для медитации.

Вот и все. Ответы на ваши вопросы готовы. Надеюсь, они вам чем-то помогут».

Старый Автор откинулся назад с чувством удовлетворения от хорошо сделанной работы. «Сколько в мире непонимания и неправильных представлений», — подумал он. Он протянул руку и взял следующее письмо, на этот раз из Ирана. Один вопрос стоит упомянуть здесь в особенности. Этот вопрос звучит так:

«В чем смысл сна в позе лотоса? Что хорошего в этом, кроме умерщвления плоти?»

Это действительно весьма болезненное положение. Не имеет ни малейшего значения, сидит человек в лотосе или же лежит на спине. Важно единственное — чтобы человек чувствовал себя комфортно, потому что иначе он будет подвержен разного рода напряжениям и стрессам, отвлекающим от отдыха и от медитации. Давайте остановимся на этом подробнее.

Западные люди сидят на стульях. Спят они всегда на мягких кроватях, которые имеют пружины или другие приспособления, которые позволяют частям тела провисать, так что если у кого-то, к примеру, сутулая спина, то мягкий матрас или упругие пружины позволят спине этого человека погрузиться в матрас, и тогда вес тела распределится более равномерно. Дело в том, что западные люди имеют систему, которая подходит им, это ИХ система, — система, в которой они родились. И если западный человек хочет сесть, он обычно садится на какое-то подобие платформы, расположенное на четырех ножках и снабженное подпоркой под спину, чтобы он с него не свалился. Следовательно, почти с рождения западные люди приучаются к тому, что их позвоночник должен чем-то поддерживаться, и поэтому мышцы, которые в норме должны держать этот позвоночник прямым, оказываются неразвитыми и атрофируются.

То же касается и ног, суставов и т. д. Западный человек привык к определенному положению ног, когда они согнуты под определенным углом, и в других положениях он чувствует себя, конечно же, некомфортно.

А теперь обратимся к человеку восточному, например японцу. В Японии люди снимают обувь перед тем, как войти в дом, и затем входят в комнаты и сидят на полу. Сидеть удобно на полу можно только скрестив ноги, и одним из вариантов такого положения со скрещенными ногами является так называемая поза лотоса.

В течение многих лет развития японцы нашли, что если подхватить лодыжки и почти завязать в узел ноги, то получается очень удобное положение сидя на надежном основании. И поскольку японец приучается к этому положению с рождения, он сидит в нем без напряжения, не испытывая дискомфорта или чего-нибудь неприятного. Кроме того, оказывается, что позвоночник естественным образом выпрямлен про сто благодаря особенностям этого положения.

Возьмите японца, которому никогда не приходилось встречаться с западными людьми, да посадите этого несчастного на стул, и он будет чувствовать себя чрезвычайно некомфортно. У него будет болеть все, что только можно, и при первой же возможности он соскользнет со стула и усядется в привычное для него положение.

Если же взять западного человека и поместить его в японское общество, так что ему придется сидеть на полу со скрещенными ногами, он будет испытывать страшные мучения. Поскольку его связки не привыкли к такому положению, сначала ему кажется, что они могут порваться, а когда приходит время подняться, обычно выясняется, что он этого сделать не может. Обычно он просто падает вперед и спасает свое лицо тем, что подставляет руки. Затем с тяжелыми стонами ему удается как-то подобрать под себя ноги, и, задышавшись, скрипя и ругаясь, он поднимается на ноги, с трудом разгибая спину, а на лице его при этом написана сущая мука.

На Дальнем Востоке сидение со скрещенными ногами — обычная часть повседневного существования. На Западе культура основывается на деньгах и материальных приобретениях. Человек Запада думает больше о «сейчас» — о том, как бы побольше иметь на этой Земле, — поэтому все, что свидетельствует о высоком статусе, является предметом желания. В давние времена короли, императоры, фараоны и им подобные сидели на тронах, поэтому бедные люди брали пару кусков дерева, сбивали их и использовали как импровизированные троны — или стулья. Миссис Смит хотела, чтобы у нее был стул лучше, чем у мистера Брауна, поэтому она покрыла стул красивой тканью, а мистер Джонс хотел чего-то еще лучше. Миссис Смит была очень костлявая, и поэтому набила ткань шерстью. Так и получился первый обитый стул.

На Дальнем Востоке люди были не настолько захвачены деньгами и материальными приобретениями. Вместо этого они пытались скопить «богатства на небесах» или же земной эквивалент этого состояния, и люди вполне довольствовались тем, что сидели на земле. Поэтому с рождения они приучались сидеть на земле. Их суставы были более гибкими, а мышцы — приспособленными для этого.

В Индии мудрец сидит под деревом в позе лотоса. Он вынужден делать так, дружище, ведь у него нет стула и, возможно, он никогда и не слышал о таких штуковинах!

Когда западные люди проходят и видят какого-то старика, сидящего под деревом в позе лотоса, они решают, что это мудрец, и таким образом неверно связывают его позу с тем, что он обладает мудростью. А потом вы встречаете какого-то дурака, который, возможно, когда-то видел фотографии Индии или что-то в этом роде, и он идет и пишет книгу «Все о йоге», потому что слышал, как об этом рассказывал его друг, или увидел передачу по телевизору (у Автора нет телевизора; он никогда не был адептом телевизионной религии).

Подобные авторы нанесли неизмеримый вред истинным метафизическим учениям. Не имея реальных знаний, они копировали труды других и немного изменяли их так, чтобы не нарушать авторские права. А потом многие люди возмущаются теми, кто на

самом деле являются новичками в этом деле, не получившими никаких знаний из первых рук. Поэтому авторы — те, которые переписывают, не разбираясь в предмете, — должны быть обвинены в совершенно ложной интерпретации терминов «йога» и т. д. Многие из этих авторов думают, что им нужно умно выглядеть, и они ставят «Шри» перед своими именами. Это то же самое, как если бы парень, живущий на Востоке, стал бы перед своим именем ставить «мистер». Если бы эти авторы хоть что-то понимали в этом, они не были бы так глупы, чтобы копировать термины, которых совершенно не понимают,

Многие переводчики пытались брать книги Дальнего Востока и переводить на английский, французский или немецкий. Но это чрезвычайно опасно, если переводчик не владеет в совершенстве обоими языками и метафизическими понятиями. Скажем, представления восточной философии — это именно представления, это абстрактные понятия, для которых сложно найти конкретные термины в другом языке, если человек не жил в условиях обеих культур.

Вернемся к позе лотоса. Поза лотоса — это просто поза, которая для индуса, тибетца или японца удобна для сидения. Эти люди не чувствуют себя удобно, сидя на стуле, поэтому они не пользуются стульями. В то же время западному человеку неудобно сидеть в позе лотоса, потому что это непривычное для него положение.

Людям, работающим в цирке, хорошо известно, что для того, чтобы подготовить хороших акробатов, их нужно обучать и тренировать практически с детства. Суставы нужно приучить сгибаться сильнее, чем у обычных людей, потому что у среднего западного человека очень низкая подвижность суставов. Восточный человек, как обычно говорят, «гуттаперчевый», — если быть точным, у восточного человека большая подвижность суставов. Чрезвычайно опасно для западного человека среднего возраста пытаться выполнять упражнения, которые для любого человека Востока являются чем-то совершенно обычным. Очень опасно западному человеку пытаться сидеть в позе лотоса после отвердения суставов.

Человек из Ирана, задавший вопрос о позе лотоса, спрашивал также о символе благополучия *Хо Тай*.

Ну конечно, Хо Тай — это только один из Тысячи Будд. На Дальнем Востоке существуют представления, а не конкретные термины. Люди не поклоняются идолам, они не поклоняются фигуре Будды. Фигуры просто стимулируют течение мыслей в определенном направлении. Например, Хо Тай — это приятного вида старик с толстым животиком, сидящий в позе лотоса. Но это не означает, что вам тоже нужно обязательно сесть в позу лотоса. Это просто означает, что у этого приятного старика с толстым животиком нет стула, а если бы ему его и дали, он не захотел бы на нем сидеть, потому что ему бы это было неудобно. Поэтому он сидит в наиболее удобной для него позе — вследствие той тренированности, которой обладает его тело, — со скрещенными ногами или в позе лотоса.

Тогда Хо Тай — просто одно из изображений, фигур или статуэток, созданных человечеством в разные периоды. Вы можете сказать, что достижение состояния Буддовости возможно для всех, не важно, король вы или простой человек, не имеет значения ваше положение в жизни, не имеет значения, богатый вы или бедный. Вы можете достигнуть состояния Буддовости, каково бы ни было ваше положение в жизни. Единственная вещь, необходимая для этого, — то, как вы живете. Живете ли вы в соответствии со Срединным Путем, в соответствии с правилом поступать по отношению к другим людям так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к вам? Если это так, то вы на пути к состоянию Будды.

Все эти дела с Буддой слишком часто неправильно понимаются, так же как и йога, йогин, лотос и т. д. Будда был Гаутама. Гаутама — это его имя. Может быть, будет полезно обратиться к христианской терминологии: Иисус был человек. Или можно сказать так: Иисус был одним из Христов. Вы можете быть подобны Христу, но вы не можете быть подобны Иисусу, правильно? Точно так же Будда — это состояние, статус,

конечный результат. То, что вдохновляло Будду, и то, чего он достиг. На самом деле, это этап эволюции, и все эти разные фигуры, которые многие несведущие люди называют «идолами», являются чем-то совсем иным. Это просто репрезентации, просто напоминания о том, что не имеет значения, аскет вы (Будда Спокойствия) или весельчак (Хо Тай), — все равно вы можете достигнуть состояния Будды, если будете жить в соответствии с правильными представлениями, то есть *Срединным Путем*, и будете поступать по отношению к другим людям так, как хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам.

Старый Автор откинулся назад, изнуренный работой. Его здоровье становилось все хуже, о чем свидетельствовал и инцидент с полицией, когда захлопнулась еще одна дверь к свободе на Земле. И сейчас он устал от писания.

Он включил на время добрый старый эддистоуновский коротковолновой приемник и послушал новости в мире, об Индии, Китае, Японии и России. Казалось, что все в мире говорят недоброе друг о друге. «Ах! — сказала мисс Клеопатра. — Зато у нас нет телевизора, и мы не смотрим все эти ужасы западных боевиков. Почему бы не показывать по телевизору хорошие новости вместо секса, садизма и всяких извращений?»

Мисс Клеопатра — мудрая кошка. Она посмотрела вниз и опять принялась умываться, хотя чище ее человека редко встретишь. «Послушай, — сказала она немного застенчиво, — послушай, ты ничего не забыл?»

Старый Автор сильно призадумался по поводу того, что же он мог забыть. И почему мисс Клеопатра сказала это так робко? «Нет, — сказал он наконец, — я не думаю, что я что-то забыл, но если *ты* так считаешь, тогда скажи мне, и мы попробуем с этим разобраться».

Мисс Клеопатра встала и, пройдя по Автору, уселась у него на груди. Это было ее любимое место, с которого она могла шептать ему прямо на ухо. «Послушай, — сказала она, — ты говорил раньше в этом разделе о животных, которых учили говорить, о шимпанзе. Но ты говорил мне как-то раньше, что никогда не следует цитировать что-то из другой книги, не приводя полное название книги и имя автора. Ты забыл об этом?»

Бедный Автор почти покраснел, хотя это было совсем не в его стиле. Он поклонился Маленькой Кошечке и сказал: «Клео, ты совершенно права. Сейчас я исправлю свою оплошность».

И он сделал ссылку на супругов-исследователей, носивших фамилию Гарднер, которые обучали шимпанзе языку жестов. Информация была получена из 170-й и 171-й страниц книги *«Body Language» by Julius Fast, published by M. Evans and Co. Inc., New York*.

Мисс Клео медленно поднялась, зевнула и, шевельнув кончиком хвоста, прошла по Автору обратно и улеглась в ногах. По-видимому, она была чрезвычайно удовлетворена тем, что она выполнила свою роль в том, чтобы ссылка была сделана там, где она должна была быть сделана. Теперь она уютно свернулась в клубочек и задремала. Ее уши тихо подрагивали от радости чистых и невинных снов.

ГЛАВА 9

В тени высоких скал сидела старуха и оплакивала свое горе. Бесконечно раскачивалась она всем телом и бросалась на бесплодную почву. Слезы пробороzdили глубокие канавки на ее вымазанных грязью морщинистых щеках, а глаза покраснели и опухли. Светившее солнце, казалось, принадлежит другому миру, а длинные тени, отбрасываемые скалами, лежали у входа в ее пещеру, как прутья темницы, заключавшей ее душу.

За пещерой река Ялу неустанно струила свои воды с высокогорий Тибета в Индию, образуя священный Ганг, а потом дальше, к могучему морю. И каждая капля ее была как душа, устремляющаяся в вечность. Воды ревели, вздымаясь между высокими скальными

берегами, перекатывались через пороги в глубокие-глубокие омуты и, бушуя, неслись дальше.

Дорога между горной стеной и бушующим потоком была гладкой, ее хорошо утрамбовали людские ноги на протяжении столетий. Красно-коричневая глина, возможно, напомнила бы западному наблюдателю шоколад, такой коричневой и гладкой она была. Огромные камни, разбросанные в беспорядке по обеим сторонам тропы, тоже были красно-коричневые, а этот цвет говорит о насыщенности породы железной рудой. В прозрачном озерке, питавшемся тоненькими ручейками, сочащимися с гор, поблескивали крупинки золота. Золота из сердца гор.

Высокий мужчина с маленьким мальчиком степенно ехали по вьющейся у скал дороге. Маленькие пони устали, весь день брели они из небольшого ламаистского монастыря, крыши которого, сверкающие под лучами солнца, еще можно было разглядеть далеко на западе. Мужчина в шафрановой мантии ламы огляделся в поисках подходящего места для ночлега.

Вход в пещеру неясно вырисовывался сквозь скрывающие его цветы рододендронов. Лама сделал знак остановиться и слез с пони. Второй пони тут же остановился рядом, и мальчик от неожиданности перелетел через голову животного. Отвязав мешок, Лама шагнул в пещеру.

Раскачиваясь взад-вперед, старая женщина громко стонала, поглощенная своим горем. «Что с тобою, Мать?» — мягко спросил Лама. Вскрикнув от ужаса, женщина вскочила на ноги и при виде Ламы упала лицом наземь. Он осторожно нагнулся и помог ей подняться. «Мать, — сказал он, — сядь рядом со мной и расскажи мне, что привело тебя в такое отчаяние. Может, я смогу тебе чем-то помочь».

Наощупь вошел ученик, держа перед собой мешок с вещами. Не заметив каменного выступа, он споткнулся и растянулся на полу. Старая женщина взглянула вверх и внезапно рассмеялась. Лама вывел мальчика наружу, сказав ему: «Мы будем ночевать в другом месте, присмотри пока за пони». Повернувшись опять к старухе, он сказал: «Теперь расскажи мне, что привело тебя в такое отчаяние».

Старая женщина сцепила руки и сказала: «О, Святой Лама, вот моя история, помогите мне. Только вы можете сказать мне, что делать».

Лама сел рядом с ней и ободрительно кивнул ей, говоря: «Да, Мать, возможно, я смогу помочь тебе, но сначала ты должна рассказать мне о своих трудностях. Ты ведь не из нашей страны, правда? Не пришла ли ты из страны чая?»

Старуха кивнула и ответила: «Да, мы перебрались в Тибет. Мы работали на одной из чайных плантаций, но нам там не нравилось, некоторые западные люди обращались с нами очень плохо. Мы должны были собирать так много чая, а они все говорили, что в нем слишком много палочек. Поэтому мы пришли сюда и стали жить здесь у дороги».

Лама внимательно выслушал и сказал: «Но расскажи мне, что еще ты знаешь».

Старая женщина сцепляла и расцепляла руки, казалось, она была в чрезвычайной нерешительности. Потом она сказала: «Со мной жили мой муж и двое сыновей. У нас неплохо получалось помогать торговцам переходить вброд через реку немного ниже по течению, потому что мы хорошо знали, где находятся камни, по которым нужно переходить, и мы расставили их так, чтобы точно знать, как по ним переходить, чтобы не упасть в реку и не попасть в порог. Но вчера мой муж и сыновья полезли вверх по стене ущелья. Там птицы отложили много яиц, и мы хотели насобирать их».

Она остановилась и опять принялась плакать. Лама положил ей руку на плечо, чтобы успокоить. Он мягко надавил рукой у основания шеи. Ее рыдания тотчас утихли, и она возобновила свой рассказ.

«Они набрали много яиц и положили их в небольшую кожаную сумку, и тогда — я не знаю, что точно произошло — мой муж, по-видимому, потерял равновесие, из-под его ноги покатился камень, и он упал вниз. Он покатился по скалам».

Она начала было опять рыдать, но потом встряхнула головой, словно отгоняя

плохие воспоминания, и продолжила:

«Мой муж перевернулся, падая, и ударился головой о те камни. Несчастный, — сказала она, — это всегда было его самое слабое место. Раздался ужасный хруст и шлепок — хлоп! — а потом такой звук, будто наступили на связку хвороста».

Лама доброжелательно кивнул и жестом предложил женщине продолжить.

«Но сыновья мои на скале тоже были в опасности. Один из них попытался схватить сумку с яйцами из рук отца и тоже оступился. Второй сын попытался схватить яйца или брата — я не знаю, что — и упал тоже, и начался небольшой обвал. Оба мальчика упали, и они ударились о камни вот там, хлоп, хлоп, вот так!»

Она опять взорвалась истерическим хохотом, и Ламе потребовалось некоторое время, чтобы привести ее в чувство. Наконец она снова могла продолжать свою историю.

«Но как они ударились! Я никогда этого не забуду. Сначала был этот мокрый шлепок, а потом хруст и раскалывающийся звук, и вот я потеряла мужа и двух сыновей, и даже яйца все разбились. И теперь я не знаю, что делать. Жить здесь так тяжело».

Она остановилась и издала полный муки крик. Потом сказала:

«Проезжающий торговец помог мне немного их распрямить, хотя это и оказалось непросто. Они превратились просто в мягкую массу, их можно было складывать, как одежду. Наверное, ни косточки не осталось целой. Потом мы с торговцем стояли там, спустилась стая стервятников, и мы ужаснулись, как они за них взялись. Вскоре, казалось, быстрее, чем это возможно, ничего не осталось от моего мужа и двух сыновей, кроме голых костей, и они были разбиты на мелкие-мелкие кусочки».

Лама мягко похлопал ее сзади по шее, потому что она опять начала поддаваться истерике. Он мягко держал ее шею и легонько надавливал на нее. Женщина выпрямилась, и кровь вернулась к ее щекам.

«Ты рассказала мне достаточно, — сказал Лама. — Не терзай себя».

«Нет, Святейший Лама, мне лучше выбросить все это из памяти, если бы вы только согласились меня выслушать».

«Хорошо. Тогда расскажи мне все, что ты хочешь рассказать, а я буду тебя слушать», — отвечал Лама.

«Не знаю, как долго стояли мы с торговцем, глядя, как стервятники обчищали поломанные кости. Потом — мы ведь не можем оставить кости разбросанными на дороге, правда? Мы собрали все кости в корзину и бросили их в реку. Все они покатались через порог. Теперь у меня нет ни мужа, ни сыновей, ничего у меня нет. Вы, тибетцы, верите в Священные Поля, мы — в нирвану, но я так мучаюсь от отчаяния, так напугана. Мне осталось только тоже покинуть этот мир, но я боюсь». Лама вздохнул и пробормотал, наполовину для себя: «Да, все хотят попасть на Небесные Поля, но никто не хочет умирать. Если бы только люди могли помнить, что, хотя они проходят через Долину Тени Смерти, им не встретится зло, если они не будут его бояться». Он обернулся к старой женщине и сказал: «Но вы ведь еще не собираетесь покинуть эту Землю. Чего же вы так боитесь?»

«Жизни! — ответила она отрывисто. — Жизни. Ради чего мне жить? Нет мужчины, который будет заботиться обо мне. Как я буду жить, что я буду есть, что может делать в этой стране одинокая женщина, старая женщина, которая уже не нужна мужчинам? Что я могу сделать? Я бы рада умереть, но я боюсь смерти. У меня никого нет. И когда я умру — что тогда? Моя религия, которая отличается от вашей, учит, что, когда я перейду в другую жизнь, если она действительно есть, я соединюсь со своей семьей и мы будем снова вместе. Но как это может быть, ведь если я проживу еще несколько лет, члены моей семьи станут старше и отдалятся от меня. Я просто в отчаянии. Я боюсь, и я не знаю, чего я боюсь».

Она импульсивно протянула руку и схватила руку Высокого Ламы. «Вы можете сказать мне, с чем я встречу после смерти?» — спросила она дрожащим голосом. — Можете ли вы мне сказать, почему я не должна броситься со скалы и умереть, как умер

мой муж, как умерли мои сыновья? Вы можете мне сказать, почему я не должна этого делать и как я объединюсь с ними? Мы были бедными, простыми людьми, но мы были по-своему счастливы все вместе. У нас никогда не хватало еды, но мы выживали. А сейчас я — одинокая старая женщина, не имеющая ничего. Почему, Святой Лама, я не должна покончить со своим горем? Почему я не должна отправляться к своей семье? Можешь ли ты сказать мне это, о Святейший Лама?»

Она обратила к Ламе умоляющий взор. Полный сочувствия, он взглянул на нее и сказал: «Да, Мать, очень может быть, что я помогу тебе информацией. Но прежде скажи мне, ела ли ты сегодня что-нибудь?»

Не говоря ни слова, она покачала головой. Ее воспаленные глаза наполнились слезами, а губы дрожали от переполнявших ее переживаний.

«Мы попьем чаю и поедем тсампы, — сказал Лама, — тогда у тебя прибавится сил, и мы сможем поговорить о тех вещах, о которых я знаю, что они истинны».

Он поднялся и, подойдя к краю пещеры, позвал мальчика.

«Собери немного дров и разожги огонь, — сказал он. — Сначала мы выпьем чаю и съедем тсампы, а потом мы с тобой будем разговаривать с Матерью. Нам нужно исполнить свой долг и попытаться принести ей утешение с помощью истинной религии».

Мальчик отправился на поиски дров. Здесь не было недостатка в дровах, и, бродя между больших камней, он думал о том, как было бы хорошо, если бы столько же дров было и в Долине Лхасы, лежавшей в тысячах футов выше. Он бродил вокруг, собирая самые сухие сучья, и насобирал солидную кучу дров.

Немного выше, на гребне одной острой скалы, он увидел нечто привлекавшее его жадный интерес. Он осторожно взобрался приблизительно на пятнадцать футов и протянул руку за странным предметом, который там находился, — какой-то блестящей вещью с прикрепленными к ней черными нитями. Схватив ее, он в ужасе отпрянул и скатился вниз по склону. В руке у него была часть скальпа одной из жертв. Скатываясь по склону, он зацепился за рододендроновое дерево, которое и остановило его падение. От его падения поломалось много веток, и за это он тоже был благодарен дереву, это значительно облегчило его работу. Он перевернул в руке предмет, который он сжимал, несмотря на падение. Черные волосы, клочок кожи и обломок черепной кости. Бросив дрова, он изо всех сил помчался к реке и забросил это в сторону края порога. Потом опустил в воду руки, чтобы помыть их, потряс ими в воздухе, чтобы высушить, и побежал обратно собирать дрова.

С обильной ношей возвратился он к пещере и сложил возле нее большую кучу сучьев и маленькую кучу дров покрупнее. Взяв кремь и кресало, он стал выбивать искры, пытаясь поджечь дрова, на которые попала вода с его еще влажных рук.

Лама и старая женщина выглянули из пещеры. Лама улыбнулся, глядя на старания мальчишки, а старуха, в желудке которой заурчало от голода, проговорила: «Чик, чик, чик» — и бросилась к куче дров, забыв о своем горе. Теперь она превратилась в хозяйку очага, показывающую этому мальчику, как нужно зажигать огонь. Она быстро достала из своих небольших запасов сухих дров и выбила целый рой ярких искр. Став на колени, она стала сильно-сильно дуть, и дрова вдруг вспыхнули языками пламени, которые жадно потянулись к куче с тонкими сучьями. Сияя от удовлетворения, она поспешила назад к пещере за уже наполненным водой котелком.

Мальчик угрюмо посмотрел ей вслед, размышляя, почему это всегда женщины вмешиваются, когда мужчины отлично что-то могут сделать сами? Почему женщины всегда вмешиваются и, пожиная плоды тяжелого труда мужчины, забирают себе всю накопленную таким образом хорошую карму? Он раздраженно пнул ногой камешек и потащился наверх между скалами за новой порцией дров. «Не знаю, насколько небрежно эта старуха обращается с дровами, — подумал он, — а потому запасу-ка я их побольше».

У основания одной нависающей скалы он обнаружил чашку и маленькую шкатулку для косметики, а также разодранный кусок ткани. Увидев это, он решил, что это

дьявольская западня. Размышляя об этом, он вспомнил, что что-то где-то было украдено, и он сочинил целую историю. «Ара! — подумал он. — Они добывали деньги тем, что воровали, тайно проносили украденное в Индию и там продавали западным людям как сувениры». Он засунул за пазуху чашу, кусок ткани и шкатулку и, расставив руки, взял в охапку большой пучок дров и поплелся неверной походкой вниз, не видя перед собой дороги.

Старуха опять суежилась у костра и, как и предполагал бедный мальчик, накладывала в него столько дров, словно их для нее собирала целая община монахов, а не один маленький мальчик. Он бросил кучу принесенных дров прямо возле нее, в тайной надежде, что она споткнется и упадет в огонь, и тогда ему не придется так тяжело работать. Затем мальчик повернулся и подошел к Ламе, доставая чашу, шкатулку и клочок ткани.

«Это мое, мое, это принадлежало моему мужу!» — закричала женщина, вскочив на ноги так быстро, как будто она собиралась взлететь. Она бросилась к мальчику и отобрала у него вещи, жадно глядя на них. «Это единственное, что есть у меня, чтобы напоминать о нем». Сказав это, она спрятала вещи на грудь и повернулась к огню. Слезы полились из ее глаз.

Мальчик угрюмо посмотрел на Ламу и проворчал: «Надеюсь, она не станет бросать все это в тсампу. Мне никогда не нравилась такая тсампа».

Лама повернулся и опять вошел в пещеру, чтобы погасить свое веселье, угрожавшее разрушить его серьезный вид.

Вскоре Лама, мальчик и старая женщина сидели каждый сам по себе и ели тсампу и пили чай, поскольку у членов святых орденов в Тибете есть правило есть в одиночестве или только в компании самых близких людей. Их скудная трапеза вскоре закончилась, и Лама, мальчик и старая женщина почистили свои чашки мелким песком, сполоснули их в реке и положили их обратно в карманы своих одежд.

Тогда Лама сказал:

«Подойди, Мать, сядь у огня и давай посмотрим, что можно сделать, чтобы обсудить и решить твои проблемы».

Он повернулся и бросил горсть щепок в шипящее пламя. Мальчишка угрюмо смотрел на то, как быстро уходят дрова. Лама взглянул на него с улыбкой и сказал:

«Верно, хорошо бы принести пару связок дров, нам нужен будет здесь огонь. Без тебя никак!»

Мальчик развернулся и побрел в поисках дров и всякого другого, что может еще подвернуться. Лама и старая женщина начали разговор.

«Мать, — сказал Лама, — твоя религия и моя имеют разную форму, но все религии разными дорогами ведут *Домой*. Не имеет значения, во что мы верим и как мы верим, главное — что мы *верим*, потому что истинная религия с той умственной и духовной дисциплиной, которую она требует от своих последователей, — единственное спасение и для ваших людей, и для наших».

Он остановился и взглянул на нее, затем продолжил:

«Значит, у тебя были плохие мысли о том, чтобы убить себя, так? Понимаешь, это не решение. Если ты убиваешь себя, совершаешь самоубийство, ты только увеличиваешь свои проблемы, а не решаешь их».

Старая женщина подняла на него глаза, потому что он был высокого роста, а она — очень маленького. Она смотрела на него, стиснув руки. Заламывая руки, она сказала:

«О да, говорите со мной. Я темная, я ничего не понимаю, ничего не знаю. Да, я думала о том, чтобы убить себя, бросившись в реку, чтобы разбиться о камни порога внизу так же, как муж и сыновья разбились о камни, упав со скалы».

«Самоубийство не является ответом, — сказал Лама. — Мы пришли на эту Землю, чтобы учиться, чтобы развивать свои бессмертные души. Мы пришли на эту Землю, чтобы встретиться с определенными условиями, возможно, тяготами бедности, возможно, с

искушениями, которые появляются у богатых. Нельзя думать так, что деньги и собственность могут освободить человека от беспокойств. Богатые тоже умирают, богатые тоже болеют, богатые тоже подвергаются преследованиям и страдают от массы проблем, которые не известны бедным. Мы приходим на эту Землю и выбираем свое место в жизни в соответствии с той задачей, которую мы должны выполнить, и если мы совершаем самоубийство, если убиваем себя, то становимся подобны разбитой чашке. А если ты разобьешь чашку, Мать, как ты будешь есть? Если ты разобьешь кремень и кресало, где ты возьмешь искры, чтобы поджечь дрова? Как ты сможешь тогда выжить?»

Старая женщина молча кивала, как будто полностью соглашаясь, и Лама продолжил:

«Мы пришли на эту Землю, наперед зная, какими будут наши проблемы, зная, какие трудности предстоит преодолеть, и если мы совершаем самоубийство, мы нарушаем условия, которые сами же себе создали для своего совершенствования».

«Но, Лама! — воскликнула женщина вне себя от боли. — Может, мы и знали, какие условия выбрали для себя, пока были на Другой Стороне, но почему же мы не знаем этого сейчас, когда мы на Земле, и если мы не знаем, почему мы здесь, как можно обвинять нас в том, что мы не делаем того, что мы должны были бы делать?»

Лама улыбнулся ей и сказал:

«О, как часто задают этот вопрос! Все спрашивают одно и то же. Обычно мы не знаем, какую задачу мы должны выполнить на этой Земле, потому что, если бы мы знали это, мы отдали бы всю свою энергию на выполнение этого — не важно, насколько это бы приносило неудобства другим. Мы должны выполнять свою задачу и одновременно помогать другим. Во все времена мы должны жить в соответствии с правилом: «Поступай так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе», и если в эгоистичной поспешности выполнить собственную задачу мы нарушаем права других, то этим мы только создаем себе дополнительные задания, которые нам предстоит выполнить. Поэтому для большинства людей лучше, когда они не знают, какую задачу им нужно выполнить, — не знают, пока находятся на Земле».

Крик мальчика прервал разговор: «Смотрите! — кричал он. — Что я нашел!»

Он появился, держа в руках золотую фигурку. Она была такая тяжелая, что ему приходилось идти очень осторожно, чтобы не уронить ее себе на ноги.

Лама поднялся и, вставая, бросил взгляд на старуху. Она стояла позеленевшая, с открытым ртом и выпученными глазами. Это было воплощение совершенного ужаса. Лама взял фигурку у мальчика. Перевернув фигурку, он посмотрел на метку на основании.

«Ага! — сказал он. — Это одна из фигурок из небольшого монастыря вон там наверху. Туда ворвались грабители, и это одна из тех вещей, которые они унесли».

Он обернулся и посмотрел на старуху, которую душил страх.

«Я вижу, Мать, что ты ничего не знала об этом. Я вижу, что ты подозревала, что твой муж и сыновья делали что-то, что не должны были делать. Я вижу, что, несмотря на подозрения, ты ничего не знала наверное и не принимала в этом участия. Поэтому не бойся. Тебя не будут наказывать за грехи, совершенные другими».

Он обернулся к мальчику и сказал:

«Тут должно быть еще золото, а также драгоценные камни. Мы пойдем туда, где ты нашел это, и поищем кругом, чтобы найти остальные пропавшие предметы».

Старая женщина долго заикалась и запинаясь и наконец выдавила из себя:

«О Великий и Святейший Лама, я знаю, что мой муж и сыновья что-то делали у подножия вон той скалы, — показала она. — Я не знаю, что они там делали, я не спрашивала, но я видела их вон там, недалеко от того места, где они упали».

Лама кивнул, и они с мальчиком отправились туда вместе.

«Это там, где я нашел эту штуку. Она торчала из песка, поэтому я подобрал ее».

Они опустились на колени и, взяв плоские камни, принялись копать песчаную почву. Вскоре они наткнулись на что-то твердое и, осторожно опустив руки в землю,

нащупали большую кожаную сумку, в которой, к их восторгу, лежали драгоценные камни и кусочки золота. Они копали и перебирали песок руками, чтобы убедиться, что в земле ничего не осталось. Наконец они нашли все украденные предметы, и Лама был удовлетворен. Они поднялись и пошли назад к огню, у которого все еще сидела старая женщина.

«Завтра, — сказал он, — ты отнесешь все это обратно в монастырь. Я дам тебе письмо к настоятелю монастыря, и он выдаст определенную сумму денег как награду за возвращение этих предметов. Я ясно дам ему понять, что ты невинна. И с этой суммой денег ты сможешь отправиться к вашему прежнему дому в Ассаме, где, возможно, у тебя остались родственники или друзья, с которыми ты сможешь жить. А сейчас давай поговорим о других твоих проблемах, потому что духовные вещи важнее вещей материальных».

«Святой Лама, — сказал мальчик, — может, нам выпить еще чаю, пока вы будете разговаривать? Я очень хочу пить после всей этой тяжелой работы и волнений. Я бы выпил еще чаю».

Лама засмеялся, и отправил мальчика к реке за водой, да — они выпьют еще чаю.

«Мать, — спросил Лама, — что же еще так беспокоит тебя? Ты что-то говорила про соединение со своей семьей».

Старая женщина вздохнула, испытывая горе и страх, и сказала:

«Святейший Лама, я потеряла мужа и сыновей, и даже если они ограбили храм, все равно они мои муж и сыновья, и я хотела бы знать, встречу ли я с ними в другой жизни».

«Конечно, — сказал Лама. — Однако много непонимания существует из-за того, что люди на этой Земле думают, что все в мире происходит одинаково. Люди не любят перемен. Они не любят ничего незнакомого. А на Другой Стороне — все по-другому. Здесь на Земле у тебя был муж, а потом появился сын — ребенок. Позже у тебя родился еще один ребенок. Дети подросли и стали маленькими мальчиками, потом молодыми юношами, они все время росли, а не оставались такими же. Это потому, что ты пришла на Землю и они пришли на Землю, чтобы все вы были вместе. Но твой сын на этой Земле может не оказаться твоим сыном в следующей жизни. Человек приходит на Землю, чтобы сыграть определенную роль, выполнить определенное задание. Здесь ты женщина, но на Другой Стороне ты можешь стать мужчиной, а твой муж окажется женщиной».

Старая женщина ошеломленно глядела на Ламу. Было видно, что она не воспринимает сказанных им слов. Это было выше ее понимания. Заметив это, Лама продолжил:

«В Ассаме, когда ты была девочкой, возможно, ты видела представления, посвященные Матери-Природе, связанные с культом плодородия. Актерами были знакомые тебе люди, и все же, когда они выходили на сцену, они были похожи на других людей, они были накрашены и одеты, чтобы выглядеть как другие люди, чтобы выглядеть как боги и богини, и ты не могла узнать, кто они на самом деле. На маленькой сцене исполняли они свои роли, становясь в разные позы и меняя выражение лица, а потом исчезали со сцены, чтобы вскоре вновь появиться среди вас как обычные люди. Они уже не были богами, богинями или демонами, играющими в спектакле, они были просто знакомыми тебе мужчинами и женщинами, твоими друзьями, соседями и родственниками.

То же происходит, когда мы приходим на эту Землю. Вы проживаете роль, вы — актеры. Люди, которые пришли как твой муж и дети, были актерами. В конце спектакля, в конце вашей жизни, вы вернетесь обратно и станете тем, кем были до того, как пришли на эту сцену—Землю, и люди, которых вы встретите на Другой Стороне, — это люди, которых вы любите, потому что вы можете встретить только тех, кто хочет увидеть вас и кого хотите увидеть вы. Вы можете встретить только тех, кого вы любите. Ты не увидишь своих сыновей как маленьких детей, ты увидишь их такими, какими они есть на самом деле. И все же вы будете семьей, ведь люди приходят группами, и что есть семья, как не группа?

ГЛАВА 10

Итак, неделя подошла к концу, как это бывает со всеми неделями. Старый Писатель облегченно вздохнул при мысли, что сегодня не должно быть почты, поскольку по субботам в Монреале почту не разносят. Поэтому в то время, когда высокооплачиваемые почтальоны отдыхали в загородных домиках или рыбачили на своих лодках, Старый Писатель вернулся в постель и принялся раздраженно обдумывать те вопросы, на которые все еще предстояло найти ответы. Так время от времени возникал такой вопрос:

—Для меня важнее всего знать, куда я иду. Когда человек рождается, вы говорите что-то вроде того, что ребенку дает рождение мать, но *Серебряная Нить* остается прикрепленной к нему. Вы утверждаете, что Высшее Я представляет собой девять десятых подсознательного, или, скажем так, закулисную часть Человека. Прекрасно, и коль скоро это так, обратимся к человеку. С самого начала он ограничен своей одной десятой и, таким образом, большую часть жизни бегает по кругу в потемках. Человек умирает — он выполнил свои обязанности перед Высшим Я, — *Серебряная Нить* рвется и он остается предоставленным самому себе. ЧЕМ ВЫСШЕЕ Я ВОЗНАГРАЖДАЕТ ЕГО ЗА ТРУДЫ?

Ну хорошо, давайте поговорим об этом. Да, на этот вопрос можно ответить. Но вы должны помнить, что Высшее Я — это настоящий *вы*, и оно — говоря земными словами — слепо, глухо и неподвижно, но, разумеется, только если говорить об этой низменной Земле. Высшее Я хочет знать, что представляют собой вещи на этой Земле, ему нужна быстрота ощущений, потому что в том мире, где оно обычно живет, скорость изменения вещей такова, что дню соответствует тысячелетие или что-то вроде. Именно поэтому в одном из христианских гимнов говорится о том, что тысячелетие есть миг. Но как бы там ни было, Высшее Я может быть уподоблено человеческому мозгу. Оно побуждает человека, а то и не одного, совершать определенные поступки и переживать определенные вещи, и все ощущения возвращаются в «мозг» — Высшее Я, которое затем само испытывает от этих ощущений страдание или наслаждение.

Как вы знаете, мы испытываем трудности от того, что имеем на этой Земле дело всего лишь с тремя измерениями и пользуемся всего лишь трехмерными терминами; как же мы можем овладеть категориями, требующими, например, девяти измерений?

Вы спрашиваете, чем Высшее Я вознаграждает человека за все его труды, но здесь уместно ответить вопросом на вопрос: чем вы вознаграждаете свои пальцы за то, что они поворачивают дверную ручку и открывают вам двери? Чем вы платите своим ногам за то, что они переносят вас в соседнюю комнату, в автомобиль или поднимают вас по лестнице? Каким образом вы расплачиваетесь со своими глазами за то, что они посылают в ваш мозг столь прекрасные картины? Помните: если «вы» — это мозг и зависимы от рук и ног, носа и глаз, то эти органы в своем существовании зависимы от вас. Не будь вас, не было бы ни этих рук, ни ног, ни носа, ни глаз. Это абсолютно коллективное взаимодействие.

Когда ваши пальцы помогают прикурить сигарету, они не наслаждаются табачным дымом; возможно, это делает другая часть «вас», но как бы там ни было, ваши прочие органы не говорят пальцам по этому поводу слов благодарности и не делают им дорогих подарков. Но пусть даже вы захотели бы вознаградить свои пальцы, как бы вы сделали это? Что вы можете дать пальцам такое, что доставило бы им удовольствие и стало бы для них адекватным вознаграждением? И если настоящий «вы» — это мозг, то что может зависимый от пальцев мозг предпринять с тем, чтобы вознаградить их? Быть может, вы заставите левую руку сделать подарок правой, а правую — преподнести ответный дар левой?

Всегда помните о том, что направлением своей деятельности пальцы обязаны

мозгу, они обязаны «вам». Поэтому бессмысленно говорить о вознаграждении, ведь точно так же, как пальцы являются частями целостного организма, *вы* — лишь часть организма, образуемого продолжениями Высшего Я. На этой Земле вы являетесь лишь ответвлением, подобно тому как, просунув руку в окно, вы можете ощущать вещи в комнате, куда не проникает ваш взгляд. Итак, если говорить о вас, то вы действуете ради себя самого. Все, что вы делаете, идет на пользу вашему Высшему Я и, таким образом, на пользу вам, ибо вы — это та же сущность, или же ее часть.

Тот же любопытствующий задал еще один правомерный вопрос:

— Если вышеупомянутого человека ожидает перевоплощение, то возвратится ли он к прежнему Высшему Я или обретет новое? Является ли он разновидностью или неотъемлемой частью Высшего Я? Происходит ли дело так, что человек вдруг оказывается наделен другими девятью десятыми своего сознания, или как-либо иначе?

Ответить на это можно так. Ваш вопрос, по сути, сводится к следующему: предоставляет ли Высшее Я то же тело или ту же душу? Предположим, что вы поранили руку. Вы же не получите новую, не так ли? Рука или, скорее, рана, заживает поскольку является частью вас, поскольку ваш мозг дает ей команду на заживление, которое происходит посредством процесса соединения. Люди — существа целостные, так и ваше Высшее Я может обратить свои ответвления к Земле; ответвления же эти — люди — представляют собой что-то вроде щупалец осьминога: отрежьте такое щупальце, и оно вновь отрастет.

Ой-ой-ой! Какая путаница царит в отношении этого Высшего Я! Предыдущие главы этой книги должны были в какой-то мере прояснить данный вопрос, но для того, чтобы пролить на него еще больше света, давайте представим себе большое существо, обладающее способностями, нам пока непонятными. Это существо способно мыслить и с помощью мысли перемещать свои отростки — назовем их псевдоподиями, — куда ему вздумается. Так и наше Высшее Я способно, оставаясь в одном месте, направлять свои ответвления прочь от основного тела, но сохранять при этом с ними связь; ответвления же эти заканчиваются узлами осознания, которые могут воспринимать вещи посредством осязания, зрения. Такие узлы являются лишь приемниками, настроенными на различные частоты.

Все представляет собой энергетические вибрации. Нет ничего, кроме вибраций. Если предмет кажется нам стационарным, это значит лишь, что он вибрирует с одной определенной частотой. Если он движется — значит, он вибрирует быстрее. И даже если вещь мертва, она все равно совершает колебания, которые прекращаются лишь тогда, когда тело распадается на несколько отдельных вибраций.

Мы воспринимаем вещь независимо от того, неподвижна она или движется. Мы осязаем и ощущаем ее, потому что она совершает определенные колебания, которые могут быть восприняты и интерпретированы одним из наших узлов, настроенных на соответствующую частоту; иными словами, мы чувствительны в смысле *осязания*.

Другая же вещь вибрирует гораздо быстрее. Мы не можем осязать ее с помощью пальцев, но наше ухо улавливает ее колебания, и мы называем их *звуком*. Скорость их такова, что их воспринимает наш более высокочастотный узел, интерпретируя как высокий, средний или низкий звук.

Кроме того, существуют колебания и гораздо более высоких частот: мы не можем ни осязать их, ни слышать, но еще более чувствительные узлы, называемые глазами, способны воспринимать такие колебания и особым образом посылать их в наш мозг, так что мы получаем *изображение* вещи.

Практически то же мы видим и в радиотехнике. Можно слушать передачи на длинных волнах, представляющих собой довольно медленные колебания с низкими частотами, или же перестроиться на короткие волны, где колебания совершаются гораздо быстрее, и длинноволновый приемник не способен их уловить. Также можно еще выше

подняться по шкале частот, перейдя в диапазон частотной модуляции или УКВ, где передается телевизионное изображение. Телевизионный приемник не может принимать длинные и короткие волны, равно как и длинно- и коротковолновые приемники не могут принимать телевизионное изображение. Вот взятая из повседневной жизни иллюстрация того, каким образом мы можем использовать свои ответвления для восприятия конкретных частот. Подобным же образом Высшее Я использует свои узлы-псевдоподии — людей — для сбора интересующей его информации.

Ужасная мысль, способная, приди она к вам перед сном, заставить вас содрогнуться: мы видели, что люди делают для того, чтобы иметь возможность принимать радиопередачи в длинноволновом и коротковолновом диапазонах. Допустим, что Высшее Я считает эту Землю только длинноволновой, но оно ведь может выставить и более высокочастотные псевдоподии, правда? Вот временами вас и мучают ночные кошмары, когда каналы старого доброго Высшего Я перемикаются и вам являются большеглазые монстры и тому подобное. Да, бывает, знаете ли, и так.

Писатель взял в руки очередное письмо и вздрогнул. В комнате не было зеркал, но будь там хоть одно, оно показало бы, как он побледнел, как он страшно побледнел. Но из-за чего же? А что бы сказали вы по поводу такого вот вопроса:

— Хочу спросить вас вот о чем: если кукла может войти в мужское либо женское тело в зависимости от того, чему она хочет научиться, то почему мы всегда принимаем как данность то, что существо, бывшее Далай Ламой, в каждом воплощении является мужчиной? Несомненно, даже этому существу необходимо изменяться, если его цель — понимание вещей вообще, а не только с мужской точки зрения. Да и почему женщина не может достичь духовных высот в качестве ламы? Откуда такая дискриминация в Тибете, где, как я понимаю, мужчины и женщины равны (по крайней мере, были до прихода китайцев)?

И вновь на вопрос можно частично ответить вопросом. Уместно спросить: где и когда в истории Верховным Божеством была женщина? Можете ли вы, мои читатели, привести хоть один пример, когда женщина была Высшим Богом? Да, бывали богини, но они были «подчиненными» по отношению к богам. Согласно тибетским верованиям, Далай Лама был Богом на Земле, а Богини в этом качестве явно недостаточно. Он принимает вид мужчины, потому что этого требуют его обязанности. Но почему вы думаете, что Высшее Я Далай Ламы не обладает где-то еще также и женскими куклами, познающими другие вещи? Конечно же, обладает. Разумеется, им было многое познано также и с женской точки зрения.

Тот самый Писатель, о котором идет речь, обладает стойкими предубеждениями относительно некоторых вещей. Одно из них связано со слабоумной прессой, а другое — с так называемым Движением за освобождение женщин. Этот самый Писатель прочно уверен в том, что женщины выполняют в жизни очень важную работу, возвращая подрастающее поколение. Если женщины всего лишь перестанут обезьянничать, слепо копируя мужчин, — а они определенно пытаются делать это, в частности пытаются носить брюки, забывая о том, что их фигура не подходит для этого, — мир станет гораздо лучше.

Этот самый Писатель уверен, что большинством своих несчастий мир обязан тому, что женщины стремятся к «освобождению», как они это ошибочно именуют, вместо того чтобы взять на себя обязанности матерей. Они говорят, что хотят равенства, но разве они ущемлены? Кто важнее — собака или лошадь? Они разные создания. Мужчина и женщина — разные создания. Мужчина, скажем так, никогда никого не породил без помощи женщины, женщина же может дать жизнь без помощи мужчины путем партеногенеза. Так почему бы Движению за освобождение женщин не гордиться этим?

Какое доказательство равенства или даже превосходства может быть лучше того, что на женщин возложена обязанность породить и растить новое поколение людей? Мужское участие в этом деле занимает лишь несколько минут, женщина же должна растить детей до тех пор, пока они не смогут стоять на собственных ногах, и то, как

женщина воспитает их, тот пример, который она им подаст, определит, каким станет будущий народ. Но сегодня женщины стремятся уйти на фабрику, получив там возможность посплетничать, они хотят быть кем угодно, только бы не выполнять обязанности, к которым так хорошо приспособлены Природой. Освобождение женщин? По-моему, организаторам Движения за освобождение женщин следовало бы надавать пониже спины — и как следует!

Далее был задан вопрос, почему женщины не могут подняться до высот Ламаизма. Потому что женщины иррациональны, потому что они не способны ясно мыслить — вот почему. Потому что женщины позволяют своим эмоциям брать верх над разумом — вот почему. Если только женщины перестанут быть такими глупыми и обратятся к своим обязанностям, весь мир, вся Вселенная станет лучше.

На женщин возложена важнейшая задача, она состоит в том, чтобы оставаться дома, управлять домом и подавать пример для подражания будущим поколениям. Не достаточно ли женщинам этой задачи?

Еще один вопрос: какими курительными благовониями лучше пользоваться?

На это невозможно дать четкий ответ, поскольку это все равно что спросить: какую одежду лучше носить? какую пищу лучше употреблять? Нельзя сказать, что лучше, пока не отдаешь себе отчета в том, для чего это нужно. Но чтобы не отказывать в ответе полностью, позволим себе некоторые замечания. Вам следует попробовать благовония различных сортов и решить, какой из них лучше *для вас*, когда вы умиротворены, или же раздражены, или собираетесь медитировать. Решите, что лучше *для вас* в таких ситуациях и запаситесь благовониями соответствующих сортов.

Курительные благовония обязательно должны быть в виде толстых палочек. Тонкие практически бесполезны. Это похоже на воздействие музыкального звука: тонкий и пронзительный тон лишь раздражает человека, полнокровный же, насыщенный звук может умиротворять, способствовать душевному равновесию или же стимулировать. Поэтому никогда не соблазняйте тонкими курительными палочками. В противном случае вы просто зря потратите деньги. Палочки следует предпочитать порошкам и таблеткам. Где достать нужное вещество — ну, это отдельный разговор. Но, пожалуйста, запомните раз и навсегда, что такой вещи, как «благовония Рампы», не существует.

Лобсанг Рампа не отдает предпочтения ни одному поставщику и ни одному сорту благовоний. Очень многие используют рекламу вроде «товар от Рампы», но Лобсанг Рампа чужд коммерческим интересам как таковым. Время от времени люди спрашивают, где можно приобрести ту или иную книгу или что-нибудь еще, и в ответ получают соответствующий адрес, но речь в таких случаях идет об обычных поставщиках, никоим образом не связанных с Лобсангом Рампой.

Другие фирмы используют в своей рекламе словосочетание «Третий Глаз» и тому подобные, но следует еще раз подчеркнуть, что Лобсанг Рампа не отдает предпочтения кому-либо из них и вовсе не обязательно имеет с кем-то из них дело.

— Ох-хо-хо, — сказал Старый Писатель.

Мисс Клео сидела, выставив торчком ушки и растопырив усы, и всем своим видом изображала напряженное внимание. Старый Писатель улыбнулся ей и сказал:

— Вот послушай-ка, Кли. Мы получили письмо от журналиста. Он работает в «Там-сямской газете», которая выходит в городах Там-сям и Где-то-там. Он очень зол, Кли, поскольку прочел одну из книг Рампы о тщедушных газетчиках. Он полагает, что Пресса питается Божественным вдохновением, что Пресса имеет право писать о людях все, что ей вздумается, ибо делает святое дело. Святое дело, ты слышишь, Кли? — спросил Старый Писатель. — Этот газетчик хочет услышать от Лобсанга Рампы четкое разъяснение, какой вред наносит Пресса. Пресса, говорит он, творит только добро.

Пресса, как и телевидение, могла бы быть орудием величайшего блага. Но и то, и

другое потакают самому низменному в человеке — садизму, развращенности, предрассудкам и разнообразным грехам. Величайший упрек в адрес Прессы состоит в том, что она публикует сведения, не будучи уверенной в их достоверности. Она подхватывает сплетню и тут же выдает ее за непреложный факт, а если сплетня хороша, Пресса искажает ее, поскольку садизм и чувственность привлекают ее больше, чем что-либо доброе.

Пресса говорит о своей свободе — свободе печати, — но как насчет свободы личности? Коль скоро Пресса вправе писать о людях все, что ей вздумается, то люди, о которых она пишет, также должны иметь право на равную газетную площадь для опровержения той лжи, что о них написана. Вместо этого при малейшей попытке опровержения Пресса публикует вырванные из контекста фразы, которые в устах оклеветанного человека вызывают справедливое возмущение, на деле являясь смесью наугад (а то и не наугад) надерганных высказываний. Похоже, что только газетчики способны на такую дьявольскую хитрость.

Многие люди, не способные защитить себя, подвергаются нападкам Прессы. Так, Чарли Чаплин постоянно подвергался нападкам, причем самым бесстыдным. Другой пример — принц Филипп, он также не имел возможности оградить себя от наскоков Прессы. Так как насчет свободы печати? Как насчет свободы людей, на которых она нападает?

Пресса вызывает войны и расовую ненависть. Она публикует лишь то, что сенсационно и, предположительно, должно вызвать бурю. Не будь Прессы, возможно, не было бы войны во Вьетнаме. Не было бы войны в Корее. Не будь Прессы, подогревающей расовую ненависть, не было бы такого количества проблем во взаимоотношениях людей с разным цветом кожи; наконец,, Пресса причиняет массу беспокойства Правительству Соединенных Штатов, против его желания поднимая вопросы, о которых лучше помалкивать.

У всякого человека есть нечто, что он хотел бы держать при себе. У всякого человека найдется что-то, что в глазах членов его семьи выглядит нормальным, но постороннему, который не знает всех сопутствующих фактов и обстоятельств, может показаться чем-то из ряда вон выходящим. То же получается и с документами Пентагона, которые Пресса сейчас муссирует в качестве сенсации. Это вызывает беспокойство в Канаде, Англии, Франции и многих других странах — всего лишь из-за стремления журналистов заработать на своих газетах несколько лишних центов.

По мнению Писателя, Пресса — самая злая сила, когда-либо существовавшая в мире; по его мнению, если Прессу не ограничивать, не контролировать и не подвергать цензуре, она в конце концов захватит власть над миром и приведет нас к коммунизму.

Старый Писатель вновь прилег и, улыбнувшись мисс Клеопатре, сказал:

— М-да, Кли, хотел бы я знать, примет ли этот ужасный человек, этот репортер из газеты X... города Y... все это близко к сердцу. Я очень надеюсь на это. Если бы он бросил работу в Прессе и занялся чем-то более пристойным, это могло бы стать первым шагом к его спасению.

Но оставим Прессу в стороне и вернемся к нашим вопросам. Они нескончаемы, тебе не кажется? Но это говорит о том, что существует огромная потребность в каком-либо источнике, из которого можно получить на свои вопросы хотя бы частичные ответы.

Вот несколько вопросов, присланных из Англии, и ответы на них:

«Можно ли усыплять животное, если оно страдает от болезни и, возможно, неизлечимо?»

Если вы буддист, вам не следует отнимать жизнь, но есть вещи большие, чем какая-либо традиционная религия, будь то буддизм, христианство, иудаизм, индуизм или что-то еще, — это то, что можно назвать обязанностями перед Высшим Я. По мнению

Писателя, по отношению к животному определенно милосерднее безболезненно умертвить его, если при нынешнем состоянии ветеринарии оно неизлечимо.

Если животное страдает от такой болезни, что ветеринарная наука не в состоянии облегчить его страдания, то лучше попросить ветеринара умертвить его настолько безболезненно и настолько быстро, насколько возможно. Это милосердно. Сам Писатель имеет по части боли весьма и весьма богатый опыт, получив в этом отношении гораздо больше причитающейся ему доли, а потому он приветствовал бы ту могущественную силу, которая навсегда избавила бы его от боли.

Самоубийство же — нечто совсем другое. Самоубийство — это плохо. Самоубийство — это очень, очень плохо, и те, кто его совершает, поистине утратили душевное равновесие вследствие огорчений, боли или других обстоятельств, затмивших их разум. Эвтаназия* не есть самоубийство, поскольку она является следствием решения зрелого рассудка, не подверженного непосредственному воздействию болезненных чувств и не охваченного ими, рассудка, над которым не тяготеет жалость к себе и боль. Самоубийство, по убеждению Писателя, непоправимая ошибка, и к нему никогда не следует прибегать.

Если животное больно, его нужно избавить от страданий. Если человек болен неизлечимо, находится в преклонном возрасте, если он в тягость окружающим, то ему должна быть доступна какая-либо форма эвтаназии. Свое решение он при этом должен иметь возможность обсудить с кем-то, кто лично не заинтересован в этом вопросе.

* Добровольный, быстрый и безболезненный уход из жизни. — *Прим. перев.*

Следующий вопрос в какой-то мере связан с только что обсужденным и звучит так:

«Возможно ли, что животное будет возвращено человеку еще при его жизни?»

Ответ на это будет, несомненно, утвердительным, если только это на благо животному. Например, — это, разумеется, пример чисто гипотетический, и его не следует воспринимать чересчур серьезно, — если животное избавили от страданий, не дав ему умереть своей смертью, то вполне возможно, что оно решит вернуться в ту же семью в облике котенка или щенка и прожить там тот отрезок времени, которого оно было лишено в результате усыпления. Такое случается. Но разумеется, если животное находится По Ту Сторону жизни и его «хозяин» может совершать астральные путешествия, то они могут встретиться, *только если оба хотят этого.*

Следующий вопрос такой:

«Имеет ли ауру астральная форма или же только физическая?»

Физическая форма, основная форма на нашей Земле, имеет эфирное тело и ауру. И то, и другое являются лишь отражениями жизненной формы. Многие люди — большинство — не могут видеть ауру, поскольку слишком к ней привыкли: точно так же большинство людей не видят воздуха, среди которого живут; все они способны видеть смог — в этом отношении сегодня посмотреть есть на что.

В астральном мире аура гораздо ярче вокруг астральных тел, и чем сильнее развито астральное тело, тем интенсивнее аура сверкает, вспыхивает и переливается. Поэтому ответить можно так: да, совершенно определенно, аура вокруг астральных тел есть. Но точно так же, как на Земле есть люди, не способные видеть ауру, в нижнем астрале есть такие, которые не могут видеть астральную ауру. По мере развития такого «невидящего» это дается ему все легче.

Этот человек из Англии задает умные вопросы! Это очень интеллигентная англичанка (ты слышишь, Читатель? Я похвалил женщину!).

«Позволительно ли, — спрашивает она, — использовать сведения, полученные из Хроник Акаши, для написания истинной истории древних цивилизаций и истинных биографий знаменитых личностей?»

Нет, потому что вам никто не поверит. Древняя история может лишь случайно оказаться похожей на историю писаную. История писалась, переписывалась и уничтожалась по прихоти диктаторов и им подобных. Ярким современным тому примером является история нацистской Германии. Общеизвестно, что ее история была несколько переиначена, так что Гитлер предстал не совсем тем, чем был на самом деле. Также общеизвестно, что в угоду коммунистическим диктаторам была переиначена история России. Поэтому, если вы напишете правду, почерпнутую из Хроник Акаши, вы столкнетесь с тем, что вам не поверят, так как между написанным вами и официальной историей той или иной страны будет огромная разница.

Что касается биографий и тому подобного, то написавший правду часто не может ее опубликовать, а если ему все же это удастся, то это обычно приводит к ужасным потрясениям из-за того, что какой-нибудь журналист раздует тлеющий слух в ревущее пламя, пожирающее истину. Так что, если вы жаждете настоящей истины, вам придется подождать до тех пор, пока вы не переселитесь в астрал!

Да, мисс К., вы задаете хорошие вопросы! Вот еще один: вы спрашиваете, всегда ли аборты — это плохо.

Я бы ответил на это так: нет, часто гораздо лучше сделать аборт, чем приводить в наш и без того перенаселенный мир несчастного малыша, который не является желанным и обречен на тяжкие испытания, не будучи ни в чем виноват. В конце концов, почему он должен расплачиваться за несколько мгновений небрежности своих родителей? Если аборт ранний, в плод еще не вселилось ничье астральное тело.

Кстати, Читатель, жаловавшийся на чрезмерное количество «я»: ко времени написания этой части книги я вполне могу негесцайб быть Старым Автором и стать вместо этого Старым Человеком*, поскольку, уверяю вас, я — не «Старая Женщина». Как бы там ни было, в своих книгах я стараюсь поддерживать личный контакт, ведь все мы друзья, не так ли? Мы — не памятники на пьедесталах. Водрузите себя на пьедестал, и вскоре вас с него сбросят.

* Англ. *man* — «человек» и «мужчина».

А вот еще один вопрос о душе.

«Если душа покидает человека и он становится подобен кочану капусты, должны ли врачи чисто механически поддерживать жизнь в таком кочане?»

Лично я думаю, что нет. Когда человек достигает той стадии, что сущность покидает его и его жизнь поддерживается чисто механически, сохранять такую жизнь просто глупо. В таких обстоятельствах следует дать телу умереть. Так будет лучше всего. Сегодня так часто слышишь о совершенно безнадежных людях, жаждущих смерти, в которых поддерживают жизнь с помощью кучи трубок и дьявольских электронных приборов. Это же не жизнь, они же живые трупы. Почему бы не «отпустить» их?

«Вследствие демографического взрыва возрастает давление на дикую природу. Выживет ли она, или же человек навсегда уничтожит окружающую его среду?»

Многие животные, птицы и рыбы погибнут, многие виды навсегда исчезнут с лица Земли. Человечество прожорливо и ненасытно. Оно не заботится о диких обитателях планеты, а думает лишь о том, как положить в свой карман несколько лишних долларов. Как раз когда я пишу эти строки, в провинции Квебек разработан проект, согласно

которому предполагается вырубить деревья на площади в несколько миллионов акров для нужд бумажной промышленности, поскольку ее продукция необходима для печатания газет, производства искусственной кожи и многого другого, без чего Человек по той или иной причине не мыслит своего существования.

Если срубить деревья, не станет насекомых, птицам негде будет вить гнезда, им нечем будет питаться и они будут обречены на голодную смерть. Такая же участь ожидает и животных, лишенных убежища и пищи.

Человек совершает самоубийство и быстро разрушает свой мир. Исчезновение деревьев вызовет различные тепловые потоки. Деревья регулируют воздушные течения и осадки, так что без них изменится климат. Квебек, где деревья уничтожаются миллионами, превратится в пустыню.

Корни деревьев глубоко проникают в почву и удерживают ее в виде однородной массы. Если вырубить деревья и удалить из почвы их корни, ее перестанет что-либо удерживать и она будет унесена ветром. В результате образуются пустыни, как на западе Америки.

Человечество разрушает свой мир из-за своей совершенно ненасытной жадности к деньгам. Если только люди станут жить более естественно, без всей этой синтетики, они будут счастливее. На сегодняшний день при всех человеческих достижениях загрязнение воздуха, воды и почвы становится все сильнее и сильнее и скоро станет необратимым, так что Земля будет безводной и безжизненной. Многие обитатели высших миров, находящихся за пределами этой Земли, этого мира, изо всех сил стараются повлиять на человечество, чтобы это бессмысленное уничтожение дикой природы прекратилось, чтобы Природа получила возможность восстановить состояние, наиболее подходящее для существования и развития Человека.

Но что это? Большой коричневый конверт, а в нем газета и письмо. Старый Писатель взглянул на газету и тут же отложил ее в сторону, поскольку она была французской, а он не понимал по-французски. Письмо же было написано по-английски. В нем говорилось, что Лобсанг Рампа болен и отошел от дел, а он (автор статьи) является преемником Л обсанга Рампы. Автор письма хотел знать, кто он такой, этот преемник Лобсанга Рампы? Правда ли все это?

Уже многие называли себя Лобсангом Рампой. Но что касается данной статьи, то прежде всего скажу, **что у меня нет преемника.** У меня нет ни учеников, ни студентов. Нет никого, кого я мог бы назвать своим «наследником».

Я умру и покину эту Землю лишь после того, как сделаю все, что пытаюсь сделать, и если кто-либо объявит себя моим преемником, моим наследником, моим представителем, это будет явным и определенным жульничеством, Позвольте повторить еще раз курсивом: *У меня нет преемников. Нет никого, кому бы я делегировал свои «полномочия».*

Одна из самых ужасных вещей в положении действительно известного писателя — это появление множества людей, присваивающих себе его имя. Так, совсем недавно я получил письмо от одной стюардессы, писавшей, что она была очень рада встретиться со мной в самолете, но где же обещанный мною набор книг с автографами? Я прикован к инвалидной коляске или же к постели. Все свои полеты я совершил в астрале и без помощи каких-либо стюардесс.

Было множество случаев, когда кто-нибудь выдавал себя за меня. Иногда это было сопряжено с нанесением обиды другим людям, и они присылали мне письма с упреками. Прискорбно, правда? Вероятно, такого рода вещам будет положен конец, если у каждого будет удостоверение личности. А то мне иногда приходят счета и происходят другие вещи, о которых я ни сном ни духом. Итак, вы предупреждены. Вам следовало бы знать,

как я сейчас выгляжу, но мне иногда кажется, что обложки моих книг рисовал слепой в полной темноте.

«А еще, Лобсанг Рампа, мне хотелось бы знать ваше мнение о целительстве вообще. Мудро ли со стороны человека, живущего в двадцатом веке, им заниматься? Я имею в виду, что врачи сегодня могут почти все, так нужно ли нам оно? Возьмем обычного современного человека: он не понимает, о чем идет речь, когда вы говорите ему, что можете снять головную боль быстро и без кучи таблеток. Он скажет, что вам самое место в сумасшедшем доме. Поэтому я хочу услышать от вас, мудро ли пользоваться способностью к целительству?»

Нет, явно неразумно пользоваться так называемыми способностями к целительству, не имея медицинского образования. Может случиться, что человек страдает от опасной болезни, а с помощью внушения вполне можно приглушить ее симптомы. Этого-то вы добьетесь, но болезнь не вылечите, и если после этого человек будет чувствовать себя плохо, а то и хуже, чем раньше, и пойдет к врачу, то что сможет сделать бедный несчастный врач, если симптомы приглушены? Если бы не это, он, возможно, смог бы определить истинную причину болезни и вылечить ее.

Если только у вас нет медицинского образования или вы не работаете в сотрудничестве с практикующим врачом, вам никогда, никогда не следует пользоваться этими целительскими штуками, поскольку это смертельно опасно. То же и насчет молитв. Когда толпа людей собирается, чтобы помолиться за что-либо, и не знает всех сопутствующих обстоятельств, может сработать закон обратного действия, и положение вещей станет гораздо хуже, чем было. Так что лучшее правило — дать всему идти своим чередом.

Ой-ой-ой, целая куча вопросов об одном и том же! Ладно, рассмотрим следующий. Он звучит так:

«Почему бывает так, что, скажем, два человека страдают от одной и той же болезни, и один легко излечивается, а второй вовсе не поддается лечению?»

Ответ содержится в сказанном выше: потому что один из них настолько внушаем, что симптомы болезни удалось приглушить, и вы решили, что он быстро излечился, второй же менее восприимчив к внушению, поэтому его состояние совершенно не изменилось. Запомните: исцеление с помощью внушения, веры и тому подобного в основе своей связано с гипнотическими эффектами.

Следующий вопрос:

«Почему, когда я лечу других людей, мои руки становятся горячими, когда же я лечу себя, они становятся холодными как лед?»

Ответ: когда вы лечите, или пытаетесь лечить, другого человека, вы внушаете ему, что ему становится лучше, но если вы при этом передаете ему избыточную прану, это разогревает ваши руки. Естественно, вы не можете передать свою прану себе же, поскольку вы ее уже имеете и, по сути, заставляете работать закон обратного действия и просто расходуете свою энергию. Поэтому ваши руки и охлаждаются.

Эта так называемая целительная сила есть в основе своей гипноз и способность подвергать внушению восприимчивого человека. Но обладание такой силой также означает наличие большого количества эфирной энергии, которую мы называем праной, и, обладая такой энергией и будучи сведущи в этих вещах, вы можете передавать ее другому человеку. Это похоже на то, как автомобиль не может завестись морозным утром,

потому что у него сели аккумуляторы. Автомобиль не может ехать, потому что аккумуляторы чересчур слабы для того, чтобы раскрутить стартер. Между тем подъезжает другой автомобиль, его водитель соединяет свой аккумулятор с аккумулятором застрявшего автомобиля. После этого совершается переход энергии, и застрявший автомобиль может ехать. Вот иллюстрация того, как происходит такая передача энергии.

ГЛАВА 11

Мы, кажется, завоевали международное признание. До сих пор мы отвечали на вопросы, присланные из Африки, Индии, Ирана, Англии, так что давайте рассмотрим тот, который проделал менее далекий путь, — он прислан из Квебека. Он касается детей с задержками развития.

«Каково предназначение ребенка, рожденного недоразвитым, а то и инвалидом или слепым? Я знаю, что ничто не происходит бесцельно, но не вижу смысла в детях-инвалидах, появляющихся в нашем обществе. Возможно, это звучит жестоко, но как эти бедняжки могут чему-то научиться? Не лучше ли им умереть?»

Ответ: некоторые из этих детей-инвалидов родились такими потому, что до своего прихода на Землю они определенно выбрали такую жизнь, чтобы приобрести такого рода опыт. В конце концов, откуда вам могут быть известны чувства ребенка-инвалида, если вы никогда им не были? И если вы никогда не были ребенком-инвалидом и не выздоравливали, чем вы можете помочь таким детям?

В других же случаях состояние детей-инвалидов может быть существенно улучшено: они могут быть жертвами небрежности при родах или просто плохой тренировки; часто такое бывает у престарелых родителей. Но в любом случае большинство таких детей имеют «плохую связь» с Высшим Я, и потому его послания не передаются должным образом.

Конечно, в мире много таких людей, которых следовало бы отправить «домой», точно так же, как поступают с животным, когда оно явно неизлечимо, но это одна из тех вещей, которые мы не можем сделать, так как общественное мнение пока что этого не одобряет.

Теоретически, умственно недоразвитого человека лучше всего умертвить теоретически. В действительности же невозможно отличить того, кто безнадежен в смысле обучения, от того, кто просто не видел в жизни ничего, кроме горя. Есть и еще одно: человек, считающийся сегодня неизлечимым и кандидатом на эвтаназию, может в результате развития науки быть вылечен завтра или на следующей неделе.

Прекрасный вопрос, уверен, что он вам понравится:

«До каких пор человеку следует прощать? Библия говорит: «Око за око, зуб за зуб», но это негуманно. Человек Иисус наказывал прощать семьдесят по семь раз, но в сегодняшней жизни это невозможно. Так насколько человеку следует быть терпимым?»

Вот ответ, способный вогнать в краску определенного рода старых дам обоего пола, но правило, которого я придерживаюсь относительно того, сколько следует терпеть, несколько грубовато. Я знаю все насчет «подставь другую щеку», но у нас на самом деле только четыре щеки — две спереди и две сзади. После того как вас ударят по всем четырем, дайте еще ударить себя под зад, да посильнее, — и прекратите эти глупости раз и навсегда, потому что оставаться кротким и смиренным и терпеть все оскорбления в свой адрес — значит просто выставить себя простофилей и слабаком, о котором не стоит и говорить. Нужно решить, человек вы или мышь. Если вы мышь, то пищите в свое

удовольствие, но прячьтесь в норку, прочь с дороги. Если же вы человек — или человечество, — то когда люди переходят определенные пределы, дальше терпеть глупо.

— Доктор Рампа, — начинается письмо, — вы можете заглянуть в Хроники Акаши, вы знаете истинный ход событий. Скажите, как было на самом деле с Шекспиром? Действительно ли он написал свои книги?

Да, для тех, кто знает, как следует и как не следует ими пользоваться, Хроника Акаши доступна — для особых нужд. Кем был Шекспир и почему с его именем связана тайна, на самом деле не важно, но вот некоторые абсолютно точные факты.

Сын бедного фермера, получивший впоследствии известность как Шекспир, обладал одним величайшим качеством. По своей «частоте» он был полностью совместим с существом, которое должно было прийти на Землю для выполнения особого задания. Поэтому мальчика, которому предстояло в будущем стать Шекспиром, весьма тщательно опекали, так, как хороший садовник опекает цветок редкого и драгоценного растения. В определенный момент было устроено так, что существо, вселившееся впоследствии в тело человека, получившего затем известность как писатель Шекспир, было освобождено от уз, которые начали его тяготить. Его не прельщала жизнь в бедности и тяготах, поэтому проще было устроить так, чтобы существо, опекавшее Шекспира, прекратило свою опеку и поменяло место обитания.

Существо, получившее это особое задание и в течение какого-то времени подыскивавшее себе подходящее средство передвижения — поскольку на месте столь высокоразвитых существ было бы неразумно использовать для этого перерождение, рискуя вследствие какой-нибудь родовой травмы утратить часть своих познаний, — так вот, это существо подыскивало себе подходящего подрастающего хозяина, и когда подошло время, один покинул свое тело, а другой тут же его занял.

Теперь в теле бедного крестьянина жил колоссальный интеллект, интеллект, испытывавший определенные трудности с пребыванием в ограниченном объеме — мозговых извилинах. Поэтому некоторое непродолжительное время он пребывал в состоянии стагнации, когда не осуществлял никакой творческой деятельности. Затем гигантское существо, контролировавшее тело крестьянина, отправилось в Лондон и принялось исследовать свое новое тело, привыкать к нему и учиться преодолевать его недостатки.

По прошествии времени, когда существо достаточно освоилось с новыми телом и мозгом, оно начало выполнять свое задание, которое состояло в написании бессмертных классических произведений. Но с точки зрения людей, написание их человеком, которого они видели в Шекспире, было явно невозможным. Поэтому все эти годы находились сомневающиеся и скептики, высказывались дикие предположения насчет того, кем же был Шекспир и кто написал его сочинения.

Итак, сочинения эти написало существо, занявшее тело Шекспира, ибо таково было поставленное перед ним задание. Выполнив же его, оно удалилось, оставив после себя то, что для многих стало неразрешимой загадкой. Но если бы только люди прислушались к тем, кто уже имеет такого рода опыт, они тоже смогли бы пользоваться Хрониками Акаши и узнавать, какие чудеса нас на самом деле окружают.

Вот еще один вопрос, который может представлять некоторый интерес.

«Когда вы говорите, что для совершения астрального путешествия необходимо терпение, имеете ли вы в виду, что потребуются недели, месяцы, или же годы? Или же необходимое время изменяется в широких пределах в зависимости от конкретного человека, от времени, которое он уделяет тренировкам, и его скрытых возможностей?»

На самом деле все мы совершали астральные путешествия. Большинство людей не осознают этого, а смутные утренние воспоминания о такого рода опытах принимают за сны или видения.

Астральные путешествия или, точнее, приобретение навыков их совершения — это почти то же, что обучение езде на велосипеде. Поначалу утверждение, что всякий может научиться езде на двух колесах (не говоря уже об этих одноколесных штука!), воспринимается с недоверием. Но человек ведь может научиться ездить и на двух-, и на одноколесном велосипеде. Человек может научиться ходить по канату, и не существует строго определенного времени, необходимого для того, чтобы стать знатоком по этой части. Это только лишь вопрос навыков. Если вы уверены, что умеете ездить на велосипеде, то вы умеете это. Если вы уверены, что можете ходить по натянутому, или даже ненапрянутому канату, то вы можете делать это. То же и с астральными путешествиями.

Как вы будете рассказывать человеку о том, каким образом ему следует учиться ездить на велосипеде? Что вы станете говорить ему относительно того, как следует пользоваться роликовыми коньками? Разумеется, кроме того, что поначалу стоило бы привязывать подушку к мягкому месту.

Наконец, как бы вы учили человека дышать, чтобы он мог жить? Дыхание — это нечто естественное, мы просто дышим. Мы ведь не всегда отдаем себе отчет в том, что делаем это, не так ли? Осознаем же мы это, лишь когда испытываем в этом отношении какие-либо трудности. Мы — большинство — не отдаем себе отчета в том, что постоянно совершаем астральные путешествия, но это так же просто, как дыхание или езда на велосипеде.

Основное — принять *сознательное* решение совершить астральное путешествие. Я делаю упор на слове «сознательное». К сожалению, слово «воображение» имеет плохую репутацию. Людям кажется, что «вообразить» означает «представить себе нечто несуществующее». Наверное, лучше будет говорить «визуализировать». Итак, для совершения астрального путешествия вам следует лечь в постель — одному, конечно, и в комнате тоже не должно быть никого, кроме вас. Примите любую удобную для вас позу. Если вы умеете стоять на голове и находите это для себя удобным — пожалуйста. Можете также лежать на спине, на боку, на животе. Все, что вам требуется, — это чувствовать себя удобно.

Итак, после того как вы удобно улеглись, убедитесь в том, что вы дышите полноценно, то есть медленно, глубоко, ровно, естественно и непринужденно. Лежите так несколько мгновений, сосредоточившись на своих мыслях. Затем совершите небольшое усилие и визуализируйте себя как тело внутри тела, как тело, выходящее из вашего внешнего тела, точно так же, как рука выходит из надетой на нее перчатки.

Сформируйте умственный образ своего тела, лежащего в постели. На вас надета пижама? Визуализируйте ее, вплоть до застежек и рисунка. На вас ночная рубашка? Визуализируйте ее такой, какая она есть. Вокруг шеи у вас цепочка или кулон? Не забудьте визуализировать и их. Или же вы один из тех несчастных, что спят в позе очищенного банана? Прекрасно, визуализируйте себя таким, какой вы есть.

После этого вообразите (ах, простите, *визуализируйте*) свою астральную форму абсолютно идентичной вашей внешней форме.

Визуализируйте это тело выскальзывающим из вашей плоти и поднимающимся над ней на высоту порядка одного-двух дюймов.

Удерживайте его там, просто сконцентрировавшись на визуализации этой картины.

Если вы девушка, у вас, должно быть, длинные волосы, хотя сегодня они бывают длинными и у юношей. Как бы там ни было, если у вас длинные волосы, визуализируйте их свисающими вниз. Они касаются вашего плотского тела? Тогда подбросьте их на несколько дюймов.

Визуализируйте это тело как плотное образование. Посмотрите на него сверху,

сбоку и снизу, чтобы получить полную, устойчивую его картину.

Теперь позвольте себе почувствовать удовлетворение. Вы вне тела. Чувствуете ли вы, что ваше астральное тело легко поднимается и опускается? Будьте осторожны, если раскачать его слишком сильно, вы получите неприятное ощущение падения, после чего влетите обратно в свое плотное тело и вновь окажетесь просто лежащим в постели.

На миг наладитесь мыслями о своем теле, своем астральном теле, плавающем на небольшой высоте как раз над вашим плотным телом. Затем постепенно визуализируйте астральное тело входящим обратно в плотское, точно так же, как вы погружаете руку в перчатку.

Поупражняйтесь в этом одну или две ночи и убедитесь, что вы можете прочно удерживать визуализацию, после чего можно пойти дальше.

Вы вышли из своего плотного тела и плаваете как раз над ним. Подумайте: куда бы вам хотелось отправиться? Хотите навестить доктора Арманда Леджа, который дал вам такое ужасное медицинское заключение? Прекрасно, вы ведь знаете, как он выглядит. Думайте о нем, думайте о том, как вы путешествуете, о том, как прибываете на место. Если вам это удастся, хлопните его по затылку. Ему станет весьма не по себе! Но, пожалуй, учить вас таким шуткам несколько негуманно.

Вы хотите подумать о своей девушке? Прекрасно, если вам того хочется, вы можете навестить и ее. Но помните, если вы вынашиваете недобрые мысли относительно того, кого собираетесь увидеть, то, несмотря на всю ту уйму упражнений, что вы проделали, вы вернетесь в свое тело с сильным сердцебиением.

Произойдет вот что: предположим, вы покинули свое тело и намереваетесь посетить свою девушку или ту, которую вам хотелось бы видеть в этой роли. Вы знаете, что в это время она обычно принимает ванну, и хотите по смотреть, есть ли какие-нибудь отметины на той одежде, в которой она родилась. Вы приходите туда, но ее аура замечает ваше *присутствие* и настораживает ее подсознание. Ее сознанию становится не по себе, она, быть может, начнет озираться вокруг, может поинтересоваться, не подглядывает ли хозяин дома в замочную скважину.

Она не будет видеть вас, но ее аура вас почувствует, и ее подсознание даст вам такого пинка, что вы позабудете все, что видели, и прогонит вас обратно в ваше тело, в результате чего вы испытаете такой шок, какой вряд ли полагали возможным. Так что только если ваши мысли чисты, вы можете подобным образом вторгаться в чужую частную жизнь, тем же, кто в своих письмах спрашивает, каким образом можно подглядывать за своими подружками в неурочный час, ответчу: ради вас самих — не стоит. Вы нарветесь на весьма неласковое обращение.

Поупражняйтесь в такой визуализации. Это действительно очень просто. Как только вы научитесь визуализировать, вы сможете совершать астральные путешествия, так что время, которое вам на это потребуется, зависит от вас, от того, как быстро вы осознаете одну истину. Истина эта состоит в том, что вы *совершаете* астральные путешествия, но из-за влияния цивилизации и тому подобного не всегда отдаете себе в этом отчет, не всегда помните о них, а когда помните, то в большинстве случаев оставляете эти воспоминания без внимания, считая их игрой воображения, сном или принятием желаемого за действительное.

Как только вы признаете реальность астральных путешествий, вы сможете искренне визуализировать такое путешествие. А когда вы сможете искренне визуализировать астральные путешествия, поверьте мне, вы сможете совершать их, поскольку это гораздо проще, чем встать со стула, чем купить книжку. Астральные путешествия — одна из основополагающих вещей, то, чем живое существо обладает с рождения, будь оно лошадью, обезьяной, человеком или кошкой, — астральные путешествия совершают все. Но то, как скоро вы научитесь совершать их сознательно — зависит от вас.

«Все страньше и страньше»* — следующий вопрос звучит так:

«Вы пишете, что в астрале все мерцает, но у меня в глазах все всегда мерцает. Быть может, это потому, что я ношу очки?»

* Выражение Алисы из сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес». — *Прим. перев.*

Когда вы находитесь в астрале, все мерцает потому, что он полон жизни. Если вы все делаете как надо, вы увидите вокруг себя маленькие световые пятнышки. Все как бы будет играть в лучах света. Не важно, что вы находитесь при этом на грязной железнодорожной станции, куда лучи света проникают сквозь мутное окошко. В лучах света вы будете видеть небольшие пятнышки, летающие вокруг. Да, в астрале все выглядит именно так, вы постоянно погружены в солнечный свет, и все вокруг мерцает, полное жизни. Это как смог, но только наоборот.

В астрале, кстати, не играет роли плохое зрение. Пусть вы даже слепы — это не важно. В астрале вы будете обладать всеми своими чувствами. Вы сможете слышать и видеть, нюхать и осязать, причем с неизменно стопроцентной эффективностью. Так почему бы не попробовать совершить астральное путешествие? Это *просто* и естественно.

И, наконец, астральные путешествия совершенно, совершенно безопасны. Вам не может быть нанесен никакой ущерб, и до тех пор, пока вы ничего не боитесь, с вами не может случиться ничего плохого. Если же вы боитесь, вы просто напрасно тратите энергию. И ничего более. Это единственное — если вы боитесь, вы растрачиваете свою энергию без нужды и замедляете свои колебания настолько, что для вас оказывается затруднительным продолжать свое пребывание в астрале, — так опускается самолет, снизивший свою скорость. Вы ведь не хотите опускаться, не так ли? Замечательно, тогда не бойтесь. Здесь нечего бояться!

Вопросы идут один за другим — так ведь может продолжаться до бесконечности. Старый Человек, сидящий за машинкой, стучит по клавишам, и страницы вылетают одна за другой. Не то чтобы и вправду «вылетают», ведь над каждой приходится думать, но чем больше практикуешься, тем печатание идет быстрее. Так или иначе, страницы вылетают, что означает, что по мере увеличения их количества остается все меньше и меньше места для новых вопросов. Поэтому давайте в этой главе ответим на еще один вопрос и закончим. Вот хороший вопрос:

«Вы пишете, что во время своего пребывания на этой Земле мы осознаем окружающее лишь на одну десятую, но при чтении ваших книг создается впечатление, что мы осознаем меньше, чем существа, населяющие другие планеты. Так, Садовники Земли либо обладают стопроцентным знанием, либо должны быть более могущественны, чем люди Земли, а может, дело в том, что в своем трехмерном состоянии они способны осознавать больше одной десятой? Их интеллект и технические познания представляются намного превосходящими наши, и не только их интеллект, но и сочувствие и понимание. Не могли бы вы объяснить все это?»

Да, конечно, не имею ничего против. Наша Земля находится в одном из самых мелких пылевых облаков Вселенной. Планет, миров существует больше, чем песчинок на всех морских побережьях Земли, вкуче с теми, что на морском дне, ибо число вселенных находится за пределами человеческого воображения. Если вы выскоблите из-под своего ногтя комочек грязи и посмотрите на него в микроскоп, то увидите тысячи комочков грязи. А теперь представьте себе всю ту грязь, что находится на поверхности вашего тела,

и учтите, что чем бы ни представлялась вам эта грязь, она в основе своей состоит из молекул соединений углерода. Итак, комочек грязи из-под ногтя, каким образом вы намереваетесь вообразить себе то количество молекул — то количество миров, — которое несет в себе одно человеческое тело? А когда вы решите для себя этот вопрос, подумайте, а как насчет всех других человеческих тел, тел животных, существ других миров и так далее?

В этом мире люди способны осознать одну десятую, но обитатели других миров могут осознавать на несколько десятых больше. Но если бы даже существовали такие, что осознают лишь одну двадцатую, они все же могли бы быть гораздо более разумными, чем жители Земли.

Садовники Земли — непросто трехмерные существа, живущие где-то там в космосе и готовые прислать сюда своего космонавта или астронавта. Они, кроме того, пребывают в ином измерении, и, разумеется, их технические возможности настолько превосходят человеческие, что люди перед ними — некие микробы, восседающие на некоем комочке грязи.

Огромная трудность состоит в том, что на этой Земле мы вынуждены оперировать трехмерными терминами. Так как же прикажете описывать вещи, происходящие как минимум в девяти измерениях?

Поэтому, чтобы ответить на вопрос, я скажу: да, на Земле мы осознаем только одну десятую. Да, мы способны осознать меньше, чем существа, населяющие более высокоразвитые планеты, пусть даже случилось так, что они тоже способны осознавать только одну десятую.

Да, способность Садовников Земли к осознанию гораздо выше, и они также способны осознавать гораздо больше в гораздо большем числе измерений. Они добились гораздо большего, чем мы теперь, тем не менее есть более высокоразвитые существа, по сравнению с которыми Садовники Земли — то же, что мы для Садовников. Но если мы будем следовать верному закону, а закон этот состоит в том, чтобы поступать так, как бы мы хотели, чтобы по отношению к нам поступали другие, мы тоже сможем подняться до положения Садовников Земли и пойти дальше. Лучше всего это выражено в девизе Британских Военно-Воздушных Сил: «Через тернии к звездам».